РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНIЕ.

Годъ XLVII-й. СЕНТЯБРЬ. 1916 годъ.

СОДЕРЖАНIЕ:

Приложенiе: Фотографiя русской подводной лодки.

IX-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го сентября 1916 года.

Библіографическій листокъ

Записки Е. Метаксы. Съ предисловіемъ и примѣчаніями **В. Ильинскаго**. Пгр. 1915 г. Цѣна 1 р. 50 к.

„Записки флота капитанъ-лейтенанта Егора Метаксы, заключающія въ себѣ повѣствованія о военныхъ подвигахъ Россійской Эскадры, покорившей, подъ начальствомъ адмирала Өедора Өедоровича Ушакова, Іоническіе острова, при содѣйствіи Порты Оттоманской, въ 1798 и 1799 годахъ“, не совсѣмъ незнакомы читателямъ „Русской Старины“, помѣстившей въ прошедшемъ году (февраль и мартъ) сообщенное г. Ильинскимъ интересное изложеніе ихъ и нѣсколько отрывковъ, Метакса—по всей вѣроятности тотъ самый, о которомъ (догадка М. О. Гершензона, „Грибоѣдовская Москва“). вспоминаетъ Чацкій въ „Горе отъ ума“:

А этотъ... какъ его... онъ турокъ или грекъ...
Тотъ черномазенькій, на ножкахъ журавлиныхъ,
Не знаю, какъ его зовутъ,
Куда ни сунься, тутъ какъ тутъ
Въ столовыхъ и гостиныхъ...

„Прекрасно образованный, начитанный, вдумчивый человѣкъ“, характеризуетъ его издатель; „искренно преданный новому своему отечеству, высоко ставившій достоинство Россіи, стремившійся оставить потомству и сослуживцамъ полезное назиданіе и воодушевляющіе примѣры... Вдумываясь вмѣстѣ съ авторомъ „Записокъ“ въ положеніе Ушакова, въ картинно-изображенную обстановку, при какой русскимъ приходилось дѣйствовать, вполнѣ присоединишься къ его мнѣнію, что экспедиція Черноморскаго флота въ Средиземное море въ 1798—1800 г.г. „подвигъ важный и многотрудный“, что его славные результыта получились прежде всего благодаря практическимъ талантамъ знаменитаго Черноморскаго флотоводца“. Увлекательно интересная книга эта тѣмъ цѣннѣе, что представляетъ собою до сихъ поръ неиспользованный матеріалъ для исторіи нашей войны съ Франціей въ Средиземномъ морѣ и для біографіи адмирала Ушакова.

Публицистъ-гражданинъ. Литературный сборникъ, посвященный памяти **Г. К. Градовскаго**. Изданіе Кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. Пт. 1916. Цѣна 2 руб.

Къ свѣдѣнію г.г. подписчиковъ и книжныхъ магазиновъ принимающихъ подписку.

Вслѣдствіе вздорожанія бумаги и типографскихъ работъ, редакція журнала „Русская Старина" доводитъ до свѣдѣнія, что **съ 1-го января будущаго 1917 года, она вынуждена подписную цѣну увеличить на одинъ рубль.**

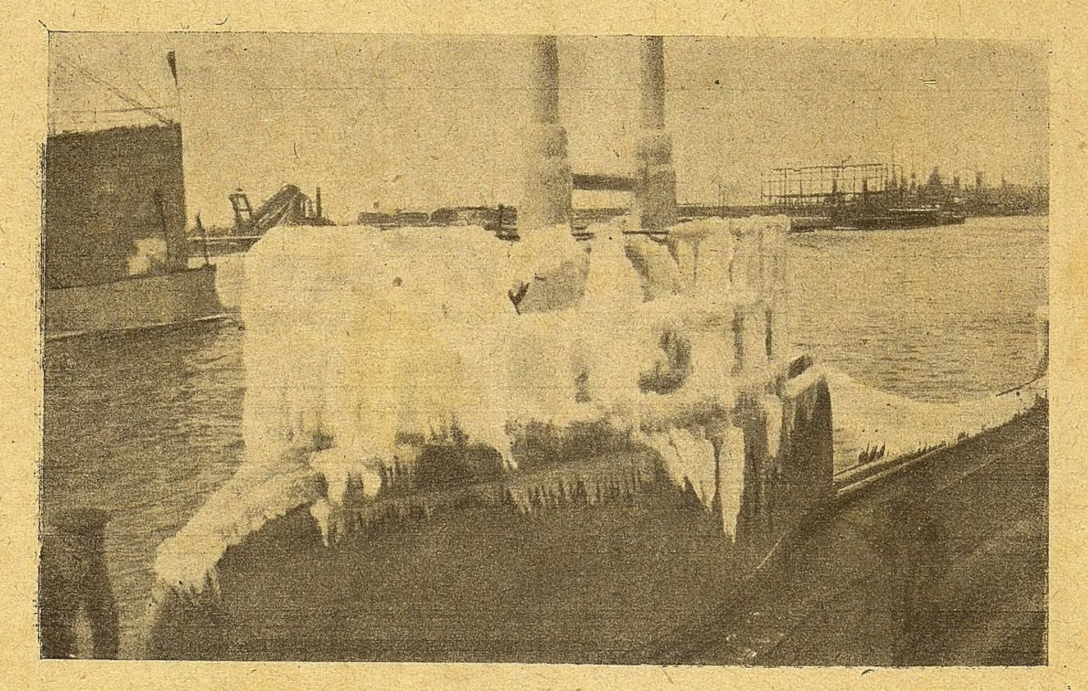
Съ доставкой и пересылкой внутри Россійской Имперіи, **вмѣсто 10-ти рублей—11 рублей; за границу, вмѣсто 12-ти рублей—13 рублей.**

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, будетъ дѣлаема скидка 5% съ подписной цѣны.

Адресъ редакціи: Петроградъ, Фонтанка, 18.

талантамъ знаменитаго [illegible]
кательно интересная книга эта тѣмъ цѣннѣе, что представляетъ собою до сихъ поръ неиспользованный матеріалъ для исторіи нашей войны съ Франціей въ Средиземномъ морѣ и для біографіи адмирала Ушакова.

Публицистъ-гражданинъ. Литературный сборникъ, посвященный памяти **Г. К. Градовскаго.** Изданіе Кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. Пт. 1916. Цѣна 2 руб.

Русская подводная лодка вернувшаяся въ обледенѣломъ видѣ
послѣ зимняго плаванія.

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны [1].

Верховный Главнокомандующій Государь Императоръ во время объѣзда войскъ на фронтѣ подвергается личной опасности. Это выражено особенно рельефно въ „Русскомъ Инвалидѣ" [2]).

„30 марта утромъ Государь Императоръ отбылъ въ автомобилѣ для посѣщенія войскъ одной изъ пѣхотныхъ дивизій. По окончаніи смотра, Государь Императоръ въ тѣхъ же милостивыхъ выраженіяхъ благодарилъ войска за молодецкую службу, желая имъ полнаго успѣха. Генералъ-адъютантъ Брусиловъ передъ фронтомъ войскъ провозгласилъ „ура" Государю Императору. Хоры музыки заиграли гимнъ, и мощное „ура" далеко раскатилось по полю. Государь Императоръ, отдавая честь войскамъ, медленно прослѣдовалъ къ автомобилю.

Во время объѣзда Государемъ Императоромъ войскъ, съ непріятельской стороны показались два аэроплана, направлявшіеся къ мѣсту смотра. Немедленно наша артиллерія открыла по нимъ огонь и заставила ихъ повернуть обратно; погода была солнечная, и въ воздухѣ ясно были видны разрывы шрапнелей".

---

[1]) См. „Русск. Стар.", августъ 1916 г.

[2]) „Рус. Инв." № 39 № 90 с. г.

„На лѣвомъ флангѣ у Хотина, около 11 часовъ утра 30-го марта, непріятельскій аэропланъ, прилетѣвшій со стороны Бояна, былъ встрѣченъ нашими аэропланами и вынужденъ вернуться обратно.

Въ это же время другому непріятельскому аэроплану удалось долетѣть до Жванца, на Днѣстрѣ, противъ Хотина и сбросить здѣсь 5 бомбъ. Осколками одной изъ нихъ былъ раненъ стоявшій на посту рядовой Анатолій Поставневъ. Освѣдомившись о семъ, Государь Императоръ, объѣзжавшій въ это время войска въ 6 верстахъ сѣвернѣе Жванца, повелѣлъ наградить раненаго Георгіевскимъ крестомъ 4-й степени".

10—15 апрѣля. 24 октября 1914 года на позиціи у Бакаларжева 3-я горная батарея 2 финляндской стрѣлковой артиллерійской бригады, съ большимъ отличіемъ состязаясь съ большихъ дистанцій съ превосходной артиллеріей противника, понесла значительныя потери. Отходя назадъ, нижніе чины примѣтили на одной изъ полянокъ небольшой плоскій мѣшечекъ. Батарея пріостановилась. Подняли мѣшечекъ и осмотрѣли, что тамъ находится. Оказалась икона Святителя Николая Чудотворца. Всѣ чины батареи сочли это за знаменіе свыше и положили считать Св. Угодника Николая покровителемъ батареи. Въ дѣйствительности оказалось, что съ этихъ поръ, по день разсказа (10 апрѣля 1916 г.), несмотря на то, что батарея принимала участіе въ самыхъ жестокихъ бояхъ, въ ней не было ни одного убитаго и раненаго въ бою. Чины батареи были такъ увѣрены въ заступничествѣ Святого Угодника, что зачастую пренебрегали самыми необходимыми мѣрами предосторожности. Когда же, по распоряженію свыше, нижніе чины переводились въ другія части, то убѣгали изъ нихъ въ свою родную батарею, подъ покровъ св. угодника Николая.

---

15 апрѣля. Нашъ военный агентъ въ Италіи представилъ въ Главное Управленіе Генеральнаго Штаба свѣдѣнія

о возмутительномъ обращеніи австрійцевъ съ нашими военноплѣнными [1]).

Дисциплина все время была желѣзная, чисто австрійская. Малѣйшія нарушенія установленнаго порядка или просто ошибки, часто являвшіяся послѣдствіемъ непониманія требованія конвойныхъ, вслѣдствіе незнанія языка, жестоко карались карцеромъ, сковываніемъ вмѣстѣ руки съ ногой, подвѣшиваніемъ къ столбу, лишеніемъ пищи и побоями. Во второй половинѣ мая 1.000 нашихъ нижнихъ чиновъ были переведены къ перевалу Бретсеръ въ Тиролѣ, гдѣ ихъ намѣревались использовать для укрѣпленія позиціи, избранной для обороны на случай наступленія итальянцевъ.

Вечеромъ перваго же дня плѣнные черезъ унтеръ-офицеровъ обратились къ австрійскому офицеру—начальнику партіи, съ просьбой освободить ихъ отъ работы, исполненіе которой противно принятой ими присягѣ. Представители партіи присовокупили, что послѣдняя безпрекословно станетъ на любую иную работу, какъ бы она ни была тяжела, но рѣшительно отказываются работать во вредъ Италіи, союзницы Россіи.

Въ отвѣтъ на это имъ было заявлено, что партія будетъ разстрѣляна, если не подчинится предъявленному ей требованію. Вмѣстѣ съ тѣмъ начальникъ партіи обратился къ начальнику обороны Тироля съ ходатайствомъ о присылкѣ въ его распоряженіе достаточной вооруженной силы. Ходатайство это было уважено, и 28 мая 130 учениковъ подготовительной офицерской школы въ Инсбрукѣ, подъ начальствомъ капитана Пильца, прибыли въ Бренисбромъ.

Въ теченіе предшествовавшихъ этому числу трехъ дней наши нижніе чины единодушно отказывались приступить къ работамъ. Въ наказаніе австрійцы подвергли ихъ голодовкѣ, вслѣдствіе чего къ моменту прибытія учениковъ сила физическаго и моральнаго сопротивленія ихъ была уже нѣсколько надломлена.

Австрійскій офицеръ, окруживъ ихъ учениками и приказавъ послѣднимъ зарядить винтовки, спросилъ плѣнныхъ, будутъ ли они работать. Послѣдовалъ дружный отказъ, а за нимъ—команда офицера, по которой ученики приложились. Плѣнные одно мгновенье, казалось, хотѣли бро-

[1]) „Нов. Вр.“ 12 апр.

ситься на своихъ мучителей, но тотчасъ же успокоились и начали готовиться къ смерти, творя молитву, крестясь и кладя земные поклоны.

Въ этотъ моментъ начальникъ партіи, поручикъ пѣхоты Урбинъ изъ Вѣны, докторъ правъ, вновь обратился къ партіи съ вопросомъ, предпочитаютъ ли они смерть повиновенію. 600 человѣкъ отвѣтили согласіемъ работать, но остальные 400 гордо заявили, что умрутъ, но не измѣнятъ присягѣ. Первыхъ немедленно увели на работу, вторыхъ же заключили въ помѣщеніе, настолько тѣсное, что ни сѣсть, а тѣмъ болѣе растянуться, эти несчастные, голодавшіе уже четверо сутокъ, въ немъ не могли. Для отправленія естественныхъ надобностей ихъ выводили подъ конвоемъ не болѣе одного за разъ, и послѣдствія этой мѣры въ выясненіи не нуждаются.

При такихъ обстоятельствахъ, унтеръ-офицеры, передъ тѣмъ руководившіе людьми, отказались далѣе вліять на нихъ, предоставляя имъ самостоятельно распорядиться своею жизнью, вслѣдствіе чего къ утру слѣдующаго дня число несоглашавшихся работать уменьшилось до 200 человѣкъ.

Чтобы подорвать нравственное сопротивленіе и этой кучки, австрійцы прежде всего отдѣлили отъ нея унтеръ-офицеровъ, которыхъ увели въ другое помѣщеніе, и здѣсь, въ теченіе двухъ сутокъ, поочередно подвѣшивали ихъ на два часа къ столбу. Несчастные, физически окончательно разбитые этой пыткой, падали на землю, плакали и просили смерти, но палачи ихъ—будущіе офицеры австро-венгерской арміи—хладнокровно продолжали свое дѣло. Многіе изъ нихъ смѣялись при видѣ мученій плѣнныхъ. Наконецъ, вечеромъ второго дня унтеръ-офицеровъ куда-то увели.

Исчерпавъ всѣ средства понужденія въ отношеніи остальныхъ нижнихъ чиновъ, вѣрность долгу которыхъ оставалась непоколебимой, австрійцы утромъ 1 іюня рѣшили прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ.

Изъ числа плѣнныхъ были избраны 6 человѣкъ, а первому былъ вновь поставленъ обычный вопросъ, на который онъ громкимъ и твердымъ голосомъ отвѣтилъ отрицательно. Когда были окончены приготовленія къ его разстрѣлянію, онъ перекрестился, положилъ земной поклонъ и затѣмъ, вытянувъ руки по швамъ, не дрогнувъ, принялъ въ лобъ

и въ сердце тѣ пули, которыми четверо добровольно вызвавшихся разстрѣлять его въ разстояніи всего лишь въ 20 сантиметровъ совершили свое гнусное дѣло. Изъ этихъ четырехъ будущихъ офицеровъ авторъ показанія назвалъ трехъ: Шпранца и Редлиха изъ Инсбрука и Феррари изъ Боцена.

За первымъ были разстрѣляны слѣдующіе двое, столь же славно принявшіе смерть. Четвертый не выдержалъ, согласился работать и такимъ образомъ спасъ себѣ жизнь. Пятый послѣдовалъ примѣру первыхъ трехъ. Настала очередь шестого, который, стоя уже съ завязанными глазами, въ отвѣтъ на вопросы австрійцевъ осыпалъ ихъ бранью. Знакъ саблею австрійскаго поручика, и онъ послѣдовалъ бы за товарищами, но въ этотъ моментъ присутствовавшіе плѣнные не выдержали нравственной пытки и въ большинствѣ заявили о своемъ согласіи работать. Разстрѣляніе шестого нижняго чина было отмѣнено къ великому неудовольствію послѣдняго, кричавшаго, что онъ работать не будетъ, и требовавшаго смерти.

Послѣ этого плѣнныхъ увели на работу, за исключеніемъ девяти человѣкъ и среди нихъ вышеупомянутаго нижняго чина, категорически отказавшихся слѣдовать за другими и заявившихъ, что предпочитаютъ смерть. Ихъ не разстрѣляли, но заставили рыть могилу для убитыхъ товарищей; дальнѣйшая ихъ судьба неизвѣстна.

Въ настоящее время въ Бреннербадѣ въ 100 шагахъ передъ лучшей въ мѣстечкѣ гостиницей стоитъ деревянный крестъ, на которомъ по-русски сдѣлана анилиновой краской слѣдующая надпись: „1 іюня 1915 года здѣсь умерли четыре русскихъ нижнихъ чина. Миръ и покой“.

Начинается повышеніе домовладѣльцами платы за квартиры. Главный поводъ повышенія это дрова. Обыкновенное явленіе, это фиктивное якобы не повышеніе платы—отнятіе дровъ. Цѣна прежняя: дрова отняты и на прислугу прибавлено. Справедливость соблюдена.

Германія постоянно тормозила въ прежнее время нашу желѣзную дорогу на Мурманъ всѣми силами, черезъ подставныхъ русскихъ подданныхъ препятствуетъ проведенію этой дороги и теперь въ проектѣ о Бѣломорской желѣзной дорогѣ. Она готовитъ здѣсь новыя горы золота и бумаги.

Пламенно желаютъ строить Обь-Бѣломорскую и Обь-Мурманскую дорогу г.г. Вельтманъ, Цейдлеръ, Вертъ, Богословское общество и коммерческій Азовско-Донской банкъ[1])

Съ 10 по 15 апрѣля на западномъ нашемъ фронтѣ происходили незначительныя боевыя столкновенія нашихъ развѣдчиковъ, налеты воздушныхъ кораблей и минная война.

На Кавказскомъ фронтѣ отбиты атаки турокъ въ Ашкалинскомъ, Трапезондскомъ и Эрдзинжанскихъ направленіяхъ.

Верховный Главнокомандующій провелъ дни Страстной Недѣли и встрѣтилъ Великій Христіанскій Праздникъ въ единеніи со всѣми чинами Своего штаба[2]).

Начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, генеральнаго штаба, генералъ-отъ-инфантеріи Алексѣевъ назначается генералъ-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству, съ оставленіемъ въ занимаемой должности[3]).

Слышалъ разсказъ одного поручика, три раза раненнаго и страшно изувѣченнаго. Онъ признанъ негоднымъ къ строевой службѣ и занимаетъ одну изъ должностей на военныхъ сообщеніяхъ.

---

[1]) „Руское Слово“ 15 апрѣля.

[2]) „Рус. Инв.“ № 97.

[3]) Тамъ же.

Онъ удивлялся отношенію предержащихъ къ прибалтійскимъ баронамъ. Про нѣкоторыхъ изъ нихъ точно извѣстно, что они совершали измѣны, а между тѣмъ никто изъ нихъ не повѣшенъ и не преданъ суду, а лишь только высланы изъ края. Даже тогда, когда бароновъ коснулось обвиненіе въ особой государственной измѣнѣ, то баронъ Гротгусъ и Фрейманъ подверглись только каторжной тюрьмѣ. Совершенно иначе обстояло дѣло, когда баронъ былъ захваченъ нашими войсками на службѣ у германцевъ. Такъ было въ Млавѣ въ 1914 году, гдѣ былъ захваченъ въ плѣнъ германскій офицеръ, который былъ опознанъ солдатами полка за лично имъ извѣстнаго уроженца Прибалтійскаго края. Этотъ баронъ и шпіонъ еврей были немедленно повѣшены на одной и той же висѣлицѣ.

Прибалтійскіе помѣщики частью высланы, частью сидятъ въ усадьбахъ, частью бѣжали въ Германію. Латыши массами идутъ въ добровольцы и зорко слѣдятъ за помѣщиками.

Бѣжавшіе изъ плѣна и пробывшіе нѣкоторое время въ занятыхъ германцами нашихъ земляхъ разсказываютъ о томъ обращеніи, которому подвергаютъ нѣмцы занятыя ими губерніи. Наложеніе огромныхъ контрибуцій на населеніе, захватъ всѣхъ жатвъ, захватъ матеріальнаго имущества страны, вырубка всѣхъ лѣсовъ, вывозъ въ Германію фабрикъ и заводовъ. Только въ видѣ исключенія, по мѣстнымъ условіямъ, приспособляются на мѣстѣ къ работѣ фабрики и заводы.

Поэтому и намъ, при подлежащемъ занятіи германскихъ областей, надо поставить неуклонной цѣлью послѣ ихъ занятія исполнять то же самое: жатву снимать, лѣса вырубать, желѣзнодорожный составъ и рельсы вывозить, фабрики и заводы эвакуировать въ Россію, а стѣны разрушать.

Военные заводы подвергать самому детальному уничтоженію.

---

16 апрѣля. Сотрудникъ „Новаго Времени" Тупинъ передаетъ поразительныя данныя относительно ликвидаци

50 крупныхъ нѣмецкихъ торгово-промышленныхъ предпріятій въ Ригѣ. Ликвидація поручена почти только нѣмцамъ. Даже составъ чиновниковъ въ Петроградѣ, которые вѣдали ликвидаціей, состоялъ исключительно изъ нѣмцевъ. Когда же Господь избавитъ отъ этой народной напасти. Не даромъ же г.г. кадеты для созданія и усиленія власти прогрессивнаго блока яростно утверждаютъ, что русскіе не имѣютъ законнаго права преслѣдовать въ Россіи нѣмецкую національность. Она-де одна изъ національностей Россіи, а не врагъ Россіи и травить-де ее русскіе не имѣютъ никакого права.

Вотъ какими типами представляются теперь плѣнные нѣмцы [1]).

Раньше, бывало, спросишь какого-нибудь плѣннаго нѣмца: откуда, какого полка?—Уставится въ землю и молчитъ. Слова не выжмешь. Теперь картина перемѣнилась: плѣнные нѣмцы первые обращаются къ нашимъ солдатамъ съ разными вопросами. Но нѣмецъ—всегда и вездѣ нѣмецъ. Наглость не покидаетъ его даже и въ плѣну...

— У васъ въ плѣну хорошо, вы вѣдь будете кормить насъ такъ, какъ у насъ не кормятъ даже солдатъ,—откровенно заявилъ мнѣ одинъ изъ Фрицей.

— А какъ живутъ наши у васъ въ плѣну?—спросилъ я его.

— Вашимъ живется у насъ хуже... О, много хуже.

И какъ бы въ оправданіе, нѣмецъ тотчасъ же пояснилъ:

— Это потому, что у насъ мало хлѣба, а Россія можетъ прокормить своимъ хлѣбомъ три Германіи...

По крайней мѣрѣ—откровенно. Но, разсчитывая отъѣсться послѣ отечественной голодовки на русскомъ хлѣбѣ, нѣмцы простираютъ свою наглость еще дальше. При допросахъ плѣнныхъ, часто приходится слышать заявленія нѣмцевъ о ихъ желаніи отбывать плѣнъ въ опредѣленныхъ пунктахъ, при чемъ приводятся такія причины:

— Тамъ у меня братъ, тоже плѣнный...

— Тамъ содержится мой дядя...

А одинъ такъ прямо заявилъ:

— Въ этомъ городѣ я жилъ до войны, тамъ у меня много знакомыхъ...

---

[1]) „Веч. Вр." 16 апрѣля.

Плѣнъ, какъ видно, мало удручаетъ Карлушей. Они скорѣй склонны смотрѣть на него какъ на отдыхъ послѣ понесенныхъ ими трудовъ на благо своего фатерланда.

Хорошій урокъ получила нѣмецкая наглость отъ одного нашего новобранца. На одной изъ станцій стоялъ поѣздъ съ нашими солдатами. На ту же станцію пришелъ поѣздъ съ плѣнными нѣмцами. Въ этомъ поѣздѣ одинъ вагонъ былъ съ нѣмецкими офицерами.

Поѣздъ съ плѣнными остановился противъ поѣзда, въ которомъ были наши солдаты.

Тѣ, конечно, тотчасъ же повысыпали изъ вагоновъ взглянуть на „нѣмца“.

Одинъ изъ солдатъ, недавно только призванный и еще не бывавшій на войнѣ, особенно заинтересовался плѣнными. Подойдя къ вагону, въ которомъ были нѣмецкіе офицеры, онъ принялся разсматривать выглядывавшаго изъ окна нѣмецкаго лейтенанта. Разсматривалъ долго, сосредоточенно, почти изучая. Нѣмцу это, вѣроятно, не понравилось.

— Ты чего смотришь?—вдругъ грубо по-русски, спросилъ лейтенантъ.

Новобранецъ, услышавъ отъ нѣмца русскую рѣчь, сначала какъ будто удивился. Потомъ спокойно сказалъ:

— А развѣ на тебя и смотрѣть-то нельзя?

— Мужикъ...—перекосившись, пробормоталъ нѣмецъ.— А куда ты ѣдешь?—снова спросилъ онъ.

— Далече, нѣмчура...

— Куда именно?

— Ишь любопытный!.. Въ Берлинъ...

Нужно было видѣть ту невозмутимость, съ которой были сказаны эти слова, и ту ярость, которая овладѣла лейтенантомъ, получившимъ такой отвѣтъ...

---

17 апрѣля. Пріѣхалъ въ Петроградъ представитель Совѣта Министровъ Сербіи Никола Пашичъ. Заслуга его, великаго политическаго дѣятеля Сербіи и славянъ, громадна. Его выдающаяся политическая дѣятельность, какъ главы правительства началась съ новой сербской династіи. Король Миланъ оставилъ Сербію подъ ужасающимъ политическимъ и экономическимъ гнетомъ Австріи. Пашичъ достигъ сначала экономической независимости Сербіи отъ Австріи, заключивъ торговые договоры съ другими странами внѣ Австріи и

Германіи. Также точно были заключены займы и поставки вооруженія и боевыхъ запасовъ не въ Австріи и не въ Германіи.

Особенно онъ былъ друженъ съ нашимъ посланникомъ въ Болгаріи Гартвигомъ, и съ нимъ вмѣстѣ они ковали неслыханный доселѣ союзъ балканскихъ народовъ и войну этого союза съ Турціей.

Событія политическія недавняго прошлаго у всѣхъ въ памяти.

Съ истиннымъ сочувствіемъ привѣтствуемъ этого великаго славянскаго дѣятеля въ Петроградѣ.

Въ Англіи къ 12 февраля, а во Франціи къ 1 марта 1915 г. не было ни одного австрійскаго или германскаго предпріятія. Всѣ были секвестрованы и обращены на нужды государства.

У насъ, въ Россіи, гдѣ нѣтъ уголка, свободнаго отъ нѣмецкаго промышленника, купца и земледѣльца, съ большой и непонятной осторожностью отдаютъ подъ надзоръ правительственныхъ инспекторовъ предпріятія нашихъ враговъ.

Дѣло это у насъ стоитъ совершенно на мертвой точкѣ.

---

18 *апрѣля.* Телеграфъ принесъ извѣстіе о томъ, что генералъ Таунпендъ, осажденный турками въ Кутѣ, принужденъ былъ сдаться въ виду недостатка съѣстныхъ припасовъ.

Изъ циркуляра, обнаруженнаго при убитомъ германцѣ [1]), усматривается, что Германія вовсе не склонна къ разоруженію и теперь уже заботится о будущемъ. Она предчувствуетъ крушеніе своего черезчуръ смѣлаго плана владычества надъ міромъ, но эта неудача знаменуетъ для нея только временную отсрочку, которой слѣдуетъ воспользоваться въ цѣляхъ подготовленія будущихъ поколѣній къ возобновленію прерванной борьбы. Этотъ циркуляръ изданъ высшими властями Франкфурта-на-Одерѣ и разосланъ во всѣ школы. Онъ начинается насмѣшкой надъ наивностью

[1]) „Нов. Вр.“ 18 апрѣля с. г.

легковѣрныхъ людей, считающихъ возможнымъ даже теперь, послѣ настоящей войны, какое-то братство народовъ. „Одной изъ главныхъ заботъ педагогическаго персонала школъ,— говорится дальше,—должно быть тщательное наблюденіе за тѣмъ, чтобы страшные уроки только-что пережитаго нами прошлаго и настоящаго запечатлѣлись на всю жизнь въ умахъ подростающаго поколѣнія. Необходимо прежде всего внушить всему нашему народу убѣжденіе, что, только благодаря своимъ грознымъ сухопутнымъ и морскимъ силамъ, Германія можетъ обезпечить себѣ миръ и процвѣтаніе, и въ силу этого никакія постороннія попытки склонить ее къ братанію съ иностранными сосѣдями не должны заставить ее хоть сколько-нибудь сократить дальнѣйшее вооруженіе".

Такимъ образомъ, благодаря ознакомленію съ означеннымъ циркуляромъ, для насъ не остается сомнѣній, что происходящая въ настоящее время борьба имѣетъ цѣлью не только удержаніе настоящей Германіи въ необходимыхъ границахъ, но и воспрепятствованіе дальнѣйшему ея росту въ будущемъ, которое она подготовляетъ уже въ настоящее время, заранѣе устраняя съ своего пути всѣ „сказки" о братствѣ народовъ и всеобщемъ разоруженіи.

---

19 апрѣля. Разсказываютъ, что за наемъ баржъ для перевозки дровъ стоимостью въ 500 рублей грабители мародеры просятъ теперь 3.600 рублей. Быть можетъ, это происходитъ оттого, что водные пути не подчинены военному вѣдомству и баржи не реквизируются.

„Koelnische Zeitung", „Frankfurter Zeitung" и „Kreuz-Zeitung" посвящаютъ не мало мѣста вопросу о борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ и конечно грозятъ намъ за это:

„Послѣ заключенія мира виновные (?), разумѣется, подвергнутся заслуженной карѣ". „Прибалтійскіе нѣмцы уже не вернутся подъ господство Россіи для дикой травли всего нѣмецкаго".

Газеты находятъ, что несомнѣнно правильно рѣшеніе (?) Германіи „поставить освобожденіе Прибалтійскаго края непремѣннымъ условіемъ при заключеніи мира".

Г. Филатовъ въ „Русскомъ Словѣ“ передалъ, какъ эта Пасхальная ночь была проведена тамъ, на позиціяхъ.

„Тихая весенняя ночь. Воздухъ прозрачный и теплый. До церкви идти версты двѣ назадъ,—она расположена у штаба дивизіи,—и даже фонаря не надо: хотя звѣзды свѣтятъ слабо, но вся атмосфера проникнута слабымъ сіяніемъ весеннихъ ночей.

Идетъ весь нашъ отрядъ: уполномоченный, оба доктора, три сестры и студенты; завѣдующій обозомъ построилъ санитаровъ въ колонну, и они гулко отбиваютъ ногу.

— Такъ приличнѣе,—объяснилъ онъ,—а то прутъ, какъ бараны,—и самъ сталъ маршировать во главѣ.

Эта стройность должна была утѣшить генерала, который вотъ уже цѣлую зиму не можетъ привыкнуть къ санитарамъ:

— Ни пройти, ни козырнуть не умѣютъ.

Чѣмъ ближе къ церкви, тѣмъ больше попадаются отдѣльные люди и колонны: идутъ изъ парковъ, батарей, обозовъ. Только самые необходимые люди остаются,—одна бѣдная пѣхота сидитъ, прикованная къ окопамъ. Въ церковь могутъ пойти только резервный полкъ, да по три человѣка отъ взвода, чтобы святить куличи.

Издалека сіяетъ свѣчами зеленая церковь. Она была построена еще осенью изъ хвои, но теперь подновлена и расширена. Алтарь въ видѣ зеленаго шатра не только съ Царскими, но и съ боковыми вратами. Передъ нимъ построенъ открытый навѣсъ, служащій какъ бы солеей, подъ нимъ впереди всѣхъ стоятъ штабъ и сестры,—имъ заранѣе было назначено почетное мѣсто; здѣсь же стоятъ еще четыре дамы: это жены офицеровъ, пріѣхавшія на Пасху. Съ одной стоитъ дѣвочка лѣтъ тринадцати. Она гоститъ вмѣстѣ съ матерью уже третій день и на все смотритъ удивленными, расширенными глазами. Эта поѣздка, вѣроятно, наложитъ отпечатокъ на всю ея жизнь.

Самая церковь—просто четырехугольная площадка, огороженная хвоей; теперь ея западная стѣна разобрана, и толпа молящихся далеко выходитъ за ея предѣлы. Я нарочно отошелъ въ сторону. Несмотря на тишину, огоньки свѣчей все-таки колебались, сливались въ одинъ сплошной свѣтлый столбъ, который поднимался высоко къ небу. Подходишь ближе,—мелькаютъ солдатскія лица, сосредоточенныя, спокойныя: на нихъ не видно праздничнаго на-

---

¹) „Рус. Сл.“ 16 апр. с. г.

строенія. Вѣроятно, у большинства мысли далеко отсюда; въ деревенскихъ церковкахъ, гдѣ съ дѣтства привыкли они встрѣчать Свѣтлый праздникъ. Теперь на фронтѣ, какую бы ни дали обстановку, изъ всѣхъ пасхальныхъ пѣснопѣній дѣйствительно близокъ и соотвѣтствуетъ настроенію лишь одинъ стихъ: ...„и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ", ибо большинство присутствующихъ, проникнутые торжественными словами, чувствуетъ себя оторванными отъ міра и накрытыми тяжелой крышкой войны, которая давитъ не хуже гробовой.

Торжественно обходитъ крестный ходъ вокругъ елочекъ, богослуженіе проходитъ чинно подъ звуки очень недурного солдатскаго хора.

Послѣ заутрени всѣ христосуются, поднимается гулъ и шумъ. Святятъ куличи,—именно куличи,—ибо пасокъ и яицъ почти нѣтъ.

Сейчасъ же послѣ заутрени, не дожидаясь обѣдни, ѣду съ однимъ изъ офицеровъ къ окопамъ, гдѣ тоже, вѣдь, празднуютъ Пасху. Тамъ, гдѣ можно было пріютиться въ лѣсочкахъ, полковые священники отправляли богослуженіе совсѣмъ вблизи фронта, а по части окоповъ прошелъ крестный ходъ. Онъ могъ бы пройти по всѣмъ окопамъ, такъ какъ стрѣльбы въ эту ночь совсѣмъ не было.

Въ этомъ году наша и западно-европейская Пасхи совпали. Этимъ въ большой степени и объясняется спокойствіе нѣмцевъ, которые вообще съ нашими праздниками не считаются.

Въ окопахъ холодно, надъ рѣкой виситъ предутренній туманъ, который заползаетъ холодной слизью, но здѣсь у солдатъ нѣтъ того гнетущаго чувства, какъ въ дивизіонной церкви,—здѣсь все-таки всѣ напряжены, настороже. Первое, что мы услыхали:

— Ваше благородіе, а германецъ-то не стрѣляетъ!

— Да у нихъ тоже праздникъ.

— Вотъ мы такъ и полагали. Многіе, не дожидаясь розговѣнъ, благо нѣмецъ молчитъ,—спятъ, свернувшись клубочкомъ, на соломѣ окопа, нѣкоторые даже въ землянки залѣзли.

Прошли по окопамъ, засѣли въ землянку погрѣться у печки. Шумъ слышенъ: вышелъ полковой командиръ, обходитъ, здоровается со старыми солдатами,—немного ихъ,—христосуется; раздаютъ подарки,—полковыя дамы прислали кисеты.

Вотъ это сразу оживило.

Громадное удовольствіе солдатамъ подарки оттуда, „изъ Рассеи", а кисеты являются чѣмъ то въ родѣ сюрпризовъ,— сколько ожиданія, пока раскроетъ.

Обходъ полка затягивается. Уже солнце поднимается надъ горизонтомъ, когда мы вылѣзаемъ изъ послѣдней роты. Всѣ ноги посбили, устали и идемъ разговляться въ штабъ полка.

— Гдѣ будемъ встрѣчать слѣдующую Пасху? — вотъ всѣхъ занимающій вопросъ.

— Должно быть въ окопахъ, — говорятъ почти всѣ.— Гдѣ только будутъ окопы?

На эту тему гадаютъ разно, но утвержденіе Вильгельма о лаврахъ на головахъ нѣмцевъ-побѣдителей вызываетъ только улыбку. Будутъ ли нѣмцы разбиты черезъ годъ, это — вопросъ, но что они не будутъ побѣдителями, это ясно для всѣхъ: такихъ благопріятныхъ условій, какъ въ 1915 году, они уже не будутъ имѣть.

---

20 апрѣля. Слышалъ разсказъ унтеръ-офицера Онежскаго полка Сибрика. Онъ былъ старшимъ команды развѣдчиковъ и уволенъ въ отставку, т. к. имѣетъ 37 раненій и ослѣпъ на оба глаза. За свои выдающіеся боевые подвиги онъ награжденъ 4 медалями и георгіевскими крестами всѣхъ четырехъ степеней. И за большія заслуги пожалованы ему эти кресты. То онъ съ четырьмя человѣками, пользуясь туманомъ, заставляетъ бросить оружіе 37 челов. и беретъ два пулемета. Когда же, при выяснившейся обстановкѣ, непріятель замѣтилъ незначительное число побѣдителей, то онъ оказался уже безъ оружія. То онъ съ 2 человѣками уничтожаетъ большой разъѣздъ противника съ захватомъ части его въ плѣнъ. То онъ подъ самымъ Краковомъ въ ноябрѣ 1914 г., находясь въ арміи Радко Дмитріева, захватываетъ донесеніе высшаго штаба, громадной важности.

Въ „Новомъ Времени" [1]) приводится интересное сообщеніе подъ названіемъ „Крестъ спасъ".

[1]) „Нов. Вр." 20 апр. с. г.

„Тяжелая бомба угодила какъ разъ въ блиндажъ, и отъ солиднаго сооруженія не осталось ничего. Сердце радуется, что люди успѣли перейти въ ровики. Опоздай на пару минутъ, и изъ восьми жителей блиндажа не осталось бы ни одного. Еще очередь: рвется почти на самой батареѣ, съ пѣніемъ на разные тоны, несутся осколки и, какъ бы сердясь, что жертвы скрылись отъ нихъ въ ровики, съ сердцемъ ударяются въ землю, въ насыпи. Слѣдующая очередь уже дальше. Очевидно, нѣмцы обстрѣливаютъ площади и батарею уже прошли. Слава Богу, потерь нѣтъ. Однако изъ ровиковъ выходить еще рано. Но людямъ сидѣть въ нихъ надоѣло. Молодчага съ Георгіемъ на груди, бомбардиръ Будьздоровенко выскакиваетъ изъ ровика, почти въ тотъ же моментъ раздается взрывъ, онъ не успѣваетъ запрятаться обратно и падаетъ, ухватившись руками за грудь. Порядочный осколокъ угодилъ ему въ самое сердце. Обстрѣлъ кончился или ушелъ куда-то далеко.

На груди у Будьздоровенка сломанный крестъ, рваная одежда, много крови. Но онъ, хотя и безъ сознанія, но еще живъ. Наскоро перевязали, уложили на носилки, унесли.

— Ишь, ты, въ самое сердце, конченъ онъ,—грустно говорили солдаты.

— И кусокъ креста, внутрь осколокъ ушелъ. И до лазарета не дотянуть, кончится по дорогѣ.

Но Будьздоровенко не кончился. Тотъ самый крестъ, который онъ получилъ за подвигъ, связанный съ сознательной жертвой жизнью, тотъ самый крестъ спасъ, отстоялъ ему жизнь.

Направленіе осколка прямо въ сердце,—говорилъ врачъ, — сила болѣе, чѣмъ достаточная, чтобы пробить сердце, и, если бы не крестъ, Будьздоровенко былъ бы уже трупомъ. Но осколокъ, сломавъ крестъ, измѣнилъ направленіе. Онъ пошелъ вдоль груди и вырвалъ только куски мяса. Никакихъ поврежденій нѣтъ, и несомнѣнно, онъ поправится.

Батарея ждетъ Будьздововенка, и когда онъ вернется, мы будемъ гордиться его трехграннымъ крестомъ“.

Позорными дѣлами занимаются нѣкоторые россіяне: въ такое тяжелое время, какъ настоящая страшная война, они поступаютъ на содержаніе нѣмцамъ и прикрываютъ своимъ русскимъ именемъ торгово-промышленное предпріятіе. Закона Бріана о преслѣдованіи тюрьмой лицъ, прикрывающихъ вражескія предпріятія, у насъ и въ поминѣ нѣтъ.

Корреспондентъ Daily Mail побывалъ недавно въ Константинополѣ и посѣтилъ Энвера-пашу въ зданіи военнаго министерства, которое помѣщается на холмѣ въ самомъ центрѣ турецкаго квартала Стамбула и окружено рѣшеткою въ 2 саж. вышины. Оно совершенно обновлено и кишитъ нѣмцами.

Въ бесѣдѣ съ адъютантомъ-нѣмцемъ авторъ замѣтокъ обратилъ вниманіе на виднѣвшуюся изъ окна большую мачту искровой станціи Османли. „Мы по безпроволочному телеграфу переговариваемся съ Берлиномъ!“ заявилъ адъютантъ, „перевезли сюда искровую станцію черезъ Румынію подъ видомъ цирка“.

Энверъ-паша небольшого роста, лѣтъ тридцати пяти, а на видъ еще моложе, красивой наружности, съ черными глазами и усами, очень тщательно одѣтый, самодовольный и самоувѣренный; хорошо говоритъ по-нѣмецки (онъ былъ военнымъ агентомъ въ Берлинѣ), носитъ орденъ желѣзнаго креста. Онъ предложилъ посѣтителю папироску и развалился въ креслахъ, ожидая вопросовъ. Тотъ въ видѣ вступленія спросилъ, правда ли, что Англія хочетъ заключить съ Турціею сепаратный миръ?

— „Слишкомъ поздно“, съ улыбкою отвѣчалъ Энверъ, „можетъ быть она этого желала и можетъ быть достигла бы, но мы слышали, что державы согласія (или, какъ онъ выразился, „mal Entente“), рѣшили отдать Константинополь Россіи, и это принуждаетъ насъ оставаться на сторонѣ центральныхъ державъ“. По поводу Галлиполи Энверъ-паша заявилъ: „Если бы англичане имѣли мужество бросить еще нѣсколько судовъ въ Дарданеллы, то они дошли бы до Константинополя, но ихъ заминка дала намъ возможность укрѣпить полуостровъ Галлиполи и въ 6 недѣль свезти туда свыше 200 орудій съ австрійскаго завода Шкода. Но если бы они даже заняли столицу, то этимъ дѣло не кончилось бы; мы рѣшили отойти на окружныя высоты и въ М. Азію, а городъ предоставить имъ; они его бы не разрушили и тамъ бы застряли. При помощи германцевъ мы можемъ нанести англичанамъ ударъ черезъ Суэцкій каналъ, нашъ девизъ—въ Египетъ!“.

---

21 апрѣля. Гибель „Португаліи“ не нашла отклика въ финляндской печати. Помѣстивъ лишь оффиціальныя сообщенія о потопленіи госпитальнаго судна, ни одна

финляндская газета не сочла нужнымъ высказаться самостоятельно по поводу этого нѣмецкаго звѣрства.

Вообще въ Финляндіи замѣчается тенденція не замѣчать о безчисленныхъ звѣрскихъ дѣяніяхъ германцевъ. Очень мало шлютъ оттуда благотворительной помощи страдающей Россіи. Это не мѣшаетъ нашимъ думскимъ финнолюбамъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ съ думской каѳедры дѣлать выпады за Финляндію.

Г. Мзура въ „Вечернемъ Времени"[1]) приводитъ поучительныя разъясненія по поводу надзора надъ вражескими предпріятіями.

„Правительство опубликовало наконецъ наказъ правительственнымъ инспекторамъ по надзору за дѣятельностью торгово-промышленныхъ предпріятій, владѣльцами или участниками которыхъ являются непріятельскіе подданные. Можно, конечно, лишь удивляться, что только къ 15 апрѣля 1916 г. министерство торговли и промышленности придало силу закона правительственному надзору за враждебными и опасными для Россіи предпріятіями, связанными въ той или иной степени съ подданными воюющихъ съ нами странъ.

Наказъ, однако, наводитъ на рядъ размышленій.

Задачи правительственныхъ инспекторовъ крайне сложны и, если требовать точнаго выполненія, крайне отвѣтственны. Инспектору принадлежитъ не только надзоръ за движеніемъ суммъ предпріятія, но и общее наблюденіе за дѣятельностью торгово-промышленнаго предпріятія и забота о томъ, чтобы предпріятіе было использовано для нуждъ обороны; правительственному инспектору вмѣняется при этомъ въ обязанность принимать къ тому мѣры. Вся корреспонденція фирмы, всѣ кассовыя книги, списки акціонеровъ и пайщиковъ, кассы и безопасныя помѣщенія въ банкахъ, гдѣ хранятся документы и капиталы предпріятія,—все подлежитъ надзору инспектора.

Такимъ образомъ добросовѣстный инспекторъ долженъ отдать все свое служебное время на надзоръ за вражескимъ предпріятіемъ, чтобы не дать ему возможности обслуживать интересы нѣмцевъ и Германіи и чтобы оно послужило дѣлу обороны нашего отечества.

---

[1]) „Веч. Вр." 21 апр.

Такой чиновникъ фактически не существуетъ для работы по своему вѣдомству. Итакъ, или онъ останется на своемъ посту, и тогда не будетъ достаточно внимательно относиться къ надзору за вражескими предпріятіями, или же, слѣдя за своимъ поднадзорнымъ, будетъ манкировать служебными занятіями.

Выводъ одинъ. Чиновникъ долженъ быть перечисленъ на время войны въ распоряженіе особаго дѣлопроизводства по правительственному надзору и всецѣло отдаться изученію и наблюденію за порученнымъ ему предпріятіемъ. Это должно быть служебной командировкой, не связанной, однако, съ повышеніемъ получаемаго чиновникомъ по своей непосредственной должности оклада. Пусть за ревностное отношеніе къ дѣлу они получатъ служебныя преимущества, но ставить правительственнаго инспектора, въ смыслѣ высокаго вознагражденія, въ полную зависимость отъ того же поднадзорнаго предпріятія—и соблазнительно, и нецѣлесообразно.

Едва-ли государство, при указываемомъ порядкѣ, потеряетъ на время войны много чиновниковъ, прикомандированныхъ къ особому дѣлопроизводству по надзору. Надо думать, что въ концѣ концовъ же у насъ совсѣмъ не останется нѣмецкихъ фирмъ, а число подозрительныхъ, при условіи удаленія подставныхъ русскихъ директоровъ, значительно сократится.

Я нѣсколько подробнѣе остановился на наказѣ потому, что никакъ не могу понять, какимъ образомъ три или десять инспекторовъ могутъ, служа въ своихъ канцеляріяхъ, въ то же время слѣдить за планомѣрною дѣятельностью поднадзорнаго вражескаго предпріятія и изучать его нѣмецкую структуру съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ.

По этому поводу я получилъ много писемъ съ разныхъ мѣстъ, и, между прочимъ, мнѣ сообщаютъ о неосуществимости надзора за такой явно германской фирмой, какъ „Кунстъ и Альберсъ" на Дальнемъ Востокѣ. Фирма раскинула цѣлую сѣть отдѣленій, изъ которыхъ каждое можетъ продолжать вдали отъ надзора прежнюю торговую политику, преподанную, скажемъ, изъ Гамбурга, гдѣ находится главная контора этого торговаго дома, руководимаго бывшимъ германскимъ консуломъ.

У фирмы закупочныя конторы въ Москвѣ, Ригѣ и агентъ въ Петроградѣ. Кто слѣдитъ и какъ слѣдятъ за этими без-

численными отдѣленіями пресловутаго Кунста, разбросанными по городамъ и селамъ Приамурья и Уссурійскаго края, за этими агентами, шныряющими по Россіи? Эти агенты—Штенгель и Скрибановичъ—посѣщаютъ сосланнаго въ Нарымъ главу т. д. „Кунстъ и Альберсъ", бывшаго германскаго консула Даттана.

При такихъ условіяхъ едва-ли возможно точное соблюденіе ст. 14 наказа не только по отношенію къ Даттану, но даже и къ его женѣ, германской подданной, проживающей въ Берлинѣ при сынѣ, сражающемся въ рядахъ германской арміи. Это можно предполагать хотя бы потому, что между сосланнымъ Даттаномъ и его женой въ Берлинѣ былъ контактъ, такъ какъ служащая Даттана г-жа Стефанова совершила въ разгаръ войны поѣздку изъ Берлина въ Нарымъ.

Что думаютъ правительственные инспектора о ликвидаціи принадлежащей Даттану земли у Никольска-Уссурійскаго и о роли его довѣреннаго, швейцарскаго подданнаго Штауфахера, живущаго на Сахалинѣ и получающаго за это 10.000 руб., хотя всѣ каменноугольныя заявки Даттана реквизированы? Вникли ли инспектора во взаимоотношенія между Даттаномъ и владѣльцами каменноугольныхъ площадей на Сахалинѣ, гг. Хитрово и Ренкевичемъ, а если вникли, то сообщили ли они свои наблюденія горному департаменту? Я знаю, что при исполненіи ими своихъ служебныхъ обязанностей, они фактически лишены возможности точно выполнять наказъ министерства торговли и промышленности по надзору. А сколько такихъ же фирмъ и такихъ же ненормальныхъ положеній!

Интересно было бы знать, сколько протестовъ правительственныхъ инспекторовъ противъ дѣятельности поднадзорныхъ предпріятій поступило въ особое дѣлопроизводство по правительственному надзору за вражескими и подозрительными „по Германіи" (какъ „по чумѣ") торгово-промышленными предпріятіями?"

---

22 апрѣля. Предсѣдатель Совѣта министровъ, въ бытность въ Москвѣ, подвергалъ обсужденію вопросъ о ликвидаціи общества 1886 года, которое еще по сіе время, несмотря на всѣ усилія московскаго городского управленія, никакъ не могутъ вырвать изъ цѣпкихъ нѣмецкихъ рукъ.

Вотъ эта замѣчательная корреспонденція по словамъ „Русскаго Слова“ [1].

„Предсѣдатель совѣта министровъ Б. В. Штюрмеръ, прибывшій въ Москву, между прочимъ, пожелалъ на мѣстѣ подвергнуть обсужденію вопросъ о ликвидаціи общества 1886 г.

Вчера спеціально собранное для этого совѣщаніе состоялось, подъ предсѣдательствомъ Б. В. Штюрмера, въ квартирѣ градоначальника. Въ совѣщаніи приняли участіе: градоначальникъ В. Н. Шебеко, губернаторъ гр. Н. Л. Муравьевъ, завѣдующій технической частью московскаго градоначальства инженеръ Анохинъ, городской голова М. В. Челноковъ, товарищъ городского головы В. Д. Брянскій и гласные: Л. Л. Катуаръ и Н. И. Гучковъ—отъ города, гг. Грузиновъ и Нарожницкій — отъ губернскаго земства, и друзья общества 1886 г., члены временнаго управленія гг. Свенторжецкій и Кюхельбекеръ, памятный московскому городскому управленію по настойчивой защитѣ интересовъ общества 1886 г. еще въ междувѣдомственной комиссіи Ильяшенко.

Открывая собраніе, Б. В. Штюрмеръ указалъ на то, что вопросъ о ликвидаціи общества 1886 года представляется ему слишкомъ всѣмъ извѣстнымъ для того, чтобы нужно было что-нибудь говорить о немъ.

Извѣстно,—сказалъ Б. В. Штюрмеръ,—*всѣмъ и представляется вполнѣ опредѣленно установленнымъ, что общество 1886 года является ядромъ нѣмецкихъ предпріятій въ Москвѣ. Мнѣ думается, что никто противъ этого и возражать не станетъ...*

Это основное положеніе, высказанное предсѣдателемъ совѣта министровъ, встрѣтило, конечно, единодушную поддержку всего собранія. Даже гг. Свенторжецкій и Кюхельбекеръ со своимъ помощникомъ Бетелькахеромъ,—отъ того же министерства, — не обмолвились ни единымъ словомъ.

— Такимъ образомъ, мнѣ представляется,—продолжалъ Б. В. Штюрмеръ, — что намъ нечего касаться вопроса о состояніи общества, а необходимо намѣтить программу выясненія другихъ важныхъ въ этомъ дѣлѣ вопросовъ.

Б. В. Штюрмеръ объяснилъ совѣщанію, какіе вопросы въ этомъ сложномъ дѣлѣ представляются ему наиболѣе важными и интересными.

[1] „Русск. Сл.“ 20 апр. 1916 г.

Необходимо выяснить, какъ поступить въ дальнѣйшемъ съ предпріятіемъ общества 1886 г., кому можетъ быть передано предпріятіе этого общества для эксплоатаціи и не представится ли какихъ-либо техническихъ и хозяйственныхъ препятствій, если бы предпріятіе оказалось переданнымъ московскому городскому управленію.

М. В. Челноковъ высказалъ пожеланія города. Онъ счелъ нужнымъ подчеркнуть, что эти пожеланія не идутъ дальше того, что было признано необходимымъ предпринять противъ общества 1886 года въ комиссіи сенатора Ильяшенко, т. е. дальше ликвидаціи общества черезъ особую ликвидаціонную комиссію и выкупа предпріятія городскимъ управленіемъ. Для опредѣленія стоимости предпріятія,—путемъ ли балансовыхъ расчетовъ, или производствомъ фактической оцѣнки, — понадобится незначительное время: все это можно будетъ выполнить въ мѣсячный срокъ.

По вопросу о томъ, кому должно быть передано для эксплоатаціи предпріятіе общества, представители города объяснили, что передача предпріятія общества Москвѣ никакихъ финансовыхъ затрудненій представить не можетъ: будетъ ли городъ вынужденъ уплатить обществу единовременно за выкупаемое имъ предпріятіе, или же допущена будетъ разсрочка,—московское городское управленіе одинаково просто съ этими расплатами справится.

Это мнѣніе было энергично высказано представителями финансовой комиссіи Л. Л. Катуаромъ и Н. И. Гучковымъ.

Далѣе представители города, ссылаясь на практику другихъ своихъ грандіозныхъ предпріятій, указывали, что техническихъ препятствій у города быть не можетъ. Городъ отлично справляется со своими предпріятіями. Другой вопросъ—препятствія хозяйственнаго характера.

Общество фабрикантовъ боялось повышенія цѣнъ на энергію, а особенно забастовокъ въ электрическомъ предпріятіи, особенно часто, будто бы, происходящихъ въ городскихъ предпріятіяхъ.

М. В. Челноковъ и другіе представители города указали, что препятствій этихъ городское управленіе не боится.

Въ подтвержденіе они ссылались на практику своего водопровода, канализаціи, наконецъ, собственной электрической станціи.

Представители временнаго управленія общества 1886 г., которымъ, конечно, передача общества городу не улыбается,

съ трудомъ нашли приличный поводъ для возраженій. Они говорили о томъ, что при огромномъ значеніи станціи, обслуживающей многія предпріятія, работающія на оборону, было бы неосторожно производить передачу предпріятія общества изъ однѣхъ рукъ въ другія. На это горожане твердо заявили, что „оборона" страны будетъ болѣе обезпечена, когда предпріятіе будетъ находиться въ русскихъ рукахъ, а не въ нѣмецкихъ рукахъ.

Засѣданіе закончилось краткимъ резюме, которое было сдѣлано предсѣдателемъ совѣта министровъ Б. В. Штюрмеромъ.

Въ концѣ-концовъ, Б. В. Штюрмеръ заявилъ, что вопросъ о ликвидаціи общества 1886 года въ настоящее время выдвигается на очередь для обсужденія въ совѣтѣ министровъ. Совѣту министровъ придется рѣшить вопросъ о томъ, кому передать предпріятіе общества 1886 года,— одному ли городу, или городу совмѣстно съ правительствомъ, или же уступить его побѣдителю на спеціальныхъ торгахъ конкуррентовъ.

На этомъ совѣщаніе и кончилось.

Отмѣтимъ лишь выступленіе представителей земства, которые заявили, что вопросъ о ликвидаціи общества „Электропередача" не можетъ разсматриваться отдѣльно отъ ликвидаціи общества 1886 года, такъ какъ судьба этихъ обоихъ вопросовъ одинакова и одинаково же должно быть и разрѣшеніе ихъ".

Несмотря на то, что по словамъ Б. В. Штюрмера: общество 1886 года является ядромъ нѣмецкихъ предпріятій въ Москвѣ, представители временнаго управленія гг. Свенторжецкій, Кюхельбекеръ и Бетелькахеръ имѣли смѣлость доказывать неосторожность передачи общества 1886 г. въ другія руки. Пламенныя рѣчи отцовъ города Москвы нисколько не убѣдили гг. Свенторжецкаго, Кюхельбекера и Бетелькахера.

Фамиліи Кюхельбекеръ и Бетелькахера ясно показываютъ, почему они были противъ ликвидаціи. Является вопросомъ, какое общественное россійское положеніе занимаетъ г. Свенторжецкій. Весь Петроградъ дастъ на это слѣдующій отвѣтъ: Людоміръ Вацлавовичъ, военный инженеръ, генералъ-лейтенантъ.

Былъ у Пашича. Очаровался его высокимъ умомъ, образованіемъ, его необычайной энергіей, пламенной вѣрой

въ свѣтлое будущее. Мнѣ раньше передавали, что Пашичу слишкомъ за 60 лѣтъ, а мнѣ при встрѣчѣ показалось, что это бодрый человѣкъ въ половинѣ 50-хъ годовъ, но когда онъ начиналъ говорить про Сербію, про ихъ страданія, про сербскую армію, его глаза загорались, онъ воодушевлялся и становился молодымъ человѣкомъ. Превращеніе это было настолько поразительно, что невольно возникалъ вопросъ—его ли видѣлъ нѣсколькими минутами раньше. Разговоръ переходилъ на другую тему, взоръ потухалъ, и опять Пашичъ становился прежнимъ. Сербскій посланникъ Спалайковичъ увѣрялъ меня, что Пашичу въ исходѣ 60 лѣтъ, а въ дѣйствительности ему было подъ 80 лѣтъ.

Сегодня въ 4 часа дня, по распоряженію сенатора Кузьмина, арестованъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость бывшій военный министръ, отставной генералъ-отъ-кавалеріи В. А. Сухомлиновъ.

---

22 апрѣля. Въ Англіи произошло событіе великой государственной важности, имѣющее громадное значеніе для войны: англійскій парламентъ принялъ въ первомъ чтеніи билль о всеобщей военной службѣ. Такимъ образомъ великая война сдѣлала то, что казалось совершенно невозможнымъ для Англіи.

Петроградскому обывателю совершенно ясна одна изъ подпольныхъ причинъ, которая понижаетъ курсъ нашего рубля въ Финляндіи. Въ только-что опубликованномъ отчетѣ финляндскаго банка имѣются на 32½ милліоновъ марокъ корреспонденты въ Берлинѣ, Любекѣ, Франкфуртѣ на Майнѣ и въ Вѣнѣ. Г.г. финляндцы высасываютъ денежки съ Россіи всѣми приличными и неприличными способами, не неся надлежащихъ общеимперскихъ расходовъ.

Г. Сибирскій въ „Русскомъ Словѣ“ описываетъ такъ состояніе Трапезунда передъ сдачей [1]):

„Нѣмцевъ въ Трапезундѣ было немного, но одинъ изъ нихъ, знаменитый полковникъ фонъ-Унгернъ, являясь

[1]) „Русск. Сл.“ 21 апр. с. г.

только командиромъ полка, въ то же время имѣлъ громадное вліяніе на всѣ дѣла въ городѣ, какъ на военное, такъ и на гражданское управленіе. Онъ былъ на позиціяхъ вмѣстѣ съ недавно прибывшимъ въ Трапезундъ Вехтибъ-пашой и Хаджи- Хаиди-беемъ. Задолго до паденія Трапезунда сюда временно пріѣзжалъ наладить и устроить разбитый отрядъ человѣкъ высокой энергіи и организаторскаго таланта Халитъ-паша, командующій байбуртскимъ отрядомъ. Командующіе отрядомъ употребляли все вліяніе, чтобы заставить войска драться до послѣдней капли крови. Войскамъ, занимавшимъ позиции на Ахудагѣ и Келимъ-Кая, были отданы категорическіе приказы умереть, но не сдаваться, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, имъ заявили о томъ, что надняхъ должна притти на помощь тринадцатая дивизія. Когда же выяснилось, что никакіе приказы, никакія подкрѣпленія не въ силахъ остановить движеніе побѣдоносныхъ русскихъ войскъ, то городъ рѣшено было бросить. Былъ призванъ греческій митрополитъ, комендантъ на словахъ передалъ ему власть надъ городомъ, и немедленно послѣ лихорадочно-торопливой свалки въ море казеннаго имущества войска двинулись на западъ".

„Журналь де Балканъ" сообщаетъ, что изъ пограничнаго съ Австріей румынскаго округа Доробова вывезена въ Австрію большая партія кошекъ и собакъ, мясо которыхъ пойдетъ на изготовленіе колбасъ для арміи.

---

23 апрѣля. Въ Петроградъ пріѣхали французскіе министры Вивіани и Тома. Тома министръ снабженій.

Тома и англійскій министръ Ллойдъ Джорджъ это чудотворцы по снабженію армій Англіи и Франціи вооруженіемъ и боевыми припасами.

---

24 апрѣля. Для военноплѣнныхъ и нашихъ рабочихъ на лѣсныхъ дачахъ отдѣлъ по заготовкѣ топлива поставилъ сапоги въ количествѣ до 4.000 паръ, которые обошлись до 50.000 р. Весь подрядъ этотъ былъ исполненъ въ разныхъ мѣстахъ незначительными партіями и по разнымъ цѣнамъ. Въ результатѣ сапоги оказались съ бумажными подметками, обшитыми кожей. Гласный Елизаровъ, обращая на этотъ заказъ вниманіе, проситъ разслѣдованія ревизіонной комиссіи, при

чемъ указываетъ, что заказъ не прошелъ ни черезъ думу, ни черезъ управу [1]).

---

24 апрѣля. „Сдача оружія мятежниками въ Ирландіи протекаетъ вполнѣ успѣшно. Вчера 39 мятежникамъ вынесены приговоры военнымъ судомъ. До настоящаго времени утверждены три приговора, притомъ всѣ къ смертной казни. Однако приговоръ приведенъ въ исполненіе только въ отношеніи одного осужденнаго, двумъ же другимъ смертная казнь замѣнена безсрочными каторжными работами. 19-го апрѣля военный судъ приговорилъ трехъ мятежниковъ къ 3 годамъ каторжныхъ работъ“.

Новая германская нота Америкѣ представляетъ обычную двуличность и наглость Германіи: она указываетъ, что германскимъ правительствомъ предписано командующимъ морскими силами соблюдать общепризнанныя нормы международнаго права, о задержаніи, обыскѣ и уничтоженіи комерческихъ судовъ и не топить ихъ безъ предварительнаго предупрежденія и принятія мѣръ къ спасенію находящихся на нихъ людей, поскольку суда эти не будутъ пытаться спастись бѣгствомъ или оказывать сопротивленіе.

Далѣе выясняется желательная цѣль Германіи, что Соединенные Штаты добьются отъ Англіи уничтоженія всѣхъ преградъ къ возстановленію безпрепятственнаго морского судоходства.

„Если правительство Соединенныхъ Штатовъ не добьется желаемаго результата, то Германія будетъ поставлена лицомъ къ лицу передъ новымъ положеніемъ вещей, относительно котораго она сохраняетъ за собой полную свободу рѣшеній“.

Ну, можетъ ли быть что-либо нахальнѣе: мы, нѣмцы, можемъ дѣлать то, что хотимъ мы, и противники наши должны дѣлать то же, а если не будутъ дѣлать, то для насъ нѣтъ никакихъ обязательствъ.

---

25 апрѣля. Съ плѣнными у насъ обращаются сверхгуманно: одинъ нашъ унтеръ-офицеръ разсказывалъ, что не

---

[1]) „Нов. Вр.“ 24 апрѣля.

только толкнуть плѣннаго не позволяютъ, но даже воспрещаютъ ему сказать какую бы то ни было угрозу.

Наказаніе ему одинъ только слабый арестъ. Свобода для плѣнныхъ большая.

По другимъ даннымъ плѣнные плохо работаютъ у сельскихъ хозяевъ, портятъ имъ скотъ и убѣгаютъ съ работы, а иногда забастовываютъ, когда считаютъ, что имъ недостаточно даютъ мяса.

---

26 апрѣля. „Омскій Вѣстникъ" передаетъ: по возбужденному омскимъ епархіальнымъ братствомъ вопросу о возможности разрѣшенія военноплѣннымъ вступать въ бракъ, главное управленіе генеральнаго штаба разъяснило, что разрѣшеніе вопроса о вступленіи въ бракъ военноплѣнныхъ признано соотвѣтственнымъ отложить до окончанія войны[1]).

Ну можно ли представить себѣ болѣе дикую фантазію, какъ ходатайство омскаго епархіальнаго братства о бракахъ военноплѣнныхъ.

---

27 апрѣля. „Новое Время" [2]) сообщаетъ о саратовскомъ королѣ мукомоловъ Фридрихѣ Шмидтѣ:

Мукомолъ Фридрихъ Шмидъ увѣдомилъ городской продовольственный отдѣлъ, что перемалывать городское зерно онъ болѣе не будетъ.

Свой отказъ Фридрихъ Шмидтъ мотивируетъ тѣмъ, что опредѣленное количество помола, причитающагося на его долю, закончено.

Странно: вѣдь недавно герръ Шмидтъ вмѣстѣ съ „Саратовскимъ Вѣстникомъ" заявилъ, что у него зерна нѣтъ. Герръ Шмидту, стало быть, выгоднѣе перемалывать чужое зерно по 18 коп. съ пуда, чѣмъ оставить мельницы въ бездѣйствіи.

Всѣмъ ясно, къ чему стремится Фридрихъ Шмидтъ. Когда же, однако, это станетъ ясно и „саратофской" администраціи?

Сегодня миновало 10 лѣтъ со дня установленія у насъ народнаго представительства.

---

1) „Нов. Вр." 26 апрѣля.

2) „Нов. Вр." 27 апрѣля.

28 апрѣля. Интересное показаніе плѣннаго приводитъ корреспондентъ „Новаго Времени“ [1]).

— Мы вашихъ пушекъ не боимся,—говорилъ недавно одинъ плѣнный турецкій офицеръ,—на Галлиполи мы видали и не такія, какъ ваши, а вотъ аскеръ вашъ очень страшенъ для насъ. Они идутъ въ атаку и ихъ ничѣмъ не остановишь. Сколько мы стрѣляемъ въ нихъ, а они все идутъ... И не падаютъ! И при этомъ непремѣнно норовятъ дойти, чтобы штыкомъ проткнуть.... Вотъ это для насъ самое страшное...

В. М. Дорошевичъ разсказываетъ о томъ, какъ нынѣ такъ много намъ противодѣйствующіе, курдскіе беки ѣхали въ Константинополь на поклонъ къ Абдулъ-Гамиду.

„Курдскіе беки, вожди были приглашены въ Константинополь.

Здѣсь они должны были увидѣть:

— Своего падишаха во всемъ его блескѣ и великолѣпіи.

Здѣсь ихъ осыпали подарками.

Здѣсь самъ халифъ долженъ былъ:

— Зажечь ихъ святымъ огнемъ.

Чтобъ они горѣли, какъ костры на границѣ.

Подъ нихъ былъ зафрахтованъ тотъ самый пароходъ Австрійскаго Ллойда „Далмація“, на которомъ шелъ теперь я.

„Курдскіе беки явились во всемъ великолѣпіи, съ безчисленной прислугой.

Съ запасомъ провизіи.

Со своими поварами.

— Чтобъ не кормили чѣмъ нечистымъ.

И въ тотъ же день помощникъ прибѣжалъ къ капитану въ ужасѣ.

— Капитанъ! Они ѣдятъ... нельзя сказать, изъ чего они ѣдятъ!

Усѣвшись на палубѣ, курдскіе беки важно и величественно ѣли изъ посуды, предназначенной... предназначенной вовсе не для ѣды.

Они были очень довольны, найдя посуду въ ночныхъ столикахъ.

— „Франки“ молодцы! Каждому поставлена своя миска, чтобъ ѣсть!

---

1) „Нов. Вр. 28 апрѣля с. г.

Капитанъ,—разсказывалъ онъ мнѣ,—схватился за голову. Что дѣлать?

Сказать?

Курды сочтутъ за насмѣшку.

И всѣхъ перерѣжутъ:

— За такое оскверненіе.

Онъ созвалъ помощниковъ и команду и строго-настрого приказалъ:

— Не обращать вниманія.

Избави Боже, не смѣяться и какъ-нибудь не дать понять ошибку.

Курдскіе беки такъ до самаго Константинополя питались изъ вазъ, не созданныхъ для такой чести".

29—30 апрѣля. 28 апрѣля въ особомъ присутствіи Петроградской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей слушалось дѣло пастора Глезера, который обвинялся въ томъ, что призывалъ нижнихъ чиновъ, призванныхъ на дѣйствительную службу, сдаваться въ плѣнъ германцамъ. Дѣло слушалось при закрытыхъ дверяхъ, приговоръ же объявленъ публично. Обвиненіе къ Глезеру было предъявлено по 1 п. 1 ч. 129 ст. уг. ул. Палата приговорила подсудимаго къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ на поселеніе.

Г. Курмояровъ сообщаетъ о новыхъ подлостяхъ германцевъ [1]:

Нѣмецкіе аэропланы бросаютъ не только бомбы. Звѣрская „подлость" Германіи изощряется на такія выдумки, которыя не могутъ придти въ голову честному человѣку даже по отношенію врага. Летчики кидаютъ сверху... коробки съ конфетами. Можно подумать, какая любезность, какіе милые подарки войскамъ и населенію! Но конфеты эти отравлены и не просто какимъ-нибудь ядомъ, а бациллами самыхъ тяжелыхъ заразныхъ болѣзней. Изслѣдованіе одной изъ такихъ „бомбоньерокъ" показало, что въ ней заключены холерныя, тифозныя и другія болѣзни. Бросаютъ коньякъ, спиртъ, съ гнуснымъ разсчетомъ на то, что трезвый солдатикъ или мужикъ обрадуется счастливой на-

---

[1]) „Нов. Вр." 29 апрѣля с. г.

ходкѣ и не преминетъ ею воспользоваться. Но, слава Богу, мнѣ не пришлось слышать, чтобы солдаты поддались обману: подозрительныя бутылки сдавали по начальству, и онѣ тутъ же уничтожались.

Знаменитаго творца германскаго закона о двуподданствѣ Дельбрюка заставили выйти въ отставку.

Въ послѣднее время у насъ въ образованномъ обществѣ нѣкоторыя лица стали носить лапти.

Съ 16-го по конецъ апрѣля военныя дѣйствія протекали слѣдующимъ образомъ: на западномъ нашемъ фронтѣ обычная ружейная и артиллерійская перестрѣлка, нападенія аэроплановъ, столкновенія развѣдывательныхъ партій.

За это время непріятель практиковалъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отбитыя нами контръ-атаки; такъ было на Рижскомъ фронтѣ у Рогацема, на Двинскомъ у Епукны, у о. Медмузскаго, къ югу отъ Двинска до Нарочa, у Видзъ у Поставъ, на Волыни у Олыка и Колки и въ Галиціи у Язловицъ.

25 апрѣля „Бреслау" бомбардировалъ Евпаторію.

На Кавказскомъ фронтѣ мы сначала продвигались впередъ на Эрзерумскомъ, Эрзинджанскомъ и Діарбекирскомъ направленіяхъ, а затѣмъ турки, получивъ подкрѣпленія, стали переходить въ наступленіе въ Байбуртскомъ, Битлисскомъ, Эрзинджанскомъ и Мамахатунскомъ направленіяхъ, но всѣ атаки были отражены.

На Багдадскомъ направленіи сначала мы потѣснили турокъ, а затѣмъ турки перешли въ наступленіе.

Въ № 104 „Рус. Инв." помѣщено слѣдующее оповѣщеніе Морского Генеральнаго Штаба:

На дняхъ въ Черномъ морѣ нашимъ флотомъ были затралены и подняты германскія мины загражденія. Морской Генеральный Штабъ съ чувствомъ глубокаго негодованія сообщаетъ, что, ставя эти мины на Святой недѣлѣ, непріятель счелъ для себя позволительнымъ совершить дерзкую богохульственную насмѣшку надъ православнымъ обычаемъ поздравленія со Свѣтлымъ Праздникомъ и помѣстилъ на

всѣхъ минахъ сверху бѣлой краской слѣдующую надпись въ болгарской орѳографіи: „Христово Воскресеніе!“.

Какъ сообщаютъ новѣйшія телеграммы изъ Стокгольма, въ серединѣ апрѣля въ Берлинѣ состоялся большой военный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ кайзера. На совѣтѣ присутствовали, кромѣ кронпринца и баварскаго престолонаслѣдника, наслѣдный австрійскій эрцгерцогъ, баварскій принцъ Рудольфъ, маршалъ Гинденбургъ, фельдмаршалъ Макензенъ, генералы фонъ-Эмерихъ и фонъ-Беловъ и Сандерсъ и даже адмиралъ султана Сушонъ. Кромѣ того, сюда же съѣхались начальники штабовъ германскаго, австрійскаго, болгарскаго и турецкаго.

Одинъ англійскій корреспондентъ [1]), побывавшій въ Константинополѣ, такъ разсказываетъ о своемъ пребываніи въ этомъ городѣ:

Константинополь наполненъ ранеными и больными солдатами; всѣ большія зданія обращены въ лазареты, изъ коихъ наибольшій въ Лицеѣ; на всѣхъ домахъ богатыхъ французскихъ и англійскихъ коммерсантовъ развѣвается флагъ „Краснаго Полумѣсяца“; раненые перевозятся городскими извощиками, экипажи которыхъ послѣ того по распоряженію нѣмцевъ тщательно дезинфецируются.

Султанъ является только безвластною фигурою; онъ по пятницамъ ходитъ въ ближайшую мечеть, боясь посѣщать Айю-Софію изъ опасенія покушенія; на улицѣ толпа его привѣтствуетъ только, когда съ нимъ Энверъ-паша. Его полная, тяжелая фигура имѣетъ жалкій видъ, и нельзя удивляться, что турки отняли у него власть. Султанъ предоставляетъ свободу распоряжаться Талаатъ-бею и Энверъ-пашѣ. Послѣдній считаетъ себя главною силою въ имперіи, но на дѣлѣ Турціею управляетъ ловкій государственный человѣкъ Талаатъ. Хотя онъ и германофилъ, но, по слухамъ, онъ вѣритъ въ конечную побѣду державъ Согласія, и возможно, что онъ не противникъ заключенія съ ними сепаратнаго мира.

Когда было объявлено въ Турціи объ эвакуаціи союзниками полуострова Галлиполи, въ столицѣ было ликованіе; на всѣхъ углахъ прибиты были афиши съ возвѣще-

---

[1]) „Рус. Инв.“ № 106.

ніемъ побѣды на турецкомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Турки разсказывали, что союзникамъ было нанесено рѣшительное пораженіе и они были сброшены въ море.

Авторъ замѣтокъ, однако, не особенно смущался этими разсказами, плохо довѣряя турецкимъ сообщеніямъ и тѣмъ болѣе, что не видать было плѣнныхъ, которыхъ нѣмцы и турки не замедлили бы показывать въ столицѣ.

Зато три дня спустя онъ видѣлъ прохожденіе по улицамъ около 10.000 турецкихъ войскъ съ Галлиполи; никогда не случалось ему видѣть такого жалкаго войска—исхудалые, тощіе солдаты еле плелись, многихъ тащили товарищи; ни ружей, ни снаряженія они не несли—все возилось за ними на повозкахъ, но на каждаго турецкаго офицера приходилось 2 германскихъ; эти войска нуждались несомнѣнно въ нѣсколькихъ недѣляхъ полнаго отдыха (они, повидимому, въ началѣ февраля были отправлены въ Малую Азію). Если принять во вниманіе выносливость турецкаго солдата, то можно представить себѣ, какое напряженіе и какія лишенія испытывали турецкія войска на Галлиполи.

Проходя по мосту черезъ Золотой Рогъ, нашъ авторъ обратилъ вниманіе на ту особенность, что съ нѣмцевъ не берутъ установленную плату въ одинъ пенни. Объясняется это тѣмъ, что когда британская подводная лодка миною повредила мостъ, турецкіе инженеры не могли его исправить и обратились по обыкновенію за помощью нѣмцевъ, которые быстро выполнили работу; но когда изъ Берлина прислали счетъ за нее, турки развели руками и въ отчаяніи заявили, что они не въ состояніи заплатить. Счетъ остался неуплаченнымъ, но зато всѣмъ германскимъ подданнымъ разрѣшено было безплатно проходить по мосту; корреспондентъ убѣдился въ этомъ простѣйшимъ способомъ—онъ съ контролеромъ заговорилъ по-нѣмецки и тотчасъ былъ пропущенъ даромъ.

Всѣмъ извѣстна малая достовѣрность турецкихъ сообщеній, и нужно быть очень наивнымъ, чтобы вѣрить тому, что читаешь въ турецкой газетѣ. Въ Хасъ Кейулѣ на Золотомъ Рогѣ произошелъ странный взрывъ на пороховомъ заводѣ; газеты объявили, что убито 3 человѣка и ранено 6; а зданій, кромѣ самого завода, разрушено 2. Корреспондентъ пожелалъ провѣрить это извѣстіе и отправился на мѣсто взрыва въ еврейскій кварталъ—вся окрестность оказалась въ развалинахъ, погибло не менѣе 2.000 человѣкъ

и еще 2 недѣли послѣ взрыва рабочія партіи отрывали трупы изъ подъ развалинъ.

Въ Стеніи на Босфорѣ авторъ видѣлъ оба знаменитыхъ судна „Гебенъ" и „Бреслау". „Гебенъ" въ очень дурномъ состояніи и поддерживается на водѣ только при помощи искусственныхъ приспособленій (это было въ январѣ 1916 г.); пробоины отъ снарядовъ въ немъ задѣланы цементомъ; его, видимо, не считаютъ болѣе годнымъ къ дѣйствіямъ, ибо нѣсколько изъ его крупныхъ орудій были свезены на берегъ. Зато „Бреслау" былъ въ полномъ порядкѣ и, заново выкрашенный въ сѣрый цвѣтъ, казался готовымъ къ выходу въ море. Въ городѣ слышно много различныхъ версій о томъ, какъ этимъ двумъ судамъ удалось спастись въ Дарданеллы въ началѣ войны; одинъ изъ турецкихъ депутатовъ разсказывалъ, что оба судна нашли себѣ убѣжище въ Мессинѣ и въ разстояніи 3-хъ-мильной нейтральной зоны ихъ поджидали 24 союзныхъ судна. Уйти казалось немыслимымъ, и командиръ „Бреслау" предлагалъ интернироваться въ нейтральномъ порту, но командиръ „Гебена" стоялъ за прорывъ, и его мнѣніе, какъ старшаго, восторжествовало. Оба судна ночью вышли изъ порта и, держась возможно ближе къ берегу, благополучно ушли и достигли Дарданеллъ. Прибытіе ихъ, по мнѣнію депутата, повліяло на рѣшеніе Турціи участвовать въ войнѣ; турки полагали, что съ придачею этихъ двухъ крейсеровъ ихъ флотъ въ состояніи будетъ справиться съ русскимъ флотомъ въ Черномъ морѣ.

Ко дню отъѣзда корреспондента изъ Константинополя стали приходить первые слухи о русскомъ наступленіи на Кавказской границѣ. Онъ еще успѣлъ увидѣть, какъ были отправлены въ Арменію 5 отлично снаряженныхъ турецкихъ баталіоновъ съ новыми ружьями. Авторъ настаиваетъ на серьезномъ намѣреніи турокъ и германцевъ организовать походъ въ Египетъ.

Нѣмцы обучили 4.000 солдатъ ѣздѣ на верблюдахъ (обучались они въ Гамбургѣ въ циркѣ Гагенбека), а такой отрядъ можетъ имѣть большое значеніе въ пустынѣ. Экспедиція должна была выступить изъ Алеппо. Съ турками еще приходится серьезно считаться; хотя они и понесли большія потери, но людей у нихъ еще много и нѣмцы хорошо ихъ натаскиваютъ.

Сводя знакомство съ германскими офицерами, скучавшими за отсутствіемъ развлеченій, ибо всѣ увеселитель-

ныя мѣста въ Константинополѣ были закрыты, а также съ другими нѣмцами, корреспондентъ узналъ много интереснаго. Типичный нѣмецъ, старшій конструкторъ подводныхъ лодокъ съ завода „Германія" въ Килѣ, за угощеніе пивомъ и лестные отзывы о нѣмцахъ, посвятилъ его въ тайны проникновенія германскихъ подводныхъ лодокъ въ Турцію; изъ малаго типа ихъ въ то время было не болѣе четырехъ (№ 4, 18 и 25 и еще одна); на всѣхъ на боевой рубкѣ былъ намалеванъ большой „желѣзный крестъ".

База ихъ 2 (15) января находилась въ Золотомъ Рогѣ, между двумя большими германскими коммерческими судами. Позднѣе прибыли еще 2 лодки. Онѣ въ разобранномъ видѣ были перевезены по желѣзной дорогѣ въ Тріестъ, тамъ собраны и отправились въ море. На лодкахъ нѣмцы одѣты въ свою форму, тогда какъ на крейсерахъ носятъ фески. Турецкихъ подводныхъ лодокъ не существуетъ, также какъ и аэроплановъ у турокъ только нѣсколько штукъ. Большая германская подводная лодка U 51, пришла моремъ изъ Киля въ 1915 г. черезъ Гибралтаръ; она имѣла очень значительные размѣры и крупное орудіе въ носовой части. Ею были потоплены британскіе броненосцы „Тріумфъ" и „Маджестикъ". Командиръ ея, капитанъ ф. Херсингъ, разсказывалъ автору о своемъ путешествіи изъ Киля; какъ онъ въ надводномъ плаваніи прошелъ черезъ Гибралтаръ, какъ у о-ва Лемноса попалъ въ британскую заградительную сѣтку и съ трудомъ высвободился съ поврежденнымъ винтомъ и какъ онъ въ началѣ мая 1915 года прибылъ въ Константинополь. Этотъ офицеръ производитъ впечатлѣніе скромнаго и порядочнаго человѣка; онъ категорически отрицалъ, что „Лузитанія" была потоплена его лодкою. Вообще, по мнѣнію корреспондента, хотя среди германскихъ морскихъ офицеровъ, вѣроятно, имѣются тоже варвары, но тѣ, съ которыми онъ встрѣчался въ Паласъ Отелѣ въ Перѣ, очень отличаются отъ офицеровъ сухопутныхъ войскъ—надменныхъ и грубыхъ. Большинство морскихъ офицеровъ, которые не питаютъ симпатій къ своимъ сухопутнымъ товарищамъ, сильно огорчены службою, которую имъ приходится нести по приказанію свыше. Потопленіе „Лузитаніи" сильно критикуется въ германскомъ флотѣ.

Подводныя лодки въ Константинополѣ, помимо своего прямого назначенія, служатъ нѣмцамъ для держанія въ повиновеніи турокъ, такъ какъ даже малыя лодки имѣютъ въ носовой части орудіе, хотя и небольшого калибра, но

достаточное для внушенія страха. Иногда происходятъ инциденты между нѣмцами и турками. Такъ, однажды корреспондентъ „Берлинеръ Тагеблатъ“, докторъ Ледера, сообщилъ своей газетѣ, что въ виду недостатка въ артиллеріи у турокъ, пришлось съ „Гебена“ снять 2 крупныхъ орудія и установить ихъ на Галлиполи. Турки обидѣлись на такое разоблаченіе тайны, арестовали Ледера и послали его въ концентраціонный лагерь. Барону Вангенгейму съ трудомъ удалось освободить Ледера послѣ 6 недѣльнаго ареста; корреспондентъ былъ высланъ изъ Турціи.

Авторъ замѣтокъ упоминаетъ о своемъ знакомствѣ въ пути съ австрійскимъ шпіономъ, побывавшимъ 2 раза въ Англіи и открывшимъ ему уловки нѣмецкихъ шпіоновъ. Чтобы попасть въ Англію, шпіонъ долженъ заручиться паспортомъ въ нейтральной державѣ и рекомендаціей какой-либо торговой фирмы, въ качествѣ агента которой онъ предполагаетъ путешествовать. Для полученія паспорта нужно фальшивое метрическое свидѣтельство; такіе документы въ началѣ войны въ нейтральныхъ странахъ можно было купить за 100—120 рублей. По полученіи паспорта, нужно визировать его у британскаго консула; многіе изъ консуловъ—мѣстные жители, другіе хотя и англичане, но не могутъ провѣрить подлинности метрики — при нихъ надлежало бы для этой цѣли имѣть спеціальныхъ сыщиковъ-англичанъ. Заручившись „визой“, шпіонъ свободно проникаетъ въ Англію и осторожно входитъ въ сношенія съ живущими тамъ нѣмецкими шпіонами.

Далѣе этотъ же корреспондентъ „Daily Mail“ въ №№ 108 и 111 „Русскаго Инвалида“ описываетъ о своемъ пребываніи въ Болгаріи.

Въ путевыхъ замѣткахъ корреспондента далѣе описывается, какъ онъ попалъ на историческій обѣдъ съ кайзеромъ въ Нишѣ 5-го (18-го) января 1916 г. Съ нѣкотораго времени онъ сталъ замѣчать, что кто-то въ его отсутствіи въ отелѣ интересуется его бумагами и, опасаясь наблюденія со стороны полиціи, рѣшилъ уѣхать изъ Константинополя. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ турецкихъ газетахъ появилось извѣстіе, что императоръ Вильгельмъ ѣдетъ въ Бѣлградъ. Это всѣхъ очень удивило, такъ какъ и здѣсь много говорили о болѣзни кайзера. Нашъ журналистъ воспылалъ непреодолимымъ желаніемъ видѣть Вильгельма и въ то же время по-

смотрѣть Бѣлградъ. Онъ отправился вновь къ Халилъ-бею. Халилъ-бей принялъ его любезно и, выслушавъ цѣлый рядъ комплиментовъ и страстное желаніе просителя видѣть „Бога Войны", далъ ему свою карточку и письмо къ начальнику полиціи въ Стамбулѣ. Съ нѣкоторой опаской корреспондентъ отправился на другой день въ полицейское управленіе, гдѣ ему объявили, что балканскій экспрессъ пойдетъ только черезъ нѣсколько дней, а пока можно ѣхать только на германскомъ воинскомъ поѣздѣ. Авторъ замѣтокъ упомянулъ о своей аудіенціи у Энвера-паши и просилъ выхлопотать у военнаго министра разрѣшеніе ѣхать на воинскомъ поѣздѣ. Обѣщали похлопотать и оставили у себя его паспортъ. На другой день паспортъ былъ ему возвращенъ съ турецкимъ клеймомъ и надписью о разрѣшеніи ѣхать въ Бѣлградъ, и, такимъ образомъ, онъ очутился на воинскомъ поѣздѣ среди чиновъ германскаго „Краснаго Креста" и германскихъ офицеровъ и солдатъ.

По пути въ Сербію онъ могъ убѣдиться, съ какою быстротою нѣмцы возстановили разрушенные сербами при отступленіи путь, мосты и тоннели; по сторонамъ всюду лежали слѣды недавней борьбы—поломанныя повозки, трупы лошадей, съ которыхъ нѣмцы препусмотрительно содрали кожу, и предметы снаряженія всякаго рода. Ему разсказали, что нѣмцы на греческой границѣ переодѣли болгарскія войска въ прусскіе мундиры въ виду того, что греки ненавидятъ болгаръ и въ случаѣ похода на Салоники были бы очень озлоблены появленіемъ на ихъ территоріи болгарскихъ войскъ. Дѣйствительно, корреспондентъ въ Нишѣ видѣлъ большіе запасы прусскаго обмундированія, а потомъ въ печати сообщалось, что болгарскія дивизіи у Дойрана были одѣты въ прусскіе мундиры. Впрочемъ, онъ плохо вѣрилъ въ осуществленіе экспедиціи противъ Салоникъ, такъ какъ нѣмцамъ внушаетъ сильное опасеніе генералъ Сарайль, съ которымъ имъ пришлось познакомиться подъ Верденомъ (въ періодъ большого сраженія на Марнѣ въ 1914 г.). Турки также съ опаской поглядываютъ на Салоники, боясь, какъ бы союзники не атаковали Константинополя съ сѣверо-запада.

Когда поѣздъ подходилъ къ Нишу, германскій унтеръ-офицеръ, выглянувъ въ окно, вскричалъ: „Нашъ кайзеръ здѣсь!". Всѣ бросились къ окнамъ и увидали станцію, расцвѣченную германскими и болгарскими флагами. Корреспондентъ почуялъ близость исполненія своихъ желаній,

тотчасъ рѣшилъ остаться въ Нишѣ и, наскоро собравъ свои пожитки, выскочилъ на платформу. Императорскій поѣздъ только-что прибылъ съ сѣвера, и вдалекѣ на платформѣ, охраняемой германскимъ карауломъ, рука объ руку прогуливались кайзеръ и Фердинандъ. Корреспондентъ подошелъ насколько возможно было близко къ нимъ; онъ видѣлъ императора 8 лѣтъ тому назадъ, а Фердинанда никогда не видалъ. Въ наружности кайзера произошла разительная перемѣна: онъ небольшого роста, а рядомъ съ грузной фигурой Фердинанда, съ его большимъ крючковатымъ носомъ и утиною походкою въ развалку, казался еще меньше. Одѣтъ онъ былъ въ длинный сѣрый плащъ съ сѣроватымъ мѣховымъ воротникомъ и въ каскѣ, крытой матеріей защитнаго цвѣта. Онъ производилъ впечатлѣніе человѣка разбитаго, крайне усталаго—отъ войны или болѣзни, сказать трудно; волоса его совершенно побѣлѣли, но усы подозрительно темные, лицо вытянутое и морщинистое. Въ его движеніяхъ поражало отсутствіе прежней порывистости и живости; онъ держалъ въ рукахъ большой красный платокъ, съ мѣткою турецкаго полумѣсяца, и безпрестанно подносилъ его ко рту. Тѣмъ не менѣе, Вильгельмъ старался быть любезнымъ, милостиво бесѣдовалъ съ окружающими, разсматривалъ медали у болгарскихъ солдатъ.

Наблюденія корреспондента были прерваны подходомъ къ нему двухъ болгарскихъ чиновниковъ съ нѣсколькими солдатами. Принимая его за нѣмца, одинъ изъ нихъ на ломанномъ нѣмецкомъ языкѣ спросилъ его о цѣли прибытія въ Нишъ, когда же тотъ объявилъ свою національность (нейтральную), то чиновникъ освѣдомился, не говоритъ ли онъ по-французски и, по полученіи утвердительнаго отвѣта, съ видимымъ облегченіемъ заговорилъ на этомъ языкѣ.

Авторъ замѣтокъ объяснилъ свои желанія и разсыпался въ похвалахъ болгарской арміи и горячему патріотизму болгаръ. Его рѣчи, видимо, понравились, чиновники съ нимъ разговорились и тутъ же представили его начальнику болгарскаго бюро печати Ромакову. Послѣ общаго разговора чиновники стали болтать съ Ромаковымъ на своемъ родномъ языкѣ, и въ результатѣ послѣдній предложилъ корреспонденту присутствовать на банкетѣ въ честь императора въ качествѣ представителя нейтральной прессы, обѣщая, что обѣдъ будетъ простымъ, но историческимъ.

Съ трудомъ скрывая свое внутреннее волненіе, журналистъ радостно изъявилъ свое согласіе.

Затѣмъ авторъ провелъ время до обѣда въ прогулкѣ по городу съ двумя болгарскими журналистами, съ которыми его познакомилъ Ромаковъ. Нишъ находился подъ снѣжнымъ покровомъ, погода была ясная, солнечная. Въ городѣ квартировалъ штабъ германской балканской арміи. Нишъ представлялъ собою настоящій арсеналъ, заваленный орудіями и боевыми припасами и особенно складами снарядовъ для тяжелой артиллеріи. Въ немъ было множество плѣнныхъ сербовъ, которые свободно бродили по улицамъ и, повидимому, сравнительно были довольны своею судьбою. Городъ очень мало пострадалъ отъ обстрѣливанія; дѣловая жизнь была очень оживленною; германскіе солдаты свободно расходовали деньги; всѣ большія зданія были превращены въ лазареты, которые получали предметы снабженія изъ окрестностей.

Когда на вокзалѣ съ главнаго пути убрали императорскій поѣздъ, къ платформѣ съ сѣвера подошелъ другой—съ боевыми припасами и монопланами Фокера; послѣдніе, отличавшіеся большими размѣрами, занимали по длинѣ каждый двѣ платформы; крылья были сложены назадъ и моторы тщательно прикрыты.

Банкетъ въ честь императора состоялся въ городской ратушѣ, столовая была обильно разукрашена флагами, въ томъ числѣ германскими и австрійскими, хотя австрійцы имѣютъ мало представителей въ Нишѣ и ихъ штабъ-квартира, повидимому, находилась въ Бѣлградѣ. Приглашенныхъ было немного; столъ, установленный покоемъ, имѣлъ только 50 приборовъ и нѣсколько мѣстъ оставались пустыми, а фактически на обѣдѣ присутствовало не болѣе 40 лицъ. Столъ былъ украшенъ розами и ранними полевыми цвѣтами, среди которыхъ преобладалъ желтый цвѣтъ. Скрытый за пальмами гвардейскій оркестръ исполнялъ музыкальную программу, въ которую входили пьесы Мендельсона, Вагнера, Шопена, Атанасова („Волшебный источникъ") и др. и „Балканскій маршъ" Скордева. Простота была главною отличительною чертою этой трапезы; прислуживали болгарскіе солдаты—вѣстовые. Меню, отпечатанное на нѣмецкомъ языкѣ и украшенное сверху королевскимъ гербомъ Фердинанда, заключало въ себѣ семь блюдъ: куриный супъ, форели изъ озера Охриды, пилавъ, шеврель по-кумберландски, страссбургскій пирогъ, салатъ цикорій съ укропомъ изъ

Варны и болгарское мороженое; затѣмъ слѣдовали батоны съ сыромъ и десертъ.

Для представителей печати были отведены удобныя мѣста, съ которыхъ можно было хорошо слышать рѣчи. Обѣдъ носилъ отпечатокъ обычной оффиціальной натянутости. Императоръ сидѣлъ по правую руку Фердинанда, а по лѣвую сторону послѣдняго—генералъ ф.-Фалькенхайнъ; правымъ сосѣдомъ Вильгельма былъ, повидимому, Радославовъ.

Авторъ замѣтокъ, сосредоточивъ свое вниманіе на кайзерѣ, не меньше былъ заинтересованъ генераломъ Фалькенхайномъ, начальникомъ германскаго генеральнаго штаба, руководителемъ гигантской германской военной машины. Трудно встрѣтить человѣка съ болѣе тонкими и красивыми чертами лица; хотя ему далеко за 50 лѣтъ, но выглядитъ онъ моложе. Въ немъ мало нѣмецкаго, если не считать его аккуратности. Онъ носитъ коротко остриженные сѣрые волосы, движенія его быстрыя, и онъ является олицетвореніемъ силы, мужества и живости и, повидимому, выноситъ тягости войны и громадную отвѣтственность ея замѣчательно легко. При видѣ его, корреспондентъ получилъ отчетливое впечатлѣніе, что этотъ человѣкъ вполнѣ подходящій для возложенной на него задачи. Онъ свободно бесѣдовалъ съ кайзеромъ и Фердинандомъ съ видомъ непринужденности и увѣренности.

Наблюдая за Вильгельмомъ, который безпрестанно кашлялъ и имѣлъ страшно утомленный видъ, корреспондентъ удивлялся, что могло побудить этого, очевидно больного человѣка, покинуть свой дворецъ въ Берлинѣ и ѣхать двое сутокъ въ маленькій сербскій городокъ, чтобы присутствовать на обѣдѣ въ 40 кувертовъ, при свѣтѣ керосиновыхъ лампъ? Несмотря на состояніе своего здоровья, Вильгельмъ старался быть любезнымъ насколько возможно. Получалось впечатлѣніе, что онъ желаетъ чего-нибудь добиться отъ Фердинанда и отъ болгаръ вообще, иначе онъ едва-ли сталъ выносить фамиліарную манеру, съ которою къ нему обращался Кобургскій. Императоръ Вильгельмъ вообще не терпитъ такого обращенія съ собою даже со стороны равныхъ съ нимъ по положенію лицъ, если онъ не преслѣдуетъ особой цѣли. Онъ, видимо, долженъ былъ дѣлать надъ собою большія усилія, когда, временами задыхаясь отъ кашля, съ улыбкою выслушивалъ Фердинанда, наклонявшагося къ нему и что-то нашептывающаго ему въ ухо.

Авторъ замѣтокъ дивился, какія мысли рождаются въ головѣ Вильгельма при видѣ этого желтаго лица съ узкими въ щелку глазами—типичными глазами ростовщика—своего зазнавшагося сосѣда. Какъ бы ни старался Фердинандъ, онъ не въ состояніи сгладить выраженія скрытаго лукавства, составляющаго отличительную черту его физіономіи. Эти крошечные глаза являются зеркаломъ очень темной души и за этой желтой маской, съ крючковатымъ носомъ, обрамленной бородкой съ просѣдью, скрывается очень лукавый мозгъ. Кайзеръ ничего не ѣлъ и не пилъ за обѣдомъ, быть можетъ въ виду того, что, по слухамъ, онъ обыкновенно ѣстъ раньше, а потомъ является на оффиціальные банкеты, а можетъ быть вслѣдствіе состоянія его горла. Зато Фердинандъ ѣлъ каждаго блюда съ аппетитомъ и съ видимымъ удовольствіемъ тянулъ какое-то особенное бѣлое вино. Онъ имѣлъ видъ крайне самодовольный и, видимо, гордился тѣмъ, что больной кайзеръ пропутешествовалъ двое сутокъ, чтобы присутствовать на „его" банкетѣ.

Когда встали изъ-за стола, еще больше бросилась въ глаза разница между двумя правителями. Хотя Вильгельмъ рядомъ съ большимъ и грузнымъ Фердинандомъ казался маленькаго роста, хоть онъ выглядѣлъ старымъ, сѣдымъ, морщинистымъ, больнымъ и усталымъ, все же онъ держался прямо, какъ на смотру своей гвардіи, и въ немъ виденъ былъ императоръ, ярко отличаясь отъ тяжеловѣсной, неуклюжей фигуры болгарскаго правителя.

Среди приглашенныхъ находились оба болгарскихъ королевича. Наслѣдный королевичъ Борисъ является должно быть страшнымъ разочарованіемъ для своего отца; тощій, съ округленными плечами, тупымъ выраженіемъ лица, онъ выглядывалъ усталымъ и значительно старше своихъ лѣтъ; если бы не мундиръ, его можно было бы принять за прислугу. Королевичъ Кириллъ выглядитъ нѣсколько лучше своего брата, но и имъ отецъ не имѣетъ основанія гордиться; оба принца сидѣли между германскими офицерами и совершенно стушевались своею ничтожностью.

Очень забавенъ отзывъ корреспондента одной изъ германскихъ газетъ объ историческомъ банкетѣ въ Нишѣ. Онъ увѣряетъ, что кайзеръ былъ въ веселомъ и даже игривомъ настроеніи духа, что онъ поднялъ принца Кирилла и подбрасывалъ его въ воздухѣ; наконецъ посадилъ къ себѣ на колѣни и поцѣловалъ. Нѣмецкій корреспондентъ, очевидно, позабылъ о сухой рукѣ Вильгельма; онъ

не можетъ „подбрасывать“ даже ребенка, Кириллъ же—взрослый молодой человѣкъ, а наружность его настолько непривлекательна, что даже при всей „дипломатіи“ кайзеру едва-ли пришло бы въ голову поцѣловать его. Нѣмецкій журналистъ не въ мѣру перестарался.

Рѣчи во время банкета были политическаго характера и хвастливаго содержанія; онѣ извѣстны изъ печати, и авторъ замѣтокъ былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы записывать ихъ, а заимствовалъ содержаніе ихъ изъ газеты „Times“. Фердинандъ говорилъ по-нѣмецки, за исключеніемъ послѣдней фразы, произнесенной по-латыни. Когда былъ поданъ кофе и „бисмарковскія“ сигары, поднялся Фердинандъ, и тотчасъ воцарилось молчаніе. Онъ говорилъ плавно на отличномъ нѣмецкомъ языкѣ и безъ помощи замѣтокъ.

Въ началѣ рѣчи онъ упомянулъ, что въ этотъ день исполнилось 250 лѣтъ со дня коронованія перваго прусскаго короля Фридриха I-го и учрежденія имъ ордена Краснаго Орла.

Теперь императоръ, послѣ славныхъ побѣдъ своихъ войскъ, можетъ въ безопасности пребывать въ прежней римской крѣпости Нишѣ. Ораторъ благодарилъ кайзера за посѣщеніе, закрѣпляющее союзъ между обѣими странами. Міръ, продолжалъ онъ, съ удивленіемъ и восхищеніемъ оцѣниваетъ мощь Германіи и ея союзниковъ и вѣритъ въ непобѣдимость германской арміи подъ руководствомъ ея кайзера. Ораторъ выразилъ надежду, что 1916 годъ принесетъ прочный міръ—священный плодъ „нашихъ“ побѣдъ, который дастъ возможность болгарскому народу впредь содѣйствовать культурной работѣ. Но если по волѣ судьбы придется продолжать войну, то болгарскій вооруженный народъ до конца будетъ готовъ исполнить свой долгъ. Тутъ Фердинанду, вѣроятно, показалось, что нѣмецкій языкъ недостаточенъ для выраженія полноты его чувствъ, а для этого нуженъ языкъ классическій, и онъ произнесъ по-латыни: „слава тебѣ, императоръ, цезарь и король, побѣдоносный и славный. Въ древнемъ Нишѣ тебя привѣтствуютъ народы Востока, тебя, искупителя, приносящаго угнетеннымъ преуспѣяніе и благость“. Все это было сказано человѣку, который съ видимымъ напряженіемъ выносилъ тягость положенія и безпрестанно кашлялъ въ свой турецкій платокъ.

Отвѣтная рѣчь императора никогда не была произнесена, а „разослана“ по распоряженію властей, по той простой причинѣ, что кайзеръ, вслѣдствіе душившаго его кашля, не могъ произнести ее.

Въ текстѣ своей рѣчи Вильгельмъ отмѣчаетъ, что онъ уже второй разъ въ теченіе войны празднуетъ годовщину учрежденія ордена Краснаго Орла и на этотъ разъ въ исторической прекрасной мѣстности, завоеванной храбростью болгаръ, принятый королемъ среди его доблестныхъ войскъ и удостоенный высокимъ орденомъ и назначеніемъ шефомъ 12-го болгарскаго пѣхотнаго полка.

„Наши враги, изъ зависти къ мирному и цвѣтущему благосостоянію Германіи и Австро-Венгріи“, говорится далѣе въ рѣчи, — „бросили намъ вызовъ и съ легкимъ сердцемъ подвергли опасности развитіе культуры всей Европы съ цѣлью нанести намъ и нашимъ вѣрнымъ союзникамъ ударъ въ самомъ корнѣ нашей мощи. Мы прошли черезъ тяжелую борьбу, которая вскорѣ получитъ дальнѣйшее развитіе. Когда тѣ же враги стали грозить Турціи, она присоединилась къ намъ и въ упорной борьбѣ обезпечила свое міровое положеніе.

Осторожность убѣдила ваше величество, что для Болгаріи и для васъ насталъ часъ выступить съ давними и справедливыми требованіями для открытія вашей мужественной странѣ дороги къ славной будущности. Въ истинномъ товариществѣ славное тріумфальное шествіе вооруженнаго народа вашего величества подъ руководствомъ ея военнаго вождя одинъ за другимъ вплело божественные лавры славы въ исторію Болгаріи. Желая выразить мои чувства по поводу такихъ дѣяній, я просилъ ваше величество принять званіе прусскаго фельдмаршала и вмѣстѣ съ моею арміею я счастливъ, что вы, принявъ его, и въ этомъ отношеніи стали однимъ изъ нашихъ.

Съ Божьей помощью великія дѣла были совершены здѣсь и на всѣхъ другихъ фронтахъ. Я испытываю чувства глубокой благодарности Всевышнему за то, что мнѣ довелось сегодня въ этомъ историческомъ мѣстѣ, вновь освященномъ геройскою кровью, среди нашихъ доблестныхъ войскъ, пожать руку вашего величества и внимать вашимъ словамъ, въ которыхъ вы выразили твердое рѣшеніе сражаться за успѣшный и прочный миръ и продолжить вѣрность и дружбу, запечатлѣнныя въ ураганѣ войны, въ вѣрной, общей работѣ къ достиженію высокой цѣли, воз-

ложенной на насъ заботою о благѣ нашихъ народовъ. Съ полною увѣренностью также и я преслѣдую эти цѣли и подымаю бокалъ за благополучіе вашего величества и вашего дома, за побѣду славной болгарской арміи и за будущность Болгаріи!". Далѣе въ рѣчи слѣдуетъ цѣлый рядъ высокопарныхъ, банальныхъ фразъ, пересыпанныхъ безмѣрною лестью по отношенію къ болгарской арміи и Фердинанду съ упоминаніемъ о дарованіи ему званія прусскаго фельдмаршала. Вмѣстѣ съ тѣмъ Вильгельмъ подчеркиваетъ данное Фердинандомъ въ своей рѣчи обѣщаніе продолжать борьбу до конца. Рѣчь кайзера, несмотря на свою кажущуюся банальность, имѣетъ глубокій внутренній смыслъ; между строкъ она читается такъ: „Сто лѣтъ тому назадъ, при помощи Россіи, изъ праха возродилась Пруссія, превратившаяся затѣмъ въ объединенную Германію, благодаря генію Бисмарка, котораго, вступивъ на престолъ, я прогналъ. Окрѣпнувъ съ помощью экономическаго гнета, развитія колоній и военнаго могущества, мы возмечтали о міровомъ господствѣ. Къ осуществленію этой идеи мы готовились 40 лѣтъ. Искалѣченную нами въ 1866 г. нашу нѣмецкую сестру Австрію мы страхомъ принудили къ союзу со спеціальною цѣлью задушить славянскую расу и „потевтонски" отблагодарить Россію.

Когда назрѣло время, я, оставаясь въ тѣни, побудилъ Австрію подать поводъ къ европейской войнѣ и раздавилъ Бельгію, охраняемую гарантированнымъ мною и другими державами нейтралитетомъ.

Однако дерзкіе враги собрали противъ насъ такую коалицію и оказали такое сопротивленіе, что на первыхъ же порахъ мы потерпѣли неудачу въ своихъ молніеносныхъ планахъ и, безпощадно массами посылая людей на убой, уложили большую часть своихъ лучшихъ войскъ. Потребовался новый человѣческій матеріалъ, и мы, за сравнительно невысокую плату, сторговались съ младотурками и тобою, дорогой Фердинандъ. Ты хорошо исполнилъ свою роль нѣмецкаго правителя, поднявъ на измѣну историческимъ традиціямъ и предательство славянству и Россіи довѣрившій тебѣ управленіе страною свой славянскій народъ. За это я тебѣ и ему наговорилъ здѣсь кучу любезностей и сдѣлалъ тебя фельдмаршаломъ. Вѣрю, что ты и впредь, согласно выраженнаго здѣсь обѣщанія, когда останешься одинъ, съ нашими друзьями турками, а я буду занятъ на главныхъ фронтахъ, будешь продолжать обильно

проливать болгарскую кровь во имя моихъ нѣмецкихъ интересовъ. Въ такомъ случаѣ да здравствуетъ твоя армія и онѣмеченная Болгарія!". Единственнымъ ораторомъ на банкетѣ, кромѣ Фердинанда, фактически выступалъ генералъ Фалькенхайнъ, коротко благодарившій Фердинанда за обращенныя къ нему лестныя слова.

Собраніе закончилось подъ звуки національныхъ гимновъ обѣихъ странъ; послѣднее впечатлѣніе отъ него было, что Фердинандъ, съ многозначительнымъ взглядомъ въ своихъ маленькихъ лисьихъ глазахъ, обѣими руками пожималъ правую руку кайзера, какъ бы подчеркивая этимъ важное соглашеніе.

Тотчасъ послѣ банкета присутствовавшіе на немъ журналисты бросились въ телеграфное бюро, но они очевидно позабыли о германской цензурѣ, которая распорядилась своевременно закрыть бюро, дабы не было распространено никакихъ извѣстій о банкетѣ до появленія оффиціальнаго сообщенія.

Авторъ съ трепетомъ вспоминаетъ о своемъ волненіи во время этой трапезы и грозившей ему опасности, если бы кто-либо изъ присутствующихъ узналъ его—корреспондента ненавистной нѣмцамъ британской газеты. Онъ не припомнитъ, ѣлъ ли онъ что-нибудь за обѣдомъ, и отмѣчаетъ, что вѣроятно даже Вильгельмъ не чувствовалъ себя хуже его самого. Онъ понялъ, что это былъ кульминаціонный пунктъ его поѣздки, и рѣшилъ, воспользовавшись балканскимъ экспрессомъ, возможно скорѣе вернуться восвояси.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

П. В.

Въ родномъ гнѣздѣ.

(Лѣтопись рода Бутовскихъ).

I.

Я родился въ Пятигорцахъ [1]), но дѣтство свое я провелъ въ деревнѣ Пелеховщинѣ, Кременчугскаго уѣзда. Это было родовое имѣніе моего отца. Тутъ не было того, что мнѣ такъ нравилось въ Пятигорцахъ, и особенно въ Поставмукахъ. Это была гладкая, безводная степь. Ближайшія рѣки протекали верстахъ въ двѣнадцати отъ насъ; тутъ Сула впадала въ Днѣпръ, образуя безчисленные рукава. У устья Сулы раскинулось большое село или мѣстечко Чигринъ-Дуброва, хорошо извѣстное намъ потому, что тутъ же по сосѣдству были наши заливные луга, или какъ ихъ называютъ по-малорусски „плавни". Въ старину Чигринъ-Дуброва была мѣстомъ расположенія казачьей сотни Лубенскаго полка. Сотня такъ и называлась Чигринъ-Дубровской.

Эта гладкая степь имѣла, однако, свои привлекательныя стороны. То тамъ, то сямъ на ней издали виднѣются малорусскіе курганы, и когда вы всходите на такой курганъ „или могилу", передъ вами открывается необъятная перспектива. Эта головокружительная даль мѣняетъ свой характеръ, свою окраску, свою ясность не только по временамъ года, но и по часамъ дня. Весною, въ то далекое время, это было зеленое царство, испещренное яркими полевыми цвѣтами, а тамъ далеко на горизонтѣ, въ весенней мглѣ, вы замѣчали какое-то волненіе, какъ будто двигались какія-то большія стада.—„Это святой Петръ овецъ гонитъ", поясняли вамъ старые люди.—„Придетъ Петровъ день и не будетъ больше Петровыхъ овецъ до слѣдующей весны..."

[1]) См. „Прекратившійся родъ".

Осенью степь окрашивалась яркими тонами скошенныхъ полей и сжатыхъ нивъ. Ѣдете вы въ теплый осенній день, и вдругъ вамъ видится вдали, обыкновенно гдѣ-нибудь подъ группою деревъ, большое водное пространство; вода ярко блеститъ, какъ бы отражая солнечные лучи.. Приближаетесь, и все это вдругъ исчезаетъ: это былъ миражъ.

Но и въ теченіе дня степь нѣсколько разъ мѣняетъ свой обликъ. Выйдя раннимъ утромъ, съ восходомъ солнца, и повернувшись на западъ, вы съ изумленіемъ замѣчаете, что передъ вами открывается нѣчто такое, чего вы не видите въ другіе часы дня. Вонъ тамъ, за Сулою, тянется высокій нагорный берегъ; онъ постепенно удаляется, но глазъ вашъ можетъ далеко слѣдить за нимъ и различать стоящія на горѣ церкви, цѣлые ряды вѣтряныхъ мельницъ, иногда даже сады и избы, спускающіеся по берегу. Днемъ ничего этого не видно, а теперь вы различаете все это въ ясныхъ очертаніяхъ и въ яркой окраскѣ... Вечеромъ, когда солнце склоняется уже къ закату, повернитесь на востокъ, и передъ вами въ чудномъ освѣщеніи выступитъ панорама хуторовъ и селъ съ яркими бѣлыми хатами, рисующимися на густой зелени вишневыхъ садовъ и развѣсистыхъ украинскихъ вербъ.

Въ степи не только дальше видишь, но и гораздо дальше слышишь. Спускается темная зимняя ночь. Все затихаетъ, наступаетъ царство молчанія во всей далекой темной окрестности. Но вотъ гдѣ-то далеко раздается собачій лай. Опытный человѣкъ сейчасъ уже говоритъ вамъ, что это въ такомъ-то казачьемъ хуторѣ, верстахъ въ семи отъ насъ; и если спустя немного собаки залаютъ ближе, въ Кирьяковкѣ, то сейчасъ же дѣлается предположеніе, что кто-то ѣдетъ къ намъ.—„Некуда больше",—догадывается Кондратъ, нашъ лакей.—„Должно быть Иванъ Григорьевичъ изъ Пронозовки".

И дѣйствительно, смотришь—старый дѣдушка Иванъ Григорьевичъ, въ волчьей шубѣ, съ плотно обмотаннымъ шарфомъ и съ заиндевѣвшимъ мѣхомъ на воротникѣ.

Отецъ мой сердечно радъ дорогому гостю въ такое глухое зимнее время..—„Какъ это вы рискнули, дядюшка, такъ поздно, въ такую темноту и въ такой холодъ?..".

Но Иванъ Григорьевичъ ничего не боится. Его характерная высокая фигура александровской эпохи показывается въ гостиной. и онъ съ шутливой серьезностью обращается

къ намъ, дѣтямъ:—„А, вотъ они, мои непримиримые партнеры въ мельника!..“

Страшной становится степная зимняя ночь въ мятель, и не то что въ настоящую мятель, а просто когда начинается зимняя мгла, даже въ лунную ночь. Свѣтло а ничего не видно, все гладко и никакихъ мѣстныхъ признаковъ. У насъ разсказывалось много случаевъ, какъ люди сбивались съ дороги въ такое время на очень небольшихъ переѣздахъ. Какъ-то разъ дядя Иванъ Ивановичъ, проведя у насъ вечеръ, выѣхалъ къ себѣ домой въ Вишеньки, всего въ верстѣ отъ насъ, часу въ одиннадцатомъ, а прибылъ домой только утромъ, когда уже стало разсвѣтать. Самъ онъ разсказывалъ, что, проплутавъ порядочно, онъ наткнулся на какія-то избы; показалось, что это хуторъ Посьмашновка, лежащій нѣсколько въ сторонѣ отъ Пелеховщины и Вишенекъ.—„Ну, теперь дорогу знаемъ, думаемъ себѣ... Поѣхали; казалось рукой подать, а между тѣмъ ѣздили долго. Теперь, кажется, дома. Справляемся, гдѣ это мы? оказывается опять Посьмашновка... И только на этотъ разъ проѣхали, кажется, не забирая въ стороны....“.

Былъ тоже случай съ новымъ исправникомъ. Онъ знакомился съ дворянами. Просидѣвъ у насъ вечеръ, онъ довольно рано выѣхалъ въ Кирьяковку, къ тамошнему владѣльцу Адаму Алексѣевичу Кирьякову. На другой день, отецъ мой, встававшій очень рано, слышитъ дорожный колокольчикъ. Къ крыльцу подъѣзжаютъ сани, и въ комнату входитъ исправникъ. И онъ и мой отецъ обавъ изумленіи.

— „Я у Адама Алексѣевича?“ спрашиваетъ исправникъ.

— „Нѣтъ, вы у меня“, отвѣчаетъ отецъ.

Исправникъ проѣздилъ всю ночь. Но тутъ случилось и еще одно недоразумѣніе, направившее его на ложный путь: нашу Пелеховщину въ простонародіи называли „Кирьячинковъ хуторъ“, а Кирьяковку называли „Майданъ“. И вотъ подъ утро исправника вмѣсто Кирьяковки проводили въ Кирьячинковъ хуторъ.

Было разъ, что и родители мои вмѣстѣ со мною, выѣхавъ изъ Петрашовки, въ двухъ верстахъ отъ насъ, въ свѣтлую мглистую ночь, проѣздили часа четыре и пріѣхали въ Пелеховщину совсѣмъ съ другой стороны.

Въ этой степи, такой открытой, что вы сразу обнимаете ее всю вашимъ глазомъ, есть однако своя таинственность, своя загадочность. Эти безконечные горизонты заставляютъ васъ мечтать, и въ этихъ мечтахъ всегда есть оттѣнокъ

какой-то грусти. Это настроеніе слышится и въ малорусской пѣснѣ.... Все тутъ, кажется, ровно и гладко, а между тѣмъ тутъ есть мѣста, отмѣченныя народными преданіями и розсказнями бывалыхъ людей. Вонъ тамъ къ югу, верстахъ въ двухъ отъ Пелеховщины, виднѣется могила; ее называютъ Гайдамацкою, и старые люди разсказывали, что тутъ, въ „тернахъ“, стояла когда-то гайдамацкая шайка и наводила ужасъ на всю окрестность. Когда это было, и на какую окрестность тутъ можно было наводить страхъ, когда не такъ еще давно это была совершенно голая степь,—этого никто не можетъ объяснить:—„Дѣды наши такъ разсказывали, а такъ ли оно было, кто его знаетъ?...“

А вотъ тутъ совсѣмъ недалеко отъ Пелеховщины, къ сѣверу возвышается „Острая могила“. Есть и въ другихъ мѣстахъ Острыя могилы, но эта считается почему-то особенно замѣчательною. Когда случается произнести это названіе, то васъ непремѣнно спросятъ:—„Это какая же Острая могила?“, и на вашъ отвѣтъ, что это по дорогѣ изъ Горбовъ въ Мозолѣевку, близь Пелеховщины, собесѣдникъ вашъ многозначительно протянетъ:—„А!“

Тутъ не задаются розысками, что такое эти могилы, и даже мало различаютъ ихъ отъ другого рода могилъ, которыя здѣсь называются „раскопанными“. Я не буду много говорить здѣсь объ этомъ, но мнѣ такъ много приходилось видѣть этихъ раскопанныхъ могилъ, что все-таки хочется сказать о нихъ слова два. Эти могилы не имѣютъ никакого отношенія къ обыкновеннымъ могиламъ—курганамъ. Это старинные укрѣпленные пункты, видимо различной силы и различнаго значенія. Можно различить передовые посты и укрѣпленія второй линіи, обыкновенно болѣе сложныя, состоящія изъ двухъ или трехъ ямъ, обнесенныхъ высокимъ валомъ. Думаютъ, что это казацкія укрѣпленія, и подтверждаютъ это тѣмъ, что они видимо устроены для спѣшенныхъ кавалеристовъ, такъ какъ съ тыльной ихъ стороны всегда есть довольно длинный валъ, укрывавшій привязанныхъ за нимъ лошадей; кромѣ того иногда въ ямахъ попадаются земляныя насыпи для постановки пушки.

Очень вѣроятно, что казаки пользовались такими круглыми ямами, но если разобраться, гдѣ и въ какихъ мѣстахъ находятся такія укрѣпленія, и какъ они построены, то становится еще болѣе вѣроятнымъ, что это сторожевые посты какого-то очень древняго кочевого народа, мѣнявшаго свои кочевья изъ одной степи въ другую, напримѣръ, отъ бере-

говъ Сулы къ берегамъ Псла, и окапывавшаго мѣсто своего кочевья кругомъ такими сторожевыми постами.

Особенность всякой раскопанной могилы состоитъ въ томъ, что когда вы всходите на ея валъ, передъ вами въ одну сторону открывается огромное пространство, иногда на нѣсколько десятковъ верстъ; обыкновенно это видъ на рѣку, на Днѣпръ, на Сулу и на зарѣчное пространство. Посмотрите въ стороны и непремѣнно увидите вдали, и вправо и влѣво, такую же сторожевую могилу. Очевидно, это было основное правило ихъ расположенія.

Но и кромѣ могилъ въ степи всегда есть мѣста, отмѣченныя какими-либо происшествіями или чудесами. Вотъ тутъ около Пелеховщины есть перекрестокъ; когда возвращаешься домой въ ночное время, тамъ непремѣнно увидишь что-нибудь несуразное. Однажды Иванъ Федорина, почтенный мужикъ, возвращался изъ Жовнина, съ ярмарки, и что же? на этомъ перекресткѣ у него выпрягли воловъ и пустили гулять въ поле, а онъ проспалъ себѣ посреди дороги въ незапряженномъ возу, къ стыду своему, чуть не до полудня. Когда онъ разсказывалъ объ этомъ сосѣдямъ, то всѣ единогласно рѣшили, что воловъ выпрягла вѣдьма, и что она не одному ему надѣлала хлопотъ: кто-то видѣлъ на этомъ перекресткѣ большую бѣлую лошадь, напугавшую воловъ, которые взяли влѣво и чуть не вывалили хозяина въ ровъ. А кто-то видѣлъ на этомъ перекресткѣ просто вѣдьму; хотѣлъ схватить ее за косу, но она во что-то превратилась, такое маленькое и быстрое, что ее никакъ и схватить нельзя было...

Говаривали у насъ и о кладахъ. Кто-то, когда-то давно, наканунѣ Ивана Купала, проходя мимо калиноваго куста въ господскомъ саду, вдругъ увидѣлъ въ полѣ, какъ разъ по направленію Острой могилы, горящую свѣчу. Отошелъ немного въ сторону—свѣчи нѣтъ; вернулся къ калинѣ—опять горитъ; попробовалъ было идти къ свѣчкѣ—потухло; искалъ, искалъ того мѣста, гдѣ она горѣла, и найти не могъ... Люди рѣшили, что тамъ непремѣнно зарытъ кладъ, да только парень не умѣлъ приняться за дѣло.

Этотъ разсказъ служилъ обыкновенно какъ бы введеніемъ къ другому, пожалуй болѣе достовѣрному. Проходилъ тутъ у насъ какой-то человѣкъ изъ Молдавіи или Валахіи, вообще откуда-то издалека, съ юга, и услышавъ, что наша могила называется Острою, задумался. Зналъ онъ гдѣ-то тамъ одного человѣка, выходца изъ этихъ мѣстъ,

и тотъ человѣкъ говорилъ ему, что въ степи, между Днѣпромъ и Сулою есть Острая могила. Эту могилу нетрудно найти, ее знаютъ всѣ люди; и вотъ если взойти на эту могилу и повернуться лицомъ къ полудню, то такъ, въ разстояніи одного гона отъ могилы будетъ другая низкая могилка, едва замѣтная, не всѣ люди ее и знаютъ, такъ вотъ въ этой-то могилкѣ и зарытъ большой кладъ...

Разсказали люди объ этомъ дѣлѣ моему дѣду, Петру Кирьяковичу. Это былъ человѣкъ спокойнаго, добраго и веселаго нрава. Онъ сначала не придалъ значенія этому разсказу; но присмотрѣвшись, что въ указанномъ мѣстѣ есть дѣйствительно чуть замѣтная могилка, онъ задумалъ было разрыть ее и посмотрѣть, не найдется ли въ ней и въ самомъ дѣлѣ чего-нибудь цѣннаго. Начали рыть; работали цѣлое утро; послѣ обѣда дѣдъ мой, по обыкновенію, прилегъ отдохнуть, и вотъ снится ему старый человѣкъ страннаго вида; стоитъ онъ, будто бы, у могилы и говоритъ ему: —„зачѣмъ ты тревожишь мои старыя кости, такъ долго и спокойно лежавшія въ этой могилѣ? Ты дѣлаешь большой грѣхъ, который не будетъ тебѣ прощенъ ни въ этой, ни въ будущей жизни..."

Проснулся дѣдъ, пошелъ къ рабочимъ, а тамъ ему какъ разъ и докладываютъ, что вырыли какія-то кости и что тутъ, должно быть, похороненъ какой-то человѣкъ. Это встревожило дѣда; онъ велѣлъ бережно положить кости на прежнее мѣсто и засыпать могилу. Съ тѣхъ поръ о кладѣ не было больше и разговоровъ.

Такова моя родная степь. Я записываю здѣсь мои раннія впечатлѣнія. Кто не знаетъ степи, тому едва-ли много скажутъ эти бѣглые наброски. Но тотъ, кому степь родная стихія, пожалуй, пробѣжитъ ихъ съ интересомъ и не поставитъ мнѣ въ упрекъ мои, можетъ быть, нѣсколько длинныя описанія.

II.

Я былъ первенцемъ у моихъ родителей. У насъ въ деревнѣ давно не видѣли господскихъ дѣтей, и потому, вѣроятно, всѣ наши люди, и малые и старые, относились ко мнѣ въ моемъ дѣтствѣ съ большимъ расположеніемъ. Иду, бывало, съ няней по улицѣ, и мальчишки издали провожаютъ меня съ веселыми лицами. Всѣ гладко выстри

женные, точно выбритые, съ чубомъ, оставленнымъ спереди надъ лбомъ и аккуратно обрѣзаннымъ въ видѣ четырехугольника. Тутъ и гигіена, и педагогика: на головѣ не будетъ паразитовъ, и есть за что схватить, если надо будетъ выдрать за волосы.

Встрѣчающіеся взрослые люди съ длинными усами, бритыми щеками и подбритыми висками и затылкомъ, норовили иногда подхватить меня на руки и ловко подкинуть, чтобы выросъ изъ меня высокій парень. Старики ласково смотрѣли на меня и кивали головою изъ-за своихъ плетней.

Было у насъ въ Пелеховщинѣ въ то время два древнихъ старца: дѣдъ Хома Дуброва и дѣдъ Яковъ Позывайло, или, какъ его у насъ называли, Якивецъ. Оба они были сѣдые какъ лунь и носили широчайшіе штаны „съ матнею“, собиравшіеся у ступни на завязкахъ и больше похожіе на женскую юбку, чѣмъ на штаны; на ногахъ у нихъ были „постолы“, то-есть куски кожи, обертывавшіе ступню и прикрѣпляемые ремешками. Лѣтомъ и тотъ и другой сидѣлъ у себя на завалинкѣ въ сѣрой смушковой шапкѣ и грѣлся на солнцѣ.

Дѣдъ Хома былъ какъ будто немного пониже ростомъ и больше охотникъ до бесѣды; дѣдъ Яковъ былъ покрупнѣе и не такой рѣчистый. Ничѣмъ другимъ впрочемъ они не были особенно замѣтны; просто были очень старые люди, но они передали свои имена потомству. И у того и у другого было по сыну, и каждаго изъ этихъ сыновей звали Павломъ. И вотъ, одному Павлу дали, по-уличному, названіе Павло Хоменко, а другому Павло Яковенко. Такъ съ тѣхъ поръ Хоменки и Яковенки и не выводятся у насъ въ Пелеховщинѣ.

Отъ этихъ двухъ старыхъ людей получилъ я первыя свѣдѣнія изъ исторіи Пелеховщины и изъ исторіи моего рода.

— „Вы, дѣдъ Хома, пожалуй знаете такимъ же маленькимъ и ихъ папеньку?“—спрашиваетъ кто-нибудь.

— „Папеньку?... Дмитрія Петровича?“—встрепенувшись, спрашиваетъ Хома,—„хе—е! да я помню такимъ и его дѣдушку, Петра Кирьяковича; я уже былъ полупарубкомъ, какъ онъ родился.... Мы служили еще тогда покойному нашему барину Кирьяку Александровичу и разумной нашей барынѣ Варварѣ Ивановнѣ... Эхъ, давно это было“,—вздыхаетъ Хома,—„мы жили еще тогда въ Шушваловкѣ..“

— „И—и, разумная была барыня",—протягиваетъ какъ бы нехотя Якивецъ. — „Отъ тожъ она, послѣ смерти Кирьяка Александровича, и выѣхала съ сыномъ своимъ Петромъ Кирьяковичемъ, жить сюда въ степь. Она часть усадьбы намъ отвела, и господскій домъ построила..."

— „Мы барыню Варвару Ивановну помнимъ",—говорятъ слушатели, кто постарше.—„Хозяйка была покойница; сидитъ бывало въ креслѣ, на боковомъ крыльцѣ, дѣвушки тутъ около нея работаютъ, а она все видитъ и все знаетъ, что дѣлается на деревнѣ. И всѣмъ она распорядится, и никого она напрасно не обидитъ... Тутъ же она у насъ на кладбищѣ и похоронена...."

Была у насъ тогда въ Пелеховщинѣ и еще одна живая душа, не только помнившая мою прабабку Варвару Ивановну, но и ближе всѣхъ ее знавшая. Это была старая престарая баба Хотина, бывшая ея горничная. Любопытная это была старуха, совсѣмъ не дряхлая, худая, прямая, подвижная и какъ бы сохранившая еще свою дѣвическую юркость. Не было у нея ни одного зуба, и подбородокъ иногда высоко поднимался къ носу, но это не мѣшало ей быть очень говорливой. Говорила она какъ-то истово, чинно... Въ ея многоглаголаніи не все было достовѣрно и дѣльно, но иногда ея разсказы были очень любопытны. Жила она у насъ въ домѣ, на такомъ же положеніи, какъ живала въ старину при покойной своей барынѣ; никакой работы отъ нея не требовалось, но она съ чрезвычайной охотой дѣлала все, что только было ей подъ силу.

У насъ въ Пелеховщинѣ и до сихъ поръ еще есть своего рода памятникъ бабѣ Хотинѣ. Возвращалась она какъ-то, еще въ молодости, въ вербную субботу изъ Броварокъ, гдѣ мои предки были тогда прихожанами, и не далеко отъ деревни, въ полѣ, воткнула въ сырую землю одинъ изъ прутиковъ освященной вербы. Прутикъ разроссявъ высокое развѣсистое дерево еще при жизни бабы Хотины. И теперь еще стоитъ эта старая верба, лѣтъ черезъ семьдесятъ послѣ смерти старой бабы.... Падали отъ дряхлости ея боковые стволы, но всегда на ихъ мѣстѣ начинали зеленѣть новые побѣги.

Хотина появлялась въ комнатахъ обыкновенно въ то время, когда для нея и для моей милой няни приносили обѣдъ или ужинъ. Набожно перекрестившись, чинно садились обѣ онѣ на полъ, передъ стоящей на полу же, на подстилкѣ мискою, и начинали ѣсть. Очень часто приса-

живался и я туда же, ко вкусному борщу съ сухими карасями и къ пшенной кашѣ на постномъ маслѣ, и слушалъ ихъ разговоры. Няня моя была тихая женщина, и болтала больше Хотина. Она посвящала свою собесѣдницу, поставмуцкую уроженку, въ наши пелеховскіе порядки. Она говорила о своей бывшей барынѣ какъ о какомъ-то верховномъ распорядителѣ всякими дѣлами. У прабабушки было два сына, Иванъ Кирьяковичъ и Петръ Кирьяковичъ, у сыновей были дѣти, и все это тяготѣло къ прабабушкѣ, какъ къ центру. Жили они въ селѣ Шушваловкѣ, верстахъ въ десяти отъ теперешней Пелеховщины. Тамъ было наслѣдственное имѣніе моего прадѣда Кирьяка Александровича, мужа Варвары Ивановны.

Въ нашей степи между Острой и Гайдамацкой могилами, стояла одна только хатка, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь долина и большая верба въ господскомъ саду, и жилъ въ ней человѣкъ по имени Пелехъ.

Когда умеръ старый Кирьякъ Александровичъ, а сыновья Иванъ Кирьяковичъ и Петръ Кирьяковичъ поженились, выѣхала съ ними Варвара Ивановна на жительство въ степь. Петръ Кирьяковичъ поселился у долины, гдѣ жилъ Пелехъ, отъ этого и теперешнее названіе деревни Пелеховщина, а Иванъ Кирьяковичъ ближе къ Гайдамацкой могилѣ, недалеко отъ которой были небольшія заросли дикаго терна и дикихъ вишенъ. Это мѣсто такъ и назвали Вишеньками.

Прабабушка поселилась у младшаго сына въ Пелеховщинѣ; но вишеньковскіе господа чуть не ежедневно пріѣзжали или приходили на поклонъ къ Варварѣ Ивановнѣ и ничего не предпринимали, не испросивъ ея согласія или совѣта.

Много разсказывала Хотина и о теткѣ Настасіи Петровнѣ, и о моихъ Вишеньковскихъ дядяхъ и тетяхъ, но, кажется, не всѣ ея разсказы были достовѣрны. Многое она путала. Отъ нея я знаю однако, что дядя Иванъ Ивановичъ былъ въ свое время очень рѣзвымъ мальчикомъ, что тетка моя Настасья Петровна была довольно балованной дѣвушкой, и что отецъ мой былъ любимцемъ своей бабушки.

Въ домѣ у насъ висѣлъ портретъ Варвары Ивановны, масляными красками, погрудной. Она изображена уже старухой съ очень умнымъ, серьезнымъ лицомъ. Я бережно храню этотъ портретъ и теперь въ Пелеховскомъ домѣ. Баба Хотина разсказывала мнѣ, что писалъ этотъ портретъ бро-

варскій діаконъ, отецъ Демьянъ, и подробно описывала, какъ онъ пріѣзжалъ для этого въ Пелеховщину, и гдѣ и какъ прабабушка садилась въ кресло для сеанса. Должно быть, этотъ дьяконъ Демьянъ былъ очень одаренный художникъ, такъ какъ прабабушка смотритъ съ холста, какъ живая.

Я помню еще и это кресло Варвары Ивановны: какое-то складное изъ многихъ перекрещивающихся фигурныхъ рѣшетинъ, вообще что-то очень стародавнее. Должно быть въ такихъ креслахъ сиживали въ старину казацкіе чиновные люди. Къ сожалѣнію, это кресло куда-то безслѣдно пропало.

Остались у насъ и другія вещественныя воспоминанія о прабабушкѣ Варварѣ Ивановнѣ: это—книга „Житіе Варвары великомученицы", старинной кіевской славянской печати, и толстый молитвенникъ, тоже кіевскаго изданія, по которому она ежедневно совершала свои молитвы.

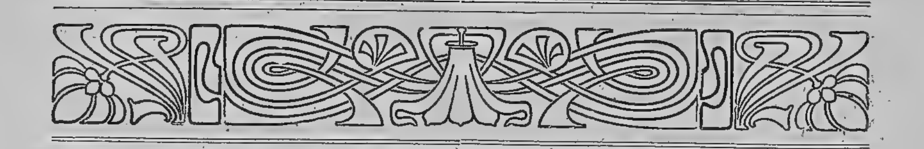
Вотъ то, что доходило до меня о моихъ предкахъ по слухамъ и по случайнымъ воспоминаніямъ. Позднѣе я гораздо основательнѣе ознакомился съ моею родословною. Этимъ вопросомъ очень интересовался мой отецъ, и онъ одинъ, кажется, изъ всѣхъ Бутовскихъ хорошо зналъ исторію нашего рода. Онъ вспомнилъ какъ-то, когда мнѣ было уже лѣтъ 13—14, и когда я учился въ корпусѣ, что въ началѣ столѣтія были собраны матеріалы о нашемъ родѣ, для утвержденія насъ, гдѣ слѣдуетъ, въ званіи родовитаго потомственнаго дворянства; онъ сталъ дѣятельно ихъ розыскивать и у себя и у другихъ представителей нашей фамиліи.

Документы нашлись. Назывались они „Списокъ, родословная и доказательства на дворянство Хорольскаго повѣта помѣщиковъ Бутовскихъ. Сочиненъ марта   дня 1801 года". Помню, что, пріѣхавъ лѣтомъ на каникулы въ 1851 году, я съ любопытствомъ ихъ разсматривалъ вмѣстѣ съ отцомъ.

Я бережно храню теперь эти старыя бумаги, и на основаніи ихъ могу дать нѣсколько несомнѣнныхъ свѣдѣній о нашихъ предкахъ.

А. Д. Бутовскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Копія съ собственноручной записки Императора Александра I.

Господинъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Новгородскій Гражданскій Губернаторъ Митусовъ. Снисходя на прошеніе Генералъ-маіора Седморацкаго, я поручаю вамъ при случаѣ настоящей Его женитьбы заступить вмѣсто мѣня Званіе посаженаго отца. Пребываю въ прочемъ вамъ благосклонный.

На подлинномъ подписано Собствѣнно Его Императорскаго Величества рукою тако.

Александръ.

Въ С.П-рбургѣ
Января 19. 1802-го года.

Сообщилъ С. Н. Митусовъ.

За пятьдесятъ лѣтъ.

Глава 6.

Раннее утро вступило въ свои права. Мимо насъ шли кухарки на базаръ, мастеровые на работы. Моя голова стала какъ-то свѣжѣе, несмотря на безпокойно проведенную ночь. Желудокъ тоже подавалъ жизнь, но купить еще что-нибудь поѣсть было рано; магазины и лавки не были открыты. Я тупо смотрѣла передъ собой въ ожиданіи добыть пропитанья. Затѣмъ образъ дяди всталъ передо мной, и я очень горько заплакала.

— Чего, дѣвочка, плачешь? раздался около меня женскій голосъ. Я подняла голову и увидала передъ собой простую женщину, съ добрымъ пріятнымъ лицомъ. Я хотѣла отвѣчать, но вырвавшіяся рыданія не дали говорить.

— Не плачь, дѣвонька, не плачь, милая, успокаивала женщина, поглаживая корявой, рабочей рукой мои волосы. Это что же, сестрепка твоя, что ли? Я отвѣчала кивкомъ головы.

— Да гдѣ же родители-то, гдѣ фатера-то?

— У насъ теперь никого нѣту, сквозь слезы отвѣтила я.

— Вотъ тебѣ и разъ, а гдѣ же жили-то?

— Вотъ тамъ, гдѣ домъ заколоченъ досками...

— Вотъ оно что... ну, вотъ что, дѣтки, вы идите со мной, ко мнѣ, а тамъ ты все разскажешь. Я васъ чайкомъ напою, съ хлѣбцомъ, обмою, а то вы опаршивите такъ-то... Ну, идите, идите...

Ласковая рѣчь и внѣшность женщины расположили насъ, и мы пошли за ней. Жила она довольно далеко, на краю города, въ подвальномъ этажѣ. У воротъ была при-

бита самодѣльная вывѣска „стираютъ бѣлье и проч.“, „русская прачешная“ „снѣжинка“. Мы вошли въ низенькую комнату, пахло утюгами и горячимъ бѣльемъ. Двое женщинъ гладили крахмальныя рубахи, постукивали и налегали на утюги. Проходя черезъ кухню, я замѣтила кипящій самоваръ, довольно основательной величины. Мнѣ ужасно захотѣлось теплаго чаю.

Тѣмъ временемъ женщина, подобравшая насъ, разсказала мастерицамъ, въ чемъ дѣло; тѣ участливо смотрѣли на насъ и покачивали головами. Наконецъ, подали самоваръ и заварили чай, хозяйка отрѣзала всѣмъ присутствующимъ по огромному ломтю чернаго хлѣба, и по небольшому куску малороссійскаго сала. Затѣмъ розлили чай въ большія глиняныя кружки. Я и сестра съ аппетитомъ пили горячую влагу, а черный хлѣбъ казался необыкновеннымъ пирожнымъ. Какъ мы ни проголодались, но одолѣть весь чай и весь хлѣбъ не могли. Когда мы кончили трапезу, хозяйка сказала:

— Крестите лбы...

Мы перекрестились.

— Ну, дѣвонька, разскажи мнѣ, какъ ты на улицу попала и гдѣ твои родители.

— Я разсказала. Хозяйка покачивала головой. Когда вся исторія была окончена, наша благодѣтельница налила теплой воды въ лохань, стоявшую въ кухнѣ, раздѣла насъ, приказала одной и другой разомъ влѣзть въ лохань и, взявши въ руки кусокъ простого сѣраго мыла, натерла имъ тѣла отъ головы до пятъ, а затѣмъ стала поливать водой. Мы послушно стояли. Когда операція была кончена, она одѣла насъ въ какое-то, чье-то чистое бѣлье, а наше приказала выстирать.

Опять потянулась жизнь новая, странная для меня. Хозяйка сестру дѣлать ничего не заставляла, а я должна была подметать комнаты, накрывать столъ и все это дѣлала съ большимъ удовольствіемъ. Съ нами она обращалась хорошо и оказалась очень хорошей женщиной...

По вечерамъ, когда работа была окончена, мастерицы пили чай, ѣли, а я имъ танцевала; восторгъ былъ полный, и каждая изъ присутствующихъ старалась отблагодарить насъ, давая то яблоко, то паточныхъ леденцовъ, то пряниковъ. Прошло недѣли три. Намъ сшили простыя ситцевыя платья съ кофточками, и мы съ сестрой стали походить на простыхъ дѣтей, сотнями бѣгающихъ по улицамъ,

населеннымъ бѣднотой. И у меня и у сестры въ косичкахъ вплетенъ былъ кумачъ, а на ногахъ были одѣты грошевыя туфли и тёмные вязанные спицами чулки. Я узнала, что наша покровительница ходила въ полицію съ заявленіемъ. Тамъ записали ея адресъ на случай, если бы поступило какое-либо заявленіе.

Въ одно изъ воскресеній мы по обыкновенію сидѣли на лавочкѣ у воротъ, разсматривая прохожихъ и проѣзжающихъ. Мальчики играли въ чехарду и бабки. Въ это время въ концѣ улицы показался извозчикъ. Онъ довольно быстро подвигался къ нашему дому; еще минута, и съ дрожекъ соскочила наша мать. Увидя насъ, она въ истерическихъ рыданіяхъ бросилась къ намъ, обнимала, цѣловала и судорожно прижимала къ себѣ. Я никогда не забуду ея растеряннаго вида. Шляпка сбилась на бокъ, изъ-подъ нея въ безпорядкѣ торчали волосы. Глаза блуждали, губы тряслись. Послѣ перваго волненія, мама пошла съ нами домой, да ужъ было время это сдѣлать. Вокругъ насъ собралась ватага мальчишекъ и уличныхъ зѣвакъ. Мама горячо благодарила женщину и дала ей денегъ, но та отъ нихъ отказалась, говоря, что насъ ей Богъ послалъ, и когда наступилъ моментъ прощанія, горе женщины не имѣло границъ. Она прямо выла, хватала то одну, то другую на руки и все бѣгала по комнатѣ. Мы тоже привыкли къ ней, тоже были огорчены, но радость встрѣчи съ мамой уменьшала чувство разлуки съ доброй женщиной. Мать поѣхала въ магазины покупать намъ все необходимое. Тѣмъ временемъ наша временная мать побѣжала въ лавку и накупила разныхъ сластей и сунула намъ ихъ въ руки. Она любовно смотрѣла на насъ, то поглаживая, то сажая по очереди къ себѣ на колѣна.

Пріѣхала мать съ вещами, одѣла насъ и мы снова обратились въ барышень. Когда туалетъ былъ совершенъ, бѣдная женщина со страхомъ и мольбой обратилась къ матери съ просьбой побыть у нея до утра. Мать согласилась, тѣмъ болѣе, что пароходъ отходилъ утромъ. Радости не было границъ. Хозяйка не знала, куда усадить маму, а когда пришло время спать, наложили ей цѣлый ворохъ перинъ и подушекъ.

На утро мы уѣхали на пристань. Хозяйка долго стояла и, провожая насъ, утирала носъ, подъ которымъ собирались слезы.

Изъ глазъ скрылось наконецъ наше мѣстопребыванiе, и черезъ полчаса мы были уже на пристани.

Мама взяла билеты, и мы вошли на пароходъ.

Мама разсказала намъ все то, что она пережила прiѣхавъ и увидавъ заколоченный домъ и узнавъ о смерти брата. Прежде всего она кинулась на кладбище, думая, не пригрѣли ли насъ тамъ или сторожъ или священникъ. Побывавъ наскоро на могилѣ и поставивъ деревянный крестъ, она стала метаться по городу. Ей почему-то въ голову не пришло обратиться разомъ въ полицейское управленiе, и кто-то изъ постороннихъ надоумилъ ее. Она поѣхала и тамъ-то узнала, гдѣ мы находились.

Пароходъ отвалилъ. Мы стояли у борта и смотрѣли на волны. Онѣ бѣжали, и пароходъ, разрѣзывая ихъ, быстро шелъ впередъ.

Первые моменты встрѣчи прошли, и вотъ въ мою голову прокралась мысль: опять домой, опять къ „папашѣ", и меня снова охватило чувство страха, боязни, отъ которыхъ за послѣднее время я отвыкла.

Я задумалась, и должно быть на моемъ лицѣ отразилось мое душевное состоянiе; мама спросила:

— О чемъ ты, Машенька, задумалась?

Я прижалась къ ней и прошептала:

— Боюсь...

— Кого, глупенькая?

Я не отвѣчала, мать поняла и смолкла.

Съ этой минуты на душѣ у меня легла тоска, точно я ждала какого-то горя, несчастья.

Мама старалась меня развеселить, и чтобы успокоить ее, я улыбалась, старалась быть веселой, но все же это было сдѣлано искусственно...

Мы напились чаю, затѣмъ пообѣдали, и опять напились чаю уже вечеромъ и легли спать.

Часовъ въ восемь, въ девять утра на палубѣ забѣгали, застучали. Мы стали наскоро одѣваться и когда были готовы, то пароходъ причалилъ уже къ Одессѣ.

Намъ пришлось ждать; публики было много и насъ могли затолкать... Наконецъ толпа порѣдѣла, и мы двинулись. Вдругъ какой-то приступъ ужаса охватилъ меня, и я стала кричать: „Не пойду, не пойду".

Мать успокаивала меня, дала воды, и мы затѣмъ сѣли на извозчика. Я была счастлива, что лошаденка нашего

возницы едва волочила ноги и встрѣча съ вотчимомъ отдалялась...

Чѣмъ ближе мы приближались, тѣмъ сердце мое билось медленнѣе и замирало, точно его кто-нибудь давилъ и сдерживалъ біеніе...

Въ городѣ пришлось пересѣсть на парнаго извозчика, и мы покатили на хуторъ въ резиденцію „папаши".

Вотъ показался хуторъ, вотъ домъ, а вотъ и парадный подъѣздъ...

Въ немъ стоялъ „онъ". Увидя насъ, вотчимъ не двинулся съ мѣста, а когда мы подошли ближе, ухмыляясь, произнесъ:

— А, воловыя кишки, пріѣхали... Давненько не видались.

Глава 7.

Первые дни прошли довольно спокойно. Мы только были лишены игрушекъ навсегда. Вотчимъ нашелъ, что мы уже взрослыя барышни и должны заниматься серьезнымъ дѣломъ, особенно я. Игрушки выброшены, а первымъ серьезнымъ для меня дѣломъ было отдано приказаніе прокопать грядки съ арбузами и дынями. Я съ ранняго утра занялась этимъ дѣломъ, а вотчимъ точно плантаторъ, въ широкой соломенной шляпѣ, стоялъ надо мной, держа въ рукѣ хлыстъ, и хотя таковой въ ходъ не былъ пущенъ, но на душѣ у меня было жутко отъ ожиданія. Работа была прекращена только тогда, когда мои руки распухли, потрескались и показалась кровь. Я была отпущена. Умывшись и одѣвшись, я сѣла отдохнуть. У меня очень болѣла спина, затылокъ, ноги и руки. Послѣ завтрака я была позвана вотчимомъ и получила приказъ танцевать. Онъ взялъ въ руки гитару, игралъ русскую, это единственное, что онъ умѣлъ наигрывать, а я должна была подъ эту музыку танцевать чардашъ. Это меня сбивало, но я рѣшила не обращать вниманія на аккомпанементъ и вела свою линію. Къ моему удивленію, когда танцы были окончены, вотчимъ сказалъ:

— Здорово! Наловчилась, Машка, здорово! Будетъ толкъ, пляши!

Мать, услышавъ похвалу, расцвѣла отъ удовольствія, а сестра вдругъ вздумала было засмѣяться. Я поблагодарила вотчима, сказавъ:

— Благодарю васъ, папаша!

— Только не зазнайся, добавилъ вотчимъ, карьеру можешь сдѣлать. Не попадешь въ театръ, въ гостиницахъ въ хорѣ хорошо плясать, рублей тридцать въ мѣсяцъ сможешь получать. А будешь съ бубномъ гостей обходить и шестьдесятъ наковыряешь. Послѣ такого резюме, мать опять стала серьезной и, пожавъ плечами, рѣшилась возражать:

— И что ты только, Леличка, говоришь? Да развѣ возможно дѣвочку въ хоръ отдавать?

— Ну не отдавай въ хоръ, пусть поступитъ на Императорскую сцену, ухмыляясь, отвѣтилъ матери отецъ и пошелъ спать.

Мы пошли въ садъ и стали съ сестрой во что-то играть. Время прошло незамѣтно, и насъ позвали къ обѣду. Мы по обыкновенію молча ѣли.

Между вотчимомъ и матерью начался разговоръ, окончившійся совершенно неожиданно:

— Такъ ты говорила, Саша, что братъ твой недолго хворалъ и отдалъ Богу душу... Ну что жъ, такъ видно судьбѣ угодно, а чѣмъ онъ хворалъ?

— Тифомъ...

— Какимъ?

— Сыпнымъ...

Эффектъ былъ полный. Вотчимъ не донесъ куска мяса въ ротъ и, широко открывъ глаза, переспросилъ.

— Каки-имъ?

— Сыпнымъ, Леличка...

— Ты съ ума сошла! Отдѣлить! Зараза! Пусть живутъ въ отдѣльномъ флигелѣ.

— Но, Леличка...

— И слушать не хочу...

— Да вѣдь прошло много времени... платьица новыя... сами здоровы.

— Не возражать! Мнѣ еще жизнь дорога...

Словомъ, насъ отдѣлили, и мы жили, какъ зачумленныя. Прислуга, которая подавала намъ, не смѣла войти въ комнаты. Мать тоже не должна была видѣться, но приходила украдкой... Намъ очень было скучно. Занятій не было никакихъ, игрушекъ тоже. Тогда отъ нечего дѣлать я изобрѣла игру: собирала мертвыхъ жуковъ, бабочекъ, червей, выкапывала ямки и хоронила ихъ. Изъ щепочекъ устраивала заборы и ставила кресты. Все, что я выучила съ дядей, я повторяла и даже прибавляла новыя „па“. Можетъ

быть, онѣ были и не нужны, но мнѣ казались украшеніемъ, и я старалась изображать все новыя и новыя. Сочиняла какіе-то танцы и этимъ наполняла долгіе дни и вечера. Спать ложились рано, вставали рано, и такъ текли дни однообразные, надоѣдливые, бездѣльные. Наконецъ, въ одинъ изъ дней, приказано было вымыть насъ карболкой и впустить въ домъ. Все-таки было веселѣй. Мы видѣли маму...

Періодъ дѣтства я на этомъ кончаю. Впереди начинается жизнь новая, замужество, рожденіе дочери, разъѣздъ съ мужемъ и поступленіе на сцену. До этого періода разсказывать болѣе нечего. Что было прежде, то было потомъ. Родину, отечество называютъ воспоминаніемъ дѣтства, у меня эти воспоминанія самыя грустныя, тяжелыя. Свѣтлымъ пятномъ промелькнули мѣсяцы у дяди, закончившіеся его смертью, и жизнь у прачки, затѣмъ образъ матери, а остальное лучше было бы не вспоминать; да я и не вспоминала, старалась не вспоминать, и вотъ только теперь, прослуживъ театру пятьдесятъ лѣтъ, я дѣлюсь этими воспоминаніями и образы далекаго прошлаго встаютъ передо мной и вереницей движутся и тянутся длинной, длинной лентой. Вспоминая свое дѣтство, мнѣ хочется иногда и плакать и смѣяться; смѣяться часто надъ трагическими положеніями, но ужъ очень они теперь кажутся дикими, несуразными и хочется думать, что ихъ не было. Что все это тяжелый сонъ, ушедшій, забытый и случайно вспомянутый. Да, все это такъ, но на закатѣ жизни все-таки вспоминается ея заря, покрытая тучками, и чувствуя, что это невозвратимо... думается, думается обо всемъ, обо всемъ... вы видите, текутъ слезы, слезы двойственныя и какого-то умиленія и скорби.

Большинство умерло. Умеръ вотчимъ, умерла мать, умерла сестра... Много превратностей судьбы пришлось пережить и далѣе, но всѣ эти превратности вспоминаются съ удовольствіемъ, онѣ вели меня по пути, душой, сердцемъ избранному, вели къ театру, къ сценѣ, а театръ для меня былъ „все"... Небольшое слово „все", а сколько въ немъ вмѣщается и сколько дорогихъ, свѣтлыхъ моментовъ онъ давалъ мнѣ, и вотъ я старуха, я уже оставила священные подмостки, а люблю его, очень люблю, и мнѣ истинное удовольствіе доставляетъ посѣщать его, и я бываю тогда, когда вижу талантливое исполненіе, новое, свѣжее дарованіе, новыя вѣянія, но... объ вѣяніяхъ, быть можетъ, поговорю дальше, если прійдется къ слову. Между

вышеописаннымъ и тѣмъ, о чемъ я буду говорить, прошло около четырехъ лѣтъ, а затѣмъ прошло пятьдесятъ. Въ этотъ срокъ много новаго я увидала; переиспытала и видѣла воочію ходъ театральнаго искусства на другихъ. Бывали годы, когда я чувствовала, что театръ живетъ, гигантскими шагами идетъ впередъ, а бывали такіе, когда, наоборотъ, чувствовалось иное, казалось, что онъ замираетъ, движеніе останавливается, а тамъ снова, точно по мановенію волшебной палочки, все просыпалось и казалось, что весна возвращается, что снова зацвѣли фіалки, и радостно и хорошо становилось на душѣ. Не могу воздержаться, чтобы не забѣжать впередъ и не сказать, что однимъ изъ такихъ свѣтлыхъ періодовъ было управленіе театромъ моего покойнаго мужа, незабвеннаго Николая Николаевича Соловцова. Это воспоминаніе ярко освѣщаетъ мою теперешнюю жизнь и залѣчиваетъ многое въ прошломъ. Грустно, грустно, что онъ такъ безвременно сошелъ въ могилу, полный силъ, надеждъ, таланта... Такой энергіи, такой кипучей дѣятельности, такого стремленія впередъ я мало и встрѣчала. Я смѣло это могу сказать теперь, когда пресса, когда страницы исторіи театра занесли его имя на скрижали этой исторіи, когда еще тысячи людей живы и чтутъ его. Право, меня нельзя упрекнуть въ томъ, что я это открыто заявляю. Прошло десять лѣтъ съ его смерти, десять лѣтъ, а его духъ еще живетъ, еще витаетъ дорогая мнѣ тѣнь въ стѣнахъ Кіевскаго театра. Душа моя сейчасъ полна гордостью и тоской по миломъ, дорогомъ человѣкѣ...

Но... покончу объ этомъ и постараюсь возобновить въ моей памяти рядъ долгихъ лѣтъ...

Съ дѣтствомъ, тоже какъ съ воспоминаніемъ, прощаюсь, прощаюсь навсегда...

Ну-съ, приступимъ.

Сообщилъ **Б. Скуратовъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Форма для священниковъ.

(Приказъ по корпусу поселенныхъ войскъ 3 октября 1820 г. № 132) [1].

Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ, Священникамъ поселенныхъ войскъ, имѣть рясы темно-зеленаго сукна, съ слѣдующимъ различіемъ на подбоѣ:

По пѣхотѣ.

Въ полкахъ Гренадерскихъ и Карабинерныхъ, старшимъ краснаго цвѣта, а младшимъ желтаго.

Въ полкахъ Пѣхотныхъ и Егерскихъ, старшимъ желтаго цвѣта, а младшимъ по цвѣту полковыхъ плечевыхъ погоновъ.

По кавалеріи.

Въ полкахъ Уланскихъ, старшимъ краснаго цвѣта, а младшимъ синяго.

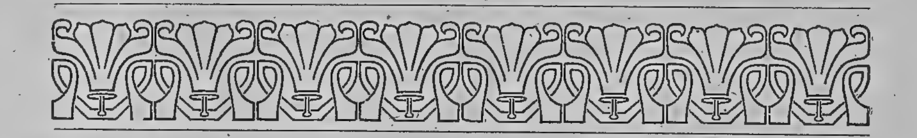
О таковой Монаршей волѣ къ непремѣнному исполненію симъ предписываю.

Подлинный подписалъ генералъ графъ Аракчеевъ.

Сообщилъ **В. П. Федоровъ**.

---

[1]) Библ. Мос. О О. А. Г. Ш. № 2873 (печатный экземпляръ).

Изъ воспоминаній о службѣ по судебному вѣдомству [1]).

ГЛАВА VII.

Окружный судъ и его работа по уголовному отдѣленію.

Оканчиваю свои судейскія воспоминанія. Членомъ суда я былъ назначенъ въ сентябрѣ 1897 года и сейчасъ, съ полученіемъ приказа, приготовилъ къ сдачѣ свой 2-й мировой участокъ г. Вильны, чтобы скорѣе вступить въ новую должность. Правду говоря, не безъ нѣкоторой душевной тревоги вступилъ я въ среду коллегіи общихъ судебныхъ учрежденій. Привыкшій къ единоличной власти творить судъ Именемъ Его Величества и съ сознаніемъ глубины и значенія таковой власти, поступая въ коллегіальное судебное учрежденіе, мнѣ казалось, что мой судейскій обликъ долженъ будетъ затушеваться, какъ поглощенный коллегіальнымъ вотумомъ. Кромѣ того, процессуальные законы окружнаго суда были въ большей своей части для меня новостью, такъ какъ предшествующей службой, не будучи ни судебнымъ слѣдователемъ, ни товарищемъ прокурора суда, я мало былъ знакомъ съ техникой уголовной процедуры. Смущало меня также и то, что я—фуксъ—попадаю въ среду многоопытныхъ процессуалистовъ, а потому нѣкоторая опаска за свои способности „пойти въ ногу“ съ этими испытанными работниками на нивѣ правосудія. Составъ же

---

[1]) См. „Русскую Старину“ іюль 1916 г.

Виленскаго суда въ то время былъ блестящій: многихъ изъ нихъ и именно, съ которыми мнѣ пришлось „ходить въ упряжкѣ“, позволю себѣ это выраженіе, уже нѣтъ на свѣтѣ, а оставшіеся въ живыхъ разбрелись по бѣлу свѣту: кто въ Сенатѣ, кто въ судебной палатѣ, а нѣкоторые предсѣдательствуютъ, и лишь мнѣ волею судьбы приходится встрѣчать юбилейные дни судебныхъ уставовъ 1914 года, какъ старожилу суда. Первый годъ моей службы прошелъ въ уголовномъ отдѣленіи, и вотъ тутъ-то для меня начались „муки Тантала“ со строгимъ и требовательнымъ товарищемъ предсѣдателя суда г. Коссаковскимъ. Меня сейчасъ включили въ составы выѣздныхъ и городскихъ сессій и, конечно, заставили писать приговоры, а чтобы ихъ писать, мнѣ нужно было изучить тѣ печатные трафаретные бланки, которые заготовлялись судомъ на разныя категоріи дѣлъ. Первый мой выѣздъ на уѣздную сессію съ присяжными засѣдателями въ г. Ошмяны произвелъ на меня удручающее впечатлѣніе. Отправлять правосудіе приходилось въ помѣщеніи мирового съѣзда, а помѣщеніе это напоминало сарай: холодное, тѣсное при жалкой внѣшней обстановкѣ и, можете себѣ представить, какое настроеніе создавала такая обстановка въ особенности, когда при ней просидишь часовъ 7—10 при испорченномъ воздухѣ. Усталый, прійдя домой, не видишь и здѣсь надлежащихъ условій для отдыха, такъ какъ номеръ, такъ называемой гостиницы, грязный съ душкомъ и обѣдъ отвратительный по своему вкусу и содержимому, и лишь вечерній чай со своими приложеніями нѣсколько облегчалъ несчастную долю Ошмянскаго сидѣнія. На судебныя засѣданія мы—судьи отправлялись до 10 часовъ, чтобы раньше открывать ихъ и раньше оканчивать. Составъ уѣздныхъ присяжныхъ засѣдателей большею частью сѣрый, малоинтеллигентный, помѣщики и уѣздные интеллигенты вообще неохотно исполняли эту обязанность, но за то крестьяне свято относились къ своимъ обязанностямъ присяжнаго судьи и очень этимъ положеніемъ гордились. Отношеніе уѣздныхъ присяжныхъ засѣдателей къ своимъ вердиктамъ не ровное, смотря по категоріи преступленій: такъ, напримѣръ, мошенничество, растраты, покушеніе на убійство на романической почвѣ, правонарушенія по акцизному уставу—большею частью сопровождались оправдательными приговорами; но кражи, а въ особенности лошадей и скота, влекли за собой неумолимо обвинительные приговоры и при самыхъ шаткихъ уликахъ. Такова психо-

логія крестьянской души. На вердикты уѣздныхъ присяжныхъ засѣдателей огромное вліяніе имѣлъ способъ веденія судебныхъ засѣданій предсѣдательствующимъ въ судѣ и его резюме. Въ этомъ отношеніи покойный г. Коссаковскій былъ замѣчательнымъ предсѣдательствующимъ. Хорошо ознакомившись съ дѣломъ, съ показаніями свидѣтелей, онъ велъ засѣданіе, какъ „по-писанному“: предлагалъ ясные вопросы, устранялъ разговоры свидѣтелей, начинавшіеся „отъ Адама“, и всегда добивался истины, хотя и позволялъ себѣ такіе, напримѣръ, вопросы. Вопр. „Вы какого вѣроисповѣданія?“ Отв. „польскаго“. Вопр. „какой вы вѣры?“ Отв. „польской“. Такой вѣры нѣтъ, не было и не будетъ. Вопр. „гдѣ вы,—свидѣтель, молитесь Богу“. Отв. „въ костелѣ“. Вопр. „значитъ, какой же вы вѣры“. Отв. „католикъ“, отвѣчаетъ свидѣтель. Вотъ это такъ, замѣчаетъ предсѣдательствующій. Странно также бравировалъ покойный со своими резюме. Онъ почему-то не долюбливалъ прокуратуры и обвинителямъ при его предсѣдательствованіи было далеко не весело, и вотъ если обвиняетъ не нравящійся предсѣдательствующему тов. прокурора, то Коссаковскій направляетъ свое резюме къ оправдательному вердикту и наоборотъ; такъ при моемъ участіи по одному дѣлу о кражѣ съ крайне шаткими уликами, когда тов. прокурора отказался отъ обвиненія, Коссаковскій произнесъ блестящее обвинительное резюме, и обвиняемымъ присяжные засѣдатели сказали: „да, виновны“. Не то бываетъ, когда ведетъ уѣздную сессію съ присяжными засѣдателями предсѣдательствующій недостаточно энергичный и не особенно способный, тогда вердикты присяжныхъ засѣдателей пріобрѣтаютъ характеръ случайности и непослѣдовательности. Такъ одинъ нашъ членъ суда, нынѣ здравствующій предсѣдатель суда г. С—нъ, велъ засѣданіе съ открытой книгой Устава уголовнаго судопроизводства, со вставленными въ уставъ его шпаргалками; отнимите отъ него эти шпаргалки— и онъ какъ безъ рукъ. И напутствія присяжнымъ засѣдателямъ, и резюме все онъ говорилъ по шпаргалкамъ. Судите сами, какое впечатлѣніе такой судъ можетъ произвести на присяжныхъ засѣдателей, а вѣдь человѣкъ болѣе десятка лѣтъ занимался этимъ дѣломъ. Въ другомъ родѣ и при иныхъ условіяхъ проходили сессіи въ г. Вильнѣ: здѣсь и составъ присяжныхъ засѣдателей интеллигентнѣе, наличность адвокатуры и составъ свидѣтелей бойчѣе и толковитѣе. Что касается свидѣтелей, то безграничный ихъ вызовъ къ

суду по просьбѣ сторонъ часто не только не помогаетъ раскрытію истины, но, муссируя дѣло, затемняетъ и тѣ улики, которыя собраны предварительнымъ слѣдствіемъ, а нерѣдко идутъ въ свидѣтели лица, лишь для того только, чтобы получить какой лишній рубль „за труды", а труды сводятся къ тому, что по дѣлу, по которому вызванъ свидѣтель на судъ, онъ ничего не знаетъ, а денежки ему подай. И сколько этихъ казенныхъ денегъ тратится зря по всей Россіи!..

Въ общемъ, въ округѣ Виленскаго суда судъ присяжныхъ засѣдателей функціонируетъ вполнѣ удовлетворительно; населеніе съ этимъ судомъ свыклось, дорожитъ имъ и безропотно несетъ свою „судейскую тяготу". Тяжелы выѣздныя сессіи суда для коронныхъ судей, въ виду исполненія ими своихъ обязанностей и въ трудѣ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ для физическаго и душевнаго покоя, что ведетъ къ преждевременному разстройству здоровья на нервной почвѣ и на другихъ основаніяхъ. Не касаясь болѣе другихъ подробностей уголовнаго отдѣленія суда, я не могу не остановиться на сенсаціонномъ процессѣ еврея Блондеса, парикмахера гор. Вильны, обвинявшагося въ покушеніи на убійство съ ритуальной цѣлью служившей у него молодой дѣвушки-польки. Самъ по себѣ Блондесъ—ничтожная, даже невполнѣ доброкачественная личность, но разъ тутъ замѣшанъ еврейскій ритуалъ, то вопросъ пріобрѣтаетъ другое значеніе и дѣло изъ дѣла Блондеса становится дѣломъ національнымъ всего еврейства. И нужно отдать справедливость дружной защитѣ евреями своей національной, скажу, чести. Для защиты Блондеса мобилизированы были лучшія свѣтила нашей адвокатуры, вызваны были лучшіе эксперты (пр. Павловъ, Косоротовъ и Ивановскій) и масса свидѣтелей. Первоначально этотъ процессъ разбирался въ уѣздномъ городѣ Лидѣ, чтобы устранить вліяніе виленскаго еврейства на составъ присяжныхъ засѣдателей и свидѣтелей. Въ Лидѣ присяжными засѣдателями былъ вынесенъ Блондесу обвинительный приговоръ, но по кассаціонной жалобѣ обвиняемаго этотъ приговоръ былъ отмѣненъ и дѣло для новаго разсмотрѣнія назначено было въ Вильнѣ. Въ Вильнѣ процессъ длился 9 дней при самой торжественной обстановкѣ и при усиленномъ составѣ суда (4 человѣка). Предсѣдательствовалъ нынѣ здравствующій Г. С. Маньковскій, обвинялъ М. И. Зубовскій. Судебное слѣдствіе проведено было образ-

цово, гладко и безъ всякихъ инцидентовъ. Скамью защитниковъ занимали свѣтила адвокатуры: Спасовичъ, Мироновъ и Грузенбергъ, подѣлившіе темы защиты между собою. Обвинялся Блондесъ въ томъ, что въ одинъ прекрасный день, оставаясь глазъ на глазъ со своей прислугой дѣвушкой-полькой, лѣтъ около 20, набросился на нее, схватилъ за глотку и сталъ наносить ей острымъ орудіемъ порѣзы въ области горла, чему придано было значеніе покушенія на убійство съ ритуальной цѣлью, хотя прямо этотъ признакъ въ обвинительномъ актѣ и не былъ выраженъ. Окружный судъ, выслушавъ свидѣтелей, производилъ на мѣстѣ преступленія осмотръ, для опредѣленія, при какой обстановкѣ имѣло мѣсто преступное дѣяніе, и выслушалъ заключеніе экспертовъ о значеніи порѣзовъ—ранъ у потерпѣвшей. Затѣмъ послѣдовали пренія сторонъ. Горячо обвинялъ обвинитель въ предѣлахъ матеріала, доставленнаго судебнымъ слѣдствіемъ. Но вотъ поднимаются одинъ за другимъ защитники: Грузенбергъ подробно анализируетъ свидѣтельскія показанія и жестоко ихъ, какъ матеріалъ для обвиненія, разбиваетъ. Мироновъ съ грудою книгъ подъ руками опровергаетъ цитатами изъ нихъ наличность у евреевъ даннаго ритуала, наконецъ, Спасовичъ излагаетъ сужденія о значеніи уликъ, разбираетъ улики по данному дѣлу и приходитъ къ выводу о недоказанности обвиненія. Вся эта громкая и громоздкая защита, вся длительность и детальность судебной процедуры хотя и послужило не къ обвиненію, а къ оправданію Блондеса, но суть преступленія, мотивы его такъ и остались не выясненными, и дѣло, казавшееся по началу темнымъ, такимъ и осталось въ концѣ концовъ.

Жалко было въ этомъ процессѣ слушать знаменитаго г. Спасовича; онъ напоминалъ собою знаменитаго пѣвца Тамберлика, появлявшагося на эстрадѣ на 8 десяткѣ жизни.

Какое его было пѣніе?!...

ГЛАВА VIII.

Гражданское отдѣленіе и работа судей.

Освоившись съ работой уголовнаго отдѣленія, я чувствовалъ свое положеніе въ коллегіи довольно сноснымъ, какъ въ 1898 г. состоялся мой переходъ въ гражданское

отдѣленіе Виленскаго суда. Конечно, я радъ былъ этой перемѣнѣ въ характерѣ работы уже и потому, что устранились тягостныя поѣздки на сессіи, но съ другой стороны и здѣсь, какъ и въ уголовномъ отдѣленіи, мнѣ новичку по началу приходилось очень „туго". Хотя служба по мировымъ учрежденіямъ и дала мнѣ общее практическое знакомство съ гражданскимъ процессомъ и X т. ч. I, но этого знакомства было недостаточно для рѣшенія гражданскихъ дѣлъ въ окружномъ судѣ. Въ этомъ судѣ по гражданскимъ дѣламъ преобладаетъ строгій формализмъ, какъ точное исполненіе велѣній процессуальнаго закона; выработана традиціонная техника какъ въ изображеніи резолюцій, такъ и въ изготовленіи рѣшеній въ окончательной формѣ. Дѣла же въ судѣ попадались очень сложныя въ особенности земельныя и по договорамъ. Докладъ дѣлъ требовался самый тщательный, а потому тщательно нужно было ихъ прочитывать, чтобы не былъ упущенъ безъ оцѣнки какой-нибудь документъ или возбужденный той или другой стороной вопросъ. Кромѣ, такъ сказать, фактическаго изученія дѣла необходима была еще и его разработка юридическая: т. е. наведеніе справокъ по кассаціонной практикѣ, чтеніе соотвѣтственныхъ законовъ и т. д. Старому, опытному члену суда эта работа дается легко, но для новичка она очень трудна; но и у старыхъ членовъ суда что ни засѣданіе, то и новый казусъ, имъ еще не попадавшійся на практикѣ. Въ мое время гражданское отдѣленіе работало при наличности 5 членовъ суда и предсѣдателя. Порядокъ трудовой недѣли такой. Если моей смѣнѣ очередь въ понедѣльникъ, то въ предшествующую ему пятницу мнѣ присылаютъ докладъ около 25 дѣлъ (по наказу), а то и больше и въ этомъ числѣ 10 исковыхъ; въ пятницу же вечеромъ я читаю дѣла, въ субботу готовлю резолюціи по дѣламъ, не требующимъ состязательныхъ объясненій, въ воскресеніе подготовляю юридическія справки, а въ понедѣльникъ и вторникъ сижу въ засѣданіи (2-й день установленъ для производства повѣрочныхъ дѣйствій: допроса свидѣтелей, экспертизы и пр.), въ среду даю себѣ передышку, если нѣтъ дежурства, или не пошлютъ въ какое-либо губернское присутствіе, четвергъ цѣликомъ и часто пятницу посвящаешь изготовленію рѣшеній по доложеннымъ въ понедѣльникъ дѣламъ; тамъ опять читай новый докладъ, опять пиши и такъ до безконечности... Не видная, казалось бы, работа членовъ граждан-

скаго отдѣленія въ дѣйствительности требовала много вниманія, усидчивости и ознакомленія съ процессуальными и матеріальнаго права законами. Усугублялся трудъ членовъ „гражданъ“ главнымъ образомъ его непрерывностью, однообразіемъ и совершеннымъ отсутствіемъ досуга для чтенія не только современныхъ литературныхъ произведеній, но и новыхъ юридическихъ изслѣдованій по теоріи права и т. п., и лишь одну или двѣ газетки успѣваешь пробѣжать въ день, чтобы знать, что „живы еще „курилки“. Вотъ въ такое тягло пришлось и мнѣ окунуться и очутиться въ положеніи „бѣлки въ колесѣ“. Попалъ я въ смѣну со старыми и многоопытными членами суда г.г. Мартенсомъ и Яковлевымъ. Понятно, что новичекъ въ такой компаніи будетъ себя чувствовать стѣсненнымъ и нерѣшительнымъ, такъ какъ у него, новичка, новостью являются такіе вопросы, которые для его коллегіантовъ вещь давно извѣстная, и, кромѣ того, старые судьи не особенно считаются съ твоимъ мнѣніемъ, какъ, на ихъ взглядъ, еще незрѣлымъ. Пришлось переживать тяжелыя минуты, пока усвоилъ технику гражданскихъ дѣлъ. Не могу не помянуть здѣсь добрымъ словомъ покойнаго судью В. В. Яковлева— этотъ справочный архивъ нашего суда, удивительнаго труженика, мягкаго и доброжелательнаго человѣка, помогавшаго мнѣ въ трудныхъ случаяхъ своими указаніями и совѣтами по дѣламъ. Съ признательностью вспоминаю и достойнѣйшаго нашего предсѣдателя суда М. М. Котляревскаго, завѣдывавшаго гражданскимъ отдѣленіемъ (сенаторъ нынѣ), терпѣливаго, выдержаннаго и очень деликатнаго въ обращеніи съ членами суда. Когда, бывало, спѣшно изготовляешь резолюцію, чтобы не задерживать моихъ сочленовъ, М. М. Котляревскій всегда, бывало, говоритъ: „не спѣшите, еще успѣемъ, а то отъ поспѣшности можно впасть и въ ошибку“. Велъ засѣданіе М. М. Котляревскій строго и торжественно, повѣренные его боялись, какъ огня, и не потому, чтобы онъ не корректно съ ними обращался; но М. М. часто кому-нибудь изъ нихъ ставилъ такіе вопросы и дѣлалъ такія замѣчанія къ ихъ состязательнымъ рѣчамъ, отъ которыхъ не могло поздоровиться, въ особенности, когда дѣло „скверно пахнетъ“.

Разъ зашла рѣчь о М. М. Котляревскомъ, то я продолжу о немъ свои воспоминанія. Въ нѣкоторомъ родѣ это выдающаяся личность по своимъ знаніямъ, трудоспособности, служебному такту и деликатности въ сношеніяхъ съ чле-

нами коллегіи. Нѣкоторымъ не нравилась его видимая сухость, „бюрократическая повадка", но такимъ онъ былъ только на службѣ, а посмотрѣли бы его въ частномъ домѣ, напримѣръ, на вечеринкахъ у гг. Юршевскихъ, гдѣ мы— малороссы (но не мазепинцы) часто и весело проводили время, когда его превосходительство заиграетъ на „скрыпочкѣ" или пустится въ плясъ, когда ведетъ остроумные и веселые разговоры съ гостями — это уже совершенно другой Мих. Мих., открывающій свою душу и свой темпераментъ. Какъ на примѣръ его деликатности служебной укажу на такой фактъ: будучи, собственно говоря, криминалистомъ и въ свое время извѣстнымъ судебнымъ слѣдователемъ по производству слѣдствій по политическимъ дѣламъ въ Кіевѣ, а затѣмъ проходя прокурорскія должности, онъ, вступивъ въ Виленскій окружный судъ, не потребовалъ для себя уголовнаго отдѣленія, гдѣ сидѣлъ г. Коссаковскій, на что имѣлъ законное право, а взялъ гражданское отдѣленіе и въ скоромъ времени сдѣлался заправскимъ цивилистомъ. Вотъ какой Котляревскій! Много ли теперь такихъ предсѣдателей? Нынче здѣсь, въ этихъ должностяхъ преобладаетъ больше „стиль модернъ", на „карьерныхъ сваяхъ" и „политической орнаментикѣ", хотя послѣдняя совершенно не соотвѣтствуетъ разъяснительному указу Правит. Сената. Возвращаясь къ работамъ членовъ суда, укажу здѣсь на выѣзды ихъ по производству осмотровъ и прочее. Изъѣздивъ по такимъ порученіямъ всѣ уѣзды Виленской губерніи, мнѣ приходилось претерпѣвать массу дорожныхъ неудобствъ: ночевать на сѣновалахъ, въ гумнахъ крестьянскихъ и въ помѣщичьихъ хоромахъ; питаться тѣмъ, что взято съ собой, бродить по лѣсамъ и болотамъ, писать и допрашивать свидѣтелей при самой гнетущей обстановкѣ (въ душной и грязной избѣ на скверныхъ столахъ и т. п.), тѣмъ не менѣе я съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю эти поѣздки: движеніе на свѣжемъ воздухѣ, въ живописныхъ мѣстахъ, лѣсахъ, поляхъ, близъ очаровательныхъ озеръ, все это оздоровляло и освѣжало физически кабинетнаго работника и, по крайней мѣрѣ, хоть на время сближало его съ окружающей природой, ея красотами, освѣжало психику и вливало въ жизнь струю хорошаго, не испытываемаго за кабинетной работой, настроенія. Кромѣ этого, пріятно было видѣть ту почтительность, уваженіе и радушіе, съ которымъ тебя встрѣчали какъ въ крестьянской средѣ, такъ и въ помѣщичьей. Значитъ, судъ

въ почетѣ, судъ въ литовскомъ краѣ уважается, хотя онъ и русскій. Но при производствѣ повѣрочныхъ дѣйствій часто огорчали меня лживые свидѣтели, заранѣе подготовленные какой-либо изъ сторонъ. Помню такой случай: проѣзжаю въ сумерки одну небольшую деревню, за которой въ верстахъ 4-хъ находится другая—цѣль моей поѣздки, и слышу шумъ, говоръ около одной изъ избъ, пиликанье скрипки и какъ бы танцы. Спрашиваю возницу—это свадьбу справляютъ? Отвѣчаетъ: „нѣтъ, паночку, тутъ гуляютъ свидѣтели, которыхъ завтра будетъ допрашивать членъ суда: вотъ Якубъ имъ и „фундуетъ" (угощаетъ)". Я, конечно, эту новость принялъ къ свѣдѣнію. Другой случай: въ одной изъ деревень Свенцянскаго уѣзда (не помню какая) мнѣ тоже нужно было допрашивать свидѣтелей по вопросу о захватѣ земли однимъ тяжущимся у другого. Собрались въ избу всѣ свидѣтели, стороны съ адвокатами и приглашенный ксендзъ — почтенный старикъ — типичный литовецъ. Ксендзъ съ мѣста, когда я провѣрялъ наличность свидѣтелей, огорошилъ меня такимъ обращеніемъ: „знайте, судья, что свидѣтели, которыхъ Вы будете допрашивать, самые воры, мошенники и пьяницы; они несчастье моего прихода, я ихъ постоянно пробираю съ амвона, но это мало помогаетъ; позвольте мнѣ на литовскомъ языкѣ разъяснить имъ значеніе присяги, а тогда я ихъ приведу къ ней". Конечно, я исполнилъ желаніе ксендза. И вотъ началась рѣчь ксендза съ большимъ подъемомъ, съ горячей жестикуляціей и, судя по лицамъ слушателей, съ сильными аргументами. Хотя мнѣ кое-что знакомо изъ литовскаго языка, но я содержанія рѣчи не зналъ, а по опущеннымъ глазамъ свидѣтелей и ихъ поникшимъ головамъ, я убѣдился, что рѣчь ксендза была сильная и произвела свое дѣйствіе. Послѣ рѣчи ксендза повѣренные тяжущихся просили пока свидѣтелей къ присягѣ не приводить, а они посовѣтуются со своими довѣрителями. Я сдѣлалъ антрактъ, сталъ пить чай, угощая и ксендза, и за чаемъ онъ мнѣ перевелъ свою громоносную рѣчь. Результатомъ разъясненій ксендза было то, что свидѣтели отказались лгать и подготовка доказательствъ падала, а повѣренные сторонъ заявили о прекращеніи дѣла, чему я, конечно, былъ радъ и поблагодарилъ ксендза „за рѣшеніе дѣла". И много другихъ аналогичныхъ случаевъ попадалось при производствѣ повѣрочныхъ дѣйствій. Этотъ фактъ и другіе подобные наглядно доказываютъ силу вліянія у насъ мѣстнаго като-

лическаго духовенства на простой народъ. Въ публикѣ существуетъ мнѣніе, что отправленіе правосудія по гражданскимъ дѣламъ—скучная вещь, а потому и дни по этимъ дѣламъ мало посѣщаются сторонней публикой. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, въ гражданскомъ судѣ часто разрѣшаются очень интересныя и сложныя дѣла, интересныя какъ по своей юридической фабулѣ, такъ по своей этической подкладкѣ. Такъ какъ нашъ гражданскій процессъ много отводитъ мѣстъ словопреніямъ тяжущихся на-ряду, правда, съ документальными доказательствами, то въ силу такой конструкціи процесса, пренія тяжущихся бываютъ полны захватывающаго интереса по своей эрудиціи, освѣщенію данныхъ дѣла и интерпретаціи спорныхъ правоотношеній. Все это интересно, конечно, по стольку, по скольку защита по дѣлу находится въ рукахъ свѣдущихъ и добросовѣстныхъ повѣренныхъ, и къ чести виленской присяжной адвокатуры слѣдуетъ сказать, что среди ея имѣются прямо профессора правовыхъ институтовъ (Сумурокъ, Змачинскій, Врублевскій, Струмилло и покойные Бернатовичъ, С. Мееровичъ и другіе). Объединенная такъ называемой комиссіей присяжныхъ повѣренныхъ — мѣстная адвокатура представляетъ собой на рѣдкость корректный, лояльный, свѣдущій и тактичный составъ лицъ, съ которыми пріятно вести процессъ и не безполезно выслушивать обоснованныя судебныя пренія; неблагопріятную сторону гражданскаго процесса нужно искать въ самихъ процессуальныхъ законахъ. Съ этой точки зрѣнія очень тормозитъ движеніе гражданскихъ дѣлъ существующій порядокъ ихъ направленія (общій, сокращенный и упрощенный), тогда какъ все это можно безъ ущерба для процессуальнаго положенія дѣла свести къ одному порядку, чѣмъ сократится время для дальнѣйшаго движенія производства по дѣлу; необходимо сократить сроки для обжалованія рѣшеній суда и устранить поводы для оттяжки рѣшенія дѣла по существу разновременнымъ представленіемъ сторонами доказательствъ по дѣлу и предъявленіемъ встрѣчныхъ исковъ. Такіе процессуальные недостатки нашего гражданскаго процесса обратили на себя вниманіе министерства юстиціи, которое и разрабатываетъ уже соотвѣтственныя новеллы, что давно пора было сдѣлать.

ГЛАВА IX.

Общія собранія отдѣленій суда.

Общія собранія отдѣленій суда представляютъ собою коллегію для отправленія судебно-административныхъ его функцій, такъ какъ къ вѣдѣнію этихъ собраній относятся вопросы по надзору за судебнымъ персоналомъ подчиненныхъ суду лицъ и ихъ дѣятельностью; разсмотрѣніе отчетностей о положеніи у нихъ дѣлъ (у судебныхъ слѣдователей, нотаріусовъ и судебныхъ приставовъ), вопросы дисциплинарнаго характера и вопросы, имѣющіе значеніе для внутренняго распорядка, дѣлопроизводства въ судѣ (для наказа), министерскіе циркуляры и т. п. Прохожденіе всѣхъ этихъ вопросовъ въ общихъ собраніяхъ отдѣленій суда не сопровождалось особыми осложненіями; но вопросы, связанные съ дисциплинарными производствами, вызванные неправильными дѣйствіями кого-либо изъ членовъ адвокатуры или судебныхъ слѣдователей, часто возбуждали горячія пренія въ коллегіи. Источникомъ такой горячности были двѣ причины: по отношенію къ адвокатамъ многіе члены коллегіи, недолюбливая этотъ институтъ, старались непремѣнно упечь попавшагося адвоката, а по отношенію къ судебнымъ слѣдователямъ коллегія всячески защищала этихъ лицъ отъ прижимокъ прокурорскаго надзора, усвоившаго себѣ почему-то совершенно незаконную точку зрѣнія на слѣдственный институтъ, какъ на нѣчто, лишенное своей воли, своей инціативы, а долженствующій пребывать въ безусловномъ его подчиненіи. Былъ у насъ, напримѣръ, такой прокуроръ, который заваливалъ судъ своими сообщеніями о неправильныхъ дѣйствіяхъ судебныхъ слѣдователей, оканчивавшихся ничѣмъ, доказывавшихъ лишь злобность прокурора и переоцѣнку имъ своего значенія. Всѣ другіе вопросы протекали мирно, скучновато, не внося никакихъ разногласій въ среду коллегіи. Отрадная сторона общихъ собраній отдѣленій суда, на мой взглядъ, заключается въ томъ, что здѣсь, въ общихъ собраніяхъ, члены коллегіи объединяются, выйдя на свѣтъ со своихъ „трудовыхъ норъ“, обмѣниваются взглядами по разнымъ занимающимъ ихъ вопросамъ служебнаго и личнаго характера. Но все тихо, мирно и благодушно идетъ въ судейской кол-

легіи, когда она представляетъ собою „лицо суда“, живетъ дружно, чуждая интригъ и нажима со стороны предсѣдателя суда. Но разъ предсѣдатель суда особа, стремящаяся къ подавленію самостоятельности суда своимъ „я“, устанавливающая пріоритетъ своей власти, пренебрежительно и съ переоцѣненной властностью относящаяся къ членамъ коллегіи, тогда общія собранія отдѣленій суда представляютъ совершенно иную физіономію, такъ какъ вмѣсто сплоченной дружеской семьи вы видите передъ собою собраніе людей недовольныхъ, измученныхъ, недовѣрчивыхъ и озлобленныхъ дѣйствующимъ режимомъ, въ основѣ котораго произволъ и интрига. Слава Богу, при предсѣдателяхъ суда М. М. Котляревскомъ и Г. С. Маньковскомъ я такого режима не испытывалъ и вспоминаю ихъ и здѣсь съ самымъ теплымъ чувствомъ. Главной функціей общаго собранія отдѣленій, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ признать его право представлять избранныхъ ими кандидатовъ на открывающіяся судебныя должности членовъ суда, судебныхъ слѣдователей и др. Въ этомъ закономъ установленномъ правѣ суда заключается и маленькая доля его автономіи. И вотъ на почвѣ этой автономіи можно подмѣтить и характеризовать нравъ даннаго предсѣдателя суда. Тотъ изъ нихъ, который идетъ и дѣйствуетъ въ согласіи съ коллегіей, безусловно по даннымъ вопросамъ подчиняется общему приговору коллегіи, а тотъ, у котораго судъ—„это я“, непремѣнно настаиваетъ на представленіи рекомендуемаго имъ кандидата, и если судъ отклонитъ его рекомендацію, то все-таки „обходными движеніями“ онъ сажаетъ на шею суду нежелательнаго коллегіанта, но вѣрнаго предсѣдательскаго клеврета.

Право избранія судомъ своихъ кандидатовъ на открывающіяся въ округѣ суда должности—это въ такой степени драгоцѣнное право суда, что къ нему надо относиться очень бережно и оберегать отъ всякихъ узурпацій со стороны предсѣдателей судовъ „стиля модернъ“. Большую помощь узурпаціи права судебныхъ коллегій на избраніе своихъ кандидатовъ на судебныя должности оказываетъ открытая выборная баллотировка. Всѣ мы люди, какъ люди, и не у всѣхъ и судей въ равной мѣрѣ развито чувство гражданскаго мужества, и разъ предсѣдатель суда повелительно ставитъ на баллотировку своего кандидата, то многіе изъ нежеланія стать съ предсѣдателемъ въ непріятныя отношенія даютъ свой голосъ его кандидату, къ сожалѣнію,

даже съ такимъ поясненіемъ: „какъ угодно вашему превосходительству"... Ничего подобнаго вы не можете встрѣтить при закрытой баллотировкѣ даннаго лица, тайна избирательной урны даетъ полную свободу избирателю положить бѣлый или черный шаръ данному избраннику, и хотя, какъ напр. на земскихъ или дворянскихъ выборахъ, и бываютъ такіе курьезы, что упросятъ человѣка баллотироваться, а потомъ навалятъ ему черняковъ, но вѣдь это только курьезъ, а не норма. Давно бы, казалось, пора и къ судейскимъ коллегіямъ примѣнить общепринятую систему выборовъ въ общественныхъ учрежденіяхъ Россіи; тогда не мыслимы были бы на практикѣ и такіе случаи, когда несогласную съ предсѣдателемъ коллегію по вопросу о выборахъ—имъ эта коллегія обвиняется въ подрывѣ предсѣдательской власти и чуть не въ государственномъ преступленіи. Нашъ судъ, по счастью, до самаго послѣдняго времени шелъ по пути выборовъ своихъ кандидатовъ на судебныя должности прямой дорогой, предуказанной въ законѣ, и лишь въ послѣднее время на этомъ пути поставлены „новыя вѣхи" и намѣчена другая дорога... Тяжелая работа нашего суда съ постояннымъ увеличеніемъ дѣлъ какъ уголовныхъ, такъ и гражданскихъ выдвинула въ 1902 г. въ общемъ собраніи его отдѣленій вопросъ объ увеличеніи наличнаго состава членовъ суда и прибавки двухъ отдѣленій. Образованы были для разработки вопроса двѣ комиссіи по уголовному и гражданскому отдѣленіямъ, изслѣдованіями которыхъ по точному цифровому матеріалу было установлено, что при дѣйствующемъ наличномъ составѣ суда нѣтъ никакой надежды на ликвидацію постепенно наростающаго остатка нерѣшенныхъ дѣлъ, грозящаго при томъ въ будущемъ еще большимъ увеличеніемъ. Министерство юстиціи вняло ходатайству суда и увеличило составъ его только въ обрѣзъ, и если кто-нибудь изъ наличнаго состава членовъ суда заболѣетъ, или будетъ находиться во временномъ отпуску, то встрѣчается большое затрудненіе при замѣщеніи отсутствующихъ членовъ коллегіи. На мой взглядъ, чтобы не истощать силъ наличнаго состава суда, необходимо хоть на 2 отдѣленія суда имѣть еще по одному резервному члену суда, который выручалъ бы судъ въ экстренныхъ случаяхъ, а при нормальномъ положеніи дѣла несъ другія обязанности: участвовалъ бы въ губернскихъ присутствіяхъ, докладывалъ дѣла, облегчая трудъ своихъ товарищей. Прошли и давно прошли золотые дни идейной—увлека-

тельной работы судей, какъ то было на первыхъ порахъ дѣйствія судебныхъ уставовъ; теперь эта работа усложнилась по существу и количественно, пріобрѣтая значеніе неустаннаго ежедневнаго труда, въ значительной степени и въ скоромъ времени подтачивающаго здоровье работниковъ въ особенности на нервной почвѣ и на почвѣ психоза.

ГЛАВА X.

Служба въ уѣздномъ съѣздѣ.

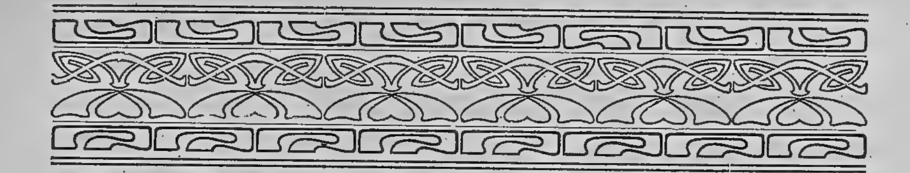
Хотѣлось бы мнѣ еще кое-что сказать и о службѣ въ качествѣ уѣзднаго члена суда; но, къ сожалѣнію, эта служба не оставила у меня особенно хорошихъ воспоминаній, какъ потому, что судебное дѣло въ этомъ судебно-административномъ учрежденіи не вызывало къ себѣ особой симпатіи, такъ и потому, что положеніе уѣзднаго члена суда въ коллегіи земскихъ начальниковъ—это „сидѣнье на двухъ стульяхъ" поза далеко неудобная; но она,—поза, бываетъ совершенно невозможной, если вамъ поставятъ стулья не прочные, угрожающіе паденіемъ или, говоря другими словами, если вамъ прійдется стать въ оппозицію съ земскими начальниками, или съ предсѣдателемъ уѣзднаго съѣзда, какъ это бывало во многихъ съѣздахъ. Мнѣ и здѣсь посчастливилось. Предсѣдателемъ Виленскаго съѣзда состоялъ гр. С. С. Татищевъ, и онъ очень мило разрѣшилъ вопросъ о взаимныхъ компетенціяхъ, предоставивъ мнѣ „carte blanche" по судебной части, а самъ занялся чисто административной. Благодаря такому „мировому соглашенію", за все время моей службы въ уѣздномъ съѣздѣ у меня не было никакихъ недоразумѣній ни съ предсѣдателями его, ни съ земскими начальниками. Но то былъ гр. Татищевъ—человѣкъ большого такта, удивительной трудоспособности и крайне корректный, хотя и не безъ скрытныхъ „властныхъ стремленій", чего потомъ и достигъ на разныхъ постахъ административной дѣятельности. Что касается суда земскихъ начальниковъ, то имъ населеніе не удовлетворялось, судя по жалобамъ на ихъ рѣшенія. Тѣмъ болѣе не удовлетворяли мѣстное населеніе рѣшенія волостныхъ судовъ. И въ самомъ дѣлѣ: рѣшенія этихъ судовъ подчасъ поражали то

своей чудовищной нелѣпостью въ изложеніи мотивовъ рѣшеній, то отсутствіемъ этихъ мотивовъ, частымъ несоотвѣтствіемъ фактической стороны дѣла резолюціи суда и т. д. Уѣздный членъ положительно былъ заваленъ жалобами на рѣшенія волостныхъ судовъ. Большую часть рѣшеній, очевидно, измышляли волостные писаря, которые поворачивали законъ „какъ дышло", лишь-бы по-ихнему вышло. При личныхъ объясненіяхъ съ крестьянами они высказывали глубокое сожалѣніе, что нѣтъ мирового суда, который такъ хорошо у нихъ привился и которымъ они были очень довольны и, главнымъ образомъ, потому, что правосудіе было въ чистыхъ рукахъ, а отъ рѣшеній мировыхъ судей не пахло „spiritus'омъ vini". Такъ какъ въ настоящее время въ Государственную Думу внесенъ законопроектъ о введеніи положенія о мѣстномъ судѣ и въ Виленской губерніи, то остается только порадоваться за нашихъ селянъ, которымъ снова возвратятъ ихъ излюбленный мировой судъ.

Прослуживъ въ уѣздномъ съѣздѣ $2^1/_2$ года, я опять потянулся въ мой судъ, за назначеніемъ товарищемъ предсѣдателя его въ 1906 году, и счастливъ ожиданіемъ встрѣтить юбилейные дни судебныхъ уставовъ Императора Александра II въ своей средѣ и въ своей сферѣ.

В. С. Чеважевскій

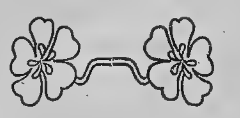

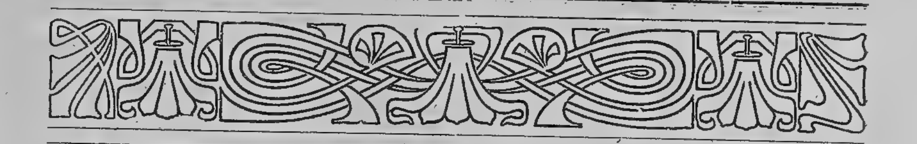
Къ исторіи Ѳерапонтова Бѣлозерскаго монастыря (1679 г).

Государю преосвященному Симону архиепископу Вологодскому и Бѣлозерскому бьютъ челомъ богомольцы твои Бѣлозерского уѣзду Рожества Пречистыя Богородицы Ѳерапонтова монастыря игуменъ Афонасей з-братьею. Въ нынѣшнемъ государь во 187 году билъ челомъ великому господину святѣйшему Іоакиму патриарху Московскому и всеа Росиі Ѳерапонтова ж монастыря строитель старецъ Исаия об отставѣ строительския службы и по указу святѣйшаго патріарха, а по его строительскому челобитью, прислана к тебѣ государь преосвященному Симону архиепископу Вологодскому и Бѣлоозерскому грамота, а по той государь грамотѣ, а по его строительскому челобитью, указано ево строителя Исаию от строительския службы отставить. И нынѣ государь у нас в Ѳерапонтовѣ монастырѣ строителя нѣт и монастырскихъ служекъ и служебниковъ и вотчинныхъ крестьянъ от сторонъ оберегать некому. Умилостивися государь преосвященный Симонъ архиепископъ Вологодскій и Белозерскиі, пожалуй нас богомолцовъ своих, вели государь быть у нас в Ѳерапонтове монастырѣ строителемъ Кирилова монастыря соборному старцу Корнилию Затворникову и об томъ государь вели дать свою святительскую грамоту, чтоб ему старцу Корнилию Затворникову у нас в Ѳерапонтове монастырѣ промежа служками и служебниками и вотчинными крестьяны всякая розправа чинить и от сторонъ оберегать. Государь великиі святитель смилуйся пожалуй.

На оборотѣ: К сей челобитной ігумен Аѳонасей руку приложилъ. Черной поп Дионисей вмѣсто братии дѣтей своих духовных по ихъ велѣнью руку приложилъ. Черноі поп Парѳеней и вмѣсто детеі своих духовных казначѣя старца Іева да старца Тарасия руку приложил. Чернец Митрофан руку приложил. Чернѣцъ Александръ руку приложил.

Сообщ. **Ив. Суворовъ.**

Къ исторіи рода Чайковскихъ.

(Завѣщаніе Ивана Чайковскаго 1688 г.).

Во имя Пресвятыя Троицы Отца и Сына и Святаго Духа. Се язъ рабъ Божиі Иванъ Аѳонасьевъ сынъ Чайковской пишу себѣ изустную духовную память своими цѣлымъ умомъ и разумомъ бояся часа смертнаго кому что дать и на комъ что взять. Благословляю язъ Іванъ жену свою Мавру Даниловну Божиімъ милосердіемъ домовными образами да приказываю душу свою ей женѣ своей Маврѣ и дѣтемъ своимъ Ильѣ и Василью и Петру. А что моево пожитку послѣ меня останется, хлѣба и скота и рухледи, и изъ тѣхъ пожитковъ моихъ приказываю женѣ своей и дѣтемъ своимъ дать на поминовеніе души моей сорокоусты отцу моему духовному вдовому попу Еѳрѣму сорокоустъ говорить псалтырь да Пречистенскому попу Василью, что на Монзѣ, съ крылашены сорокоустъ же да Егорьевскому попу Ивану Семенову, что на Шиленгѣ, съ крылашены сорокоустъ да въ Александрову пустыню попу Никиѳору Алексѣеву съ крылашены сорокоустъ же да прежнему моему отцу духовному старцу Филарету дать сорокоустъ же говорить псалтырь. А какъ Богъ преселитъ душу жены моея Мавры послѣ меня, и что останется пожитковъ моихъ, и тѣ пожитки мои послѣдніе отдать на поминовеніе жены моей по душе на сорокоусты же въ тѣ же вышеписанныя мѣста. Да заплатить церковного долгу Пречистыя Богородицы, что на Монзѣ, пятнадцать рублевъ денегъ по заемной кабалѣ на три строки, а въ той кабалѣ писаны кресьяня мои, а окромѣ той кабалы иново долгу никакова в тое церковь нѣтъ.

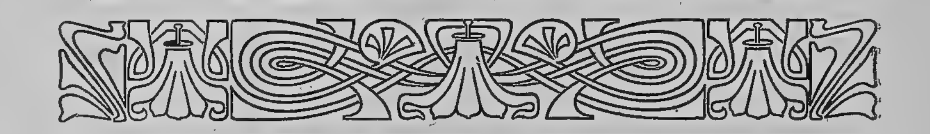
Да въ вотчинѣ Ростовского митрополита Шейпухоцкой волости у кресьянина у Якова Мингалева какія объявятца заемныя кабалы и памяти на меня Ивана и на дѣтей моихъ и на кресьянъ моихъ, а тѣ кабалы и памяти писаны на имя перваго мужа жены ево Яковлевы Ивана Ѳедорова сына Беляя, и по тѣмъ кабаламъ и памятемъ хлѣбной и денежной долгъ плаченъ весь сполна. Да зятьямъ моимъ за дочерми моими Ѳедору Васильеву сыну Бесѣдному, Дмитрею Тимоѳѣеву сыну Марину, Василью Матвѣеву сыну Сыпягину и бывшему зятю Якову Брянченинову и зятю Стефану Яковлеву сыну Пылаеву, Ивану Яковлеву сыну Толбумину противо рядныхъ записей приданое платье и кузнь серебряная и что писано в отдачю и то имъ все плачено сполна. А дѣти мои Илья и Василей и Петръ подѣлены у меня Ивана до сего числа за многое время и хлѣбомъ и скотомъ и всякими пожитками надѣлены, живутъ особыми домами. А о помѣсьѣ моемъ имъ дѣтемъ моимъ Ильѣ и Василью и Петру послѣ моего живота бить челомъ великимъ государемъ. А жену мою Мавру, а свою матерь дѣтемъ моимъ послѣ меня поить и кормить и всѣмъ покоить и держать чесно по ея смерть. А какъ Богъ преселитъ душу ея в вѣчный покой и тако же бы помянуть, что и мою душу, и пожитки ея отдать на поменовеніе душѣ. А окромѣ на мнѣ Иванѣ церковнаго долгу пятнатцети рублевъ денегъ, иныхъ никакихъ долговъ хлѣбного и денежнова ни у кого ниндѣ нѣтъ. А будетъ гдѣ у кого на меня Ивана и на дѣтей моихъ и на кресьянъ моихъ какія крѣпости и заемныя кабалы и памяти или росписи в какой взяче и долгу и в хлѣбномъ и денежномъ вылягутъ, и то все плачено сполна. А исправлять душу свою противъ сей духовной приказываю дѣтемъ своимъ Ильѣ и Василью и Петру, а имъ дѣтемъ моимъ промежъ себя жить въ братствѣ и в любви и буди на нихъ милость Божія и наше отчее благословленіе в семъ свѣтѣ и будущемъ вѣце. А у сея изусныя моея духовныя памяти седѣли священники: отецъ мой духовной вдовой попъ Евремъ Никитинъ да Пречистенской попъ Василей Ивановъ да бывшей мой отецъ духовной что нынѣ Феларетъ старецъ да Пречистыя Богородицы Монъской церковной староста Никита Павловъ да дѣти мои Василей да Петръ Чайковскіе. А изусную духовную память писалъ Шилегоцкіе волости Георьевской церковной дьячекъ Коземка Иосиѳовъ по ево Иванову велѣнію Чайковского лѣта 7196 году мѣсяца генваря въ 3 день.

На оборотѣ подлинной духовной написаны рукоприкладства: „Къ сей изусной духовной памяти вдовой попъ Ефрѣмъ по велѣнью сына своего духовнаго Ивана Аѳонасьева сына Чайковскаго руку приложилъ. Къ сей духовной памяти Пречистенской попъ Василей у сея духовныя седѣлъ и по велѣнью церковного старосты Никиты Павлова по его велѣнью руку приложилъ". Далѣе идутъ подписи сыновей Василья и Петра Чайковскихъ и старца Филарета.

Примѣчаніе. Иванъ Аѳанасьевичъ Чайковскій умеръ 5 января 1688 года. Объ утвержденіи духовной билъ челомъ архіепископу Вологодскому и Бѣлоозерскому Гавріилу 22 декабря того же года сынъ умершаго Василій и по указу архіепископа къ поповскому закащику Николаевскому попу Семену, что на Святой горѣ, въ Авнежской волости Вологодскаго уѣзда были вызваны сидѣльцы и писецъ духовной, и въ январѣ слѣдующаго года духовная была признана неспорною.

Сообщ. **Ив. Суворовъ.**

Изъ записной книжки „Русской Старины“.

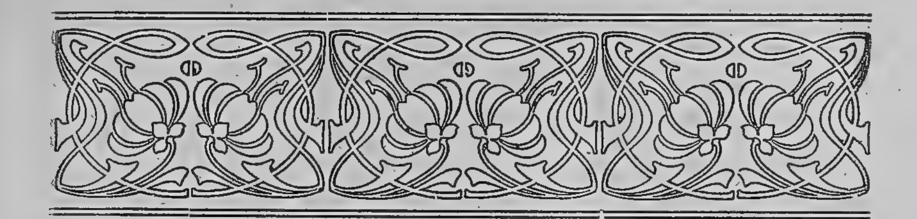
Начальницы институтовъ.

Покойная нынѣ Серафима Матвѣевна Наставина, смолянка, разсказывая однажды объ извѣстной начальницѣ Смольнаго института Леонтьевой, упомянула о томъ авторитетѣ, которымъ Леонтьева пользовалась, и подкрѣпила это утвержденіемъ, что тогда всѣхъ вновь назначаемыхъ начальницъ институтовъ возили въ Смольный поучиться у Леонтьевой, какъ надо поставить дѣло.

Одна изъ собесѣдницъ, Николаевская институтка, нынѣ тоже покойная Александра Ѳедоровна Фуксъ, на это возразила:

„Не знаю. Можетъ быть. Но только не нашу Дараганъ. Ее кучеръ Никита привезъ прямо въ Николаевскій институтъ, высадилъ и сказалъ встрѣчавшей челяди: „ну, теперь у меня смотрите—привезъ я вамъ чорта!“

Императорская Фамилія въ Крыму.

Всѣмъ извѣстно, что Оріанда, прекрасное прибрежное имѣніе въ 7 верстахъ отъ Ялты, пріобрѣтено было покойнымъ Императоромъ Александромъ I, который можетъ быть мечталъ проводить въ немъ осенніе мѣсяцы; но этого не случилось. Доставшись Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ, по приказанію которой воздвигнутъ былъ здѣсь прекрасный трехъэтажный дворецъ, имѣніе это въ концѣ концовъ досталось Вел. Кн. Константину Николаевичу, котораго Государыня очень любила и вся Россія считала за геніальнаго и образованнѣйшаго человѣка. Естественно, что Императору Александру II и остальнымъ братьямъ также желательно было имѣть въ этомъ прелестномъ уголку свои дачи, но такъ какъ лучшія изъ нихъ принадлежали уже аристократамъ, не имѣвшимъ надобности продавать ихъ, то пріобрѣтеніе ихъ откладывалось до удобнаго времени. Такое время представилось послѣ смерти графа Потоцкаго, владѣльца Ливадіи, который большинствомъ проводилъ лѣто здѣсь и любилъ Россію настолько, насколько жена его ненавидѣла эту страну. Графиня Потоцкая не замедлила предложить Государынѣ Императрицѣ (въ 1860 г.) имѣніе это и запросила за него 250 тыс. За эту ли сумму или дешевле состоялся договоръ, но Ливадія съ инвентаремъ пріобрѣтена была въ томъ же году. Имѣніе это состояло изъ большого виноградника, который сохраняется до настоящаго времени, изъ дома, который отчасти перестроенъ

и служилъ помѣщеніемъ покойнаго Государя съ супругою и дѣтьми, оранжереи и двухъ, трехъ домиковъ; все остальное пространство составляло сѣнокосы и лѣсныя гущи. Первымъ управляющимъ назначенъ былъ Калбасинъ, а для перестроекъ и новыхъ сооруженій командированъ былъ профессоръ архитектуры Монигетти. По представленіямъ этихъ распорядителей открылись въ Ливадіи безконечныя работы и въ то же время приступлено было къ перестройкѣ двухъ домовъ въ Ялтѣ [1]. Естественно, что министерство удѣловъ не щадило денегъ и отлично вознаграждало дальновиднаго итальянца, не презиравшаго никакими способами для наживы. Такимъ образомъ въ Ливадіи, поглотившей 2—3 милліона, не явилось ни одной постройки, которая по архитектурѣ и солидности превосходила барскій домъ Потоцкаго. Не дурно вышла только придворная маленькая церковь съ византійскими орнаментами и живописью.

При всей поспѣшности работъ къ предположенному пріѣзду Царской Фамиліи въ будущемъ году, въ Ливадіи сдѣлано было очень немногое, но, несмотря на это, оффиціально сообщено мѣстнымъ властямъ о рѣшенномъ уже въ Петербургѣ переѣздѣ Августѣйшей Семьи на осенній сезонъ въ Ливадію.

7-го августа 1861 г. прибылъ въ Оріанду Вел. Кн. Константинъ. При проѣздѣ его чрезъ Байдарскую долину, обитатели которой враждебно относились къ намъ при занятіи этой мѣстности англо-французами въ Крымскую кампанію, изъ желанія пустить передъ нимъ пыль въ глаза, устроили торжественное молебствіе о здравіи и долгоденствіи Царствующей Фамиліи, послѣ чего кланялись и забавляли Его Высочество различными играми. Изъ всѣхъ представлявшихся къ нему обращалъ на себя вниманіе высокій стройный старикъ лѣтъ 85-ти, казакъ, Вaптъ, съ нѣсколькими медалями на шеѣ и значкомъ за отечественную войну. Этотъ татаринъ, искренно преданный Россіи, съ 1812 года участвовалъ во всѣхъ битвахъ нашихъ съ французами при казацкихъ отрядахъ, а во время осады Сева-

---

[1] Одинъ изъ этихъ домовъ занятъ мужскою прогимназіею, а другой отдается въ наймы.

стополя служилъ волонтеромъ и указателемъ горныхъ тропинокъ нашимъ войскамъ [1]).

Вел. Кн. Константинъ, говорящій не дурно по-турецки, выразилъ свое удовольствіе нѣсколькими татарскими фразами и поѣхалъ дальше. У Байдарскихъ воротъ его пригласилъ исправникъ Зофиропуло къ приготовленному заранѣе завтраку, состоящему изъ форели, пойманной у истока Черной рѣчки при разоренной деревнѣ Скеля. Константинъ Николаевичъ пробылъ въ имѣніи своемъ 5 сутокъ и выѣхалъ обратно на Севастополь.

Выѣздъ Государя съ Августѣйшимъ семействомъ изъ Петербурга для тѣхъ, кто слѣдилъ за газетными сообщеніями, представляетъ замѣчательное явленіе народной преданности. Всѣмъ извѣстно, что въ то время у насъ не было желѣзныхъ дорогъ и державнымъ путешественникамъ приходилось ѣхать на лошадяхъ и останавливаться на каждой почтовой станціи, куда заблаговременно стекались окрестные крестьяне съ хлѣбомъ-солью, чтобы ударить челомъ властителю, снявшему съ нихъ и дѣтей ихъ невыносимыя оковы рабства. Поднося эти дары съ слезами неизъяснимой радости и разстилая чистыя и лучшія полотенца подъ ноги Освободителю своему, эти бѣдняки сами впрягались въ царскій экипажъ, и если бы имъ дозволено было, то отъ Москвы до Крыма Его Величество проѣхалъ бы на плечахъ благодарныхъ подданныхъ. Такого народнаго желанія и такой истинной благодарности милліоновъ людей намъ не представляла исторія ни единаго царя, и естественно, что съ этого времени Императоръ Александръ II долженъ былъ занять величайшее положеніе въ спискѣ благотворителей и филантроповъ земли.

Тѣмъ временемъ въ Ялтѣ установлена окончательно телеграфная станція, оконченъ бульварчикъ вдоль набережной, увеличена городская пристань и начата гранитная плотина вдоль дороги, идущей на Ливадію, которую постоянно портили морскіе прибои; прибыли въ почетный караулъ рота Брестскаго полка съ эскадрономъ казаковъ. Все было готово къ пріему Августѣйшей Фамиліи къ 22 му августа. 24-го числа прибыли въ Ялту два военныхъ паро-

[1]) Послѣ Крымской войны, казакъ Вашъ, какъ бездѣтный, терпѣлъ ужасную бѣдность. Татары не любили его и всегда совѣтовали съ насмѣшкою искать пособія у русскаго правительства. Впослѣдствіи, когда онъ ослѣпъ, жена его вынуждена была, показывая регаліи мужа, выпрашивать у христіанъ подаяніе.

хода „Турокъ“ и „Пицунда“ съ царскими вещами, прислугою, фельдъегерями и казаками собственнаго конвоя Его Величества.

Получено извѣстіе что Государь прибылъ въ Севастополь, откуда, по осмотрѣ Херсонеса, не раньше какъ къ 2-мъ часамъ завтра пожалуетъ въ Ливадію. Естественно, что вѣсть эта подняла на ноги всю полицію и всѣхъ домовладѣльцевъ г. Ялты, начали бѣлить дома, подметать улицы, отдавать приказы лавочникамъ, содержателямъ питейныхъ заведеній и т. п.

Вслѣдъ за тѣмъ узнали, что Его Величество, пожелавъ ознаменовать первый пріѣздъ свой въ Крымъ основаніемъ важнаго для имперіи памятника въ Херсонесѣ, задуманнаго еще Императоромъ Александромъ I, 23 августа своеручно положилъ первый камень въ фундаментъ громадной церкви вокругъ развалинъ древняго храма во имя Рожд. Пресв. Богородицы, гдѣ крестился Вел. Кн. Владиміръ, озарившій евангелическою истиною Русскую землю, При чемъ отдалъ приказаніе перенести сюда изъ малой церкви Зимняго Дворца часть мощей Св. Владиміра и отпустить 111 пуд. мѣди для отлитія перваго колокола.

На слѣдующій день въ сказанное время, несмотря на вѣтреную и дождливую погоду, Государь съ Августѣйшею Супругою Маріею Александровною и младшими дѣтьми: Маріей Александровною, Павломъ и Сергіемъ Александровичами прибыли въ Ливадію съ небольшою свитою и къ удивленію всѣхъ отлично размѣстились въ небольшомъ домѣ Потоцкаго. Гдѣ и какъ поселились приближенные трудно было опредѣлить. Распорядителемъ по хозяйственной части былъ какой-то Миллеръ. Лейбъ-медиками Карель и Гартманъ. Въ число послѣднихъ былъ приглашенъ и медикъ, состоявшій при графѣ Потоцкомъ, вѣроятно, въ качествѣ врача, знавшаго мѣстныя климатическія вліянія, и именно описанный мною докторъ Петерсъ.

Въ тотъ же день узнали, что завтра, 26 августа, Его Величество по случаю празднованія коронаціи и неимѣнія въ Ливадіи церкви посѣтитъ Ялту, гдѣ будетъ слушать божественную литургію. Надо знать, что въ то время Ялтинскій храмъ былъ на половину меньше и настоятелемъ его былъ протоіерей Василій Сердюковъ. Ни дьякона, ни пѣвчихъ не было.

Къ счастью пѣвчіе находились на пароходѣ „Тигръ", считавшемся императорскою яхтою [1]), и разумѣется, немедленно были приглашены. О. Василію также внушено было, что придворная обѣдня должна продолжаться не долже ³/₄ часа.

26-го съ ранняго утра ялтинскій исправникъ съ единственнымъ помощникомъ своимъ квартальнымъ надзирателемъ и двумя десятниками, составлявшими въ то блаженное время охрану города и уѣзда, ужасно суетились о чистотѣ вокругъ церкви и по дорогѣ, ведущей къ ней.

Въ 8 часовъ раздался первый церковный колоколъ, заставившій вздрогнуть сердца мирныхъ жителей, не привыкшихъ къ чрезвычайнымъ новостямъ и ожиданіямъ.

Въ крошечной Ялтѣ началось движеніе, и большинство ея жителей вышли на вновь устроенный прибрежный бульваръ, идущій вдоль улицы, по которой надлежало проѣзжать Государю. Изъ военныхъ, сколько-нибудь способныхъ къ обращенію въ порядочномъ обществѣ, въ Ялтѣ былъ только одинъ инженеръ-капитанъ Шишко, завѣдывающій южно-бережскимъ трактомъ, полякъ, хитрый и лукавый.

Городского головы тогда не полагалась, а былъ мѣщанскій староста, вполнѣ зависимый отъ городничаго, глупаго капитанъ-лейтенанта Кондогури, одного изъ защитниковъ Севастополя, украшеннаго офицерскимъ военнымъ орденомъ. Ни городничій, ни староста не подумали подносить монарху хлѣбъ-соль. Что касается татаръ, то они, предполагая, что Императоръ недоволенъ поведеніемъ ихъ въ военное время и затѣмъ эмиграціею въ враждебную Турцію, всѣ почти закрыли лавки и пошли по домамъ, за исключеніемъ только одного кузнеца изъ деревни Никиты Мустафы, который, подобравъ нѣсколькихъ товарищей, поѣхалъ съ ними въ Ливадію, чтобы не только привѣтствовать монарха, когда онъ выйдетъ, но и сопровождать его до Ялтинской церкви. Объ этомъ татаринѣ, который впослѣдствіи стоялъ близко къ Императору Александру II, посѣтившему его раза два и который вслѣдствіе такого расположенія самодержца прозванъ былъ народомъ княземъ Мустафою. Татаринъ этотъ, къ несчастію семьи своей и къ всеобщему сожалѣнію единовѣрцевъ своихъ, немного лѣтъ жилъ послѣ пріобрѣтеннаго почета. Онъ былъ простымъ

[1]) Пароходъ этотъ былъ тотъ, который сѣлъ на мель около Одессы въ Крымскую кампанію и былъ захваченъ нами.

кузнецомъ въ деревнѣ Никитѣ. Надо знать, что у татаръ всякое ремесло считается почетнымъ, въ особенности, если ремесленникъ исполняетъ его добросовѣстно, а такъ какъ Мустафа всегда дѣлалъ хорошія подковы и крѣпкіе гвозди и не требовалъ отъ бѣдныхъ немедленной уплаты денегъ за своеручные труды, то къ нему всѣ относились какъ точному исполнителю заповѣдей Магомета. Правда, нѣкоторымъ изъ строгихъ мусульманъ не нравилось въ немъ необыкновенное стремленіе къ дружбѣ съ христіанами въ предположеніи, что онъ желаетъ господствовать въ деревнѣ и служить гяурамъ шпіономъ. Лишь только выражено было это Мустафѣ, онъ распродалъ свои участки земли въ Никитѣ, бросилъ кузнечное ремесло и переселился въ Дерекой, гдѣ первый построилъ себѣ домъ въ нѣсколько европейскомъ вкусѣ. Чѣмъ онъ промышлялъ для существованія—трудно сказать. По словамъ однихъ, онъ участвовалъ въ откупѣ садовъ, по другимъ свѣдѣніямъ перепродавалъ лошадей, довольствуясь ничтожными выгодами, такъ какъ для татарскаго семейства, состоящаго изъ 5—6 душъ, въ то время предостаточно было 100 руб. Мустафа былъ небольшого роста, черноглазый, чернобровый и черноусый пріятный мужчина съ матовымъ оттѣнкомъ на лицѣ. Въ его походкѣ, тѣлодвиженіи, въ глазахъ и тихой рѣчи такъ было много чего-то вызывающаго полное довѣріе, такъ много искренней почтительности, кротости и уваженія къ ближнему и въ особенности къ старшему, безъ примѣси униженія и другихъ недостатковъ, свойственныхъ людямъ съ задними идеями, что всѣ, кто однажды заговаривалъ съ нимъ, принималъ его за образецъ честнаго и нужнаго человѣка. Вотъ почему его полюбилъ съ перваго взгляда Государь Императоръ и всѣ придворные, которые обыкновенно страшатся людей болтливыхъ и имѣвшихъ на умѣ личныя выгоды. При этомъ Мустафа очень хорошо понялъ, что наши вельможи любятъ блескъ, вслѣдствіе чего онъ приказалъ сдѣлать себѣ куртку съ золотыми галунами, пріобрѣлъ шапку изъ лучшей мерлушки и ѣздилъ на великолѣпномъ иноходцѣ, котораго многія лошади не могли догнать на полномъ скаку. Кто обладаетъ такой лошадью, и теперь пользуется между татарами почетомъ, а тогда это возбуждало зависть даже и у состоятельныхъ помѣщиковъ, потому что хорошіе иноходцы послѣ эмиграціи татаръ составляли рѣдкость и требовали большой заботливости со стороны владѣльца.

Ровно въ 9 часовъ показалось облако пыли со стороны Ливадіи и раздался трезвонъ колоколовъ. Вслѣдъ затѣмъ подъѣхалъ къ церковной оградѣ татаринъ и спѣшившись сталъ у воротъ. Музыка заиграла царскій маршъ; солдаты вытянулись въ струнку, и всѣ глаза обратились къ воротамъ церковной ограды. Минуту спустя подкатилъ Государь въ легкой открытой коляскѣ съ флигель-адъютантомъ, красивымъ на видъ полковникомъ Рылѣевымъ, который заботливо снялъ съ Государя шинель. Въ это время музыка заиграла народный гимнъ: Боже, Царя храни, мотивъ котораго такъ хорошо пришелся по чувствамъ русскаго человѣка и дѣйствительно вызываетъ въ каждомъ изъ насъ какое-то восторженное умиленіе. Государь подошелъ къ командиру роты, скомандовавшему „на плечо" и „караулъ" и принявъ отъ него почетный рапортъ, началъ что-то говорить.

Музыка смолкла по мановенію державной руки, и воцарилось такое молчаніе, какъ-бы вся природа хотѣла слышать голосъ вѣнценосца. Священникъ появился съ крестомъ у дверей храма. Тѣмъ временемъ подъѣхала вторая коляска съ Государынею Императрицею и маленькими: Маріею Александровною, Павломъ и Сергіемъ Александровичами, въ средѣ которыхъ находилась княжна Долгорукова, въ качествѣ наставницы великой княжны.

Сойдя изъ экипажа, при помощи Августѣйшаго супруга, Государыня приложилась вмѣстѣ съ нимъ и дѣтьми къ кресту и съ видимымъ благоговѣніемъ вступила въ храмъ, кланяясь направо и налѣво, и заняла то мѣстечко по лѣвую сторону, на которомъ красовался новенькій бархатный коверъ и соломенное стуло. Ялтинская церковь тогда не имѣла излишнихъ средствъ на пріобрѣтеніе мягкаго кресла, а у жителей не принята была такая роскошь. Лишь только царствующая чета заняла свое мѣсто, отецъ Василій чистымъ и яснымъ выговоромъ началъ богослуженіе. При первомъ его возгласѣ Императрица опустилась на колѣна и начала горячо молиться; дѣти послѣдовали ея примѣру.

Государь во все время обѣдни ни разу не оглядывался и при всѣхъ важнѣйшихъ возгласахъ становился съ супругою и дѣтьми на колѣна. Литургія длилась ровно 46 минутъ, т. е. столько времени, сколько опредѣлено было. Въ концѣ ея от. Василій вынесъ Августѣйшимъ прихожанамъ просфоры и по установленію поцѣловалъ имъ руки, получивъ въ отвѣтъ то же самое.

Повернувшись къ выходу, Его Величество подошелъ къ брату графа Потоцкаго, стоявшаго въ камергерскомъ мундирѣ, и съ улыбкою пожалъ ему руку. Потоцкій явился въ Ялту раньше Высочайшаго пріѣзда и не разъ останавливалъ вниманіе многими эксцентричными женообразными выходками: во-первыхъ, онъ былъ старъ и дрожалъ, какъ запоздалый осенній листъ на деревѣ, всегда одѣвался самымъ изысканнымъ образомъ по послѣдней парижской картинкѣ и тщательно прикрывалъ свою плѣшь немногими остатками волосъ съ висковъ и наконецъ до того обливался ароматами, что приближеніе его слышалось за 10 шаговъ. Къ этому прибавьте страсть заглядывать въ глаза каждой молодой женщины и окружать себя собачками рыжей, чунтуковой породы, которыхъ онъ безпрестанно подзывалъ и ласкалъ—и портретъ этого эпикурейца будетъ вполнѣ нарисованъ.

Царское вниманіе оживило Потоцкаго настолько, что глаза его завертѣлись, какъ у юноши, и онъ, кажется, долго не могъ успокоиться отъ такой чести.

Естественно, что при выходѣ Государя всѣ разступились съ почтительными поклонами и полагали, что дѣло обойдется безъ всякихъ событій, но въ это самое время изъ среды женщинъ рванулась какая-то высокая молодая женщина и, нагнавъ монарха, громко сказала:

— Ваше Величество, соблаговолите выслушать несчастную вдову полковника . . . . фамиліи я не разслышалъ.

Идущій за Государемъ министръ двора, графъ Адлербергъ схватилъ дерзкую барыню за мантилью и хотѣлъ остановить, но она рванулись впередъ и вновь заголосила. Императоръ съ неудовольствіемъ оглянулся назадъ и ускорилъ свой шагъ. Это не скрылось отъ остальныхъ придворныхъ, которые вынуждены были пресѣчь дальнѣйшее движеніе полковницы и сказать ей, что просьбы и неудовольствія неумѣстно заявлять Императору у дверей храма и что она можетъ во всякое время явиться въ Ливадію въ походную канцелярію, гдѣ ее выслушаютъ и сообщатъ Его Величеству по установленному порядку.

По отъѣздѣ Императорской Фамиліи войско, въ сопровожденіи игравшей музыки, стройнымъ маршемъ возвратилось въ Ливадію въ лагерныя палатки, такъ какъ для него не имѣлось отдѣльнаго помѣщенія.

Въ палатку собрались всѣ почти офицера, у которыхъ былъ ликующій видъ и кажется большія надежды на награды. Солдаты также бѣгали и рѣзвились, точно дѣти, которые въ концѣ концовъ нашли отца. Нѣтъ сомнѣнія, что ихъ веселили и другія побочныя обстоятельства, какъ-то бивуакъ на возвышенности, откуда представлялся великолѣпный видъ на горы, море, Ялту, дворецъ и виноградники, унизанные созрѣвшими уже кистями винограда. Предъ вечеромъ солдатикамъ этимъ приказано было идти купаться. Стали молодцы въ ряды, затянулъ запѣвало, и раздалась въ лѣсахъ Ливадіи чуть-ли не впервые русская военная пѣснь.

Вечеромъ всѣ городскія улицы по распоряженію полиціи были освѣщены плошками, кое-гдѣ на берегу зажжены были костры, а на военныхъ судахъ „Тигрѣ", „Туркѣ" и „Пицундѣ" устроены были иллюминаціи, фальшфеера, ракеты и т. п. Вслѣдъ затѣмъ послышались солдатскія пѣсни и музыка, не прекращавшіяся до полуночи.

Такъ какъ такіе вечера не выпадали раньше на долю изолированной Ялты, жители которой никогда дальше Симферополя не выѣзжали и слѣдовательно не имѣли понятія ни о 101 пушечномъ выстрѣлѣ, ни о значеніи царской семьи, ни о иллюминаціяхъ съ фейерверками, то естественно, что массы татаръ и грековъ изъ 4-хъ сосѣднихъ деревень наводнили набережную и удивленіямъ ихъ не было конца. Нѣкоторымъ изъ видѣвшихъ предъ глазами цѣлыя суда какъ-бы нарисованныя на темномъ фонѣ неба пылающими огненными точками вдоль всѣхъ мачтъ и канатовъ, казалось это сновидѣніемъ, а звуки музыки пѣньемъ ангеловъ. Въ болѣе изысканной и болѣе торжественной формѣ праздника этого тогда не мыслимо было устроить, во-первыхъ, потому, что въ Ливадіи была большая тѣснота и ничего не было подготовлено къ праздникамъ; во-вторыхъ, здоровье Императрицы не дозволяло допускать особенныхъ зрѣлищъ, и наконецъ у насъ въ это время не было никакихъ почти военныхъ судовъ, незанятыхъ экстренными служебными обязанностями. Если-бъ къ намъ въ это время заѣхали бы какіе-нибудь иностранные посланники, не знавшіе образа жизни русскихъ царей въ Петербургѣ и Москвѣ, они составили бы себѣ незавидное понятіе о вкусѣ и потребностяхъ ихъ внѣ столицы; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этой дѣйствительности никогда ни одному царствующему

дому въ Европѣ не приходилось съ такимъ удовольствіемъ и спокойствіемъ проводить свое пребываніе въ провинціи, въ бѣдной сравнительно обстановкѣ, какъ въ этотъ годъ Императору Александру II, послѣ душной и мучительной жизни въ Петербургѣ, гдѣ его тревожили постоянныя дѣла и доклады, оффиціальныя представленія, парады, осмотры и т. п. Каждый монархъ такой обширной имперіи, какъ Россія, жаждетъ хоть на короткое время перейти въ положеніе независимаго, даже бѣднаго человѣка, чтобы придать болѣе значенія своему назначенію и набраться свѣжими силами для продолженія своего заманчиваго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма тяжелаго и отвѣтственнаго предъ исторіею суда.

На слѣдующій день изъ Ливадіи проѣхали верхомъ княжна Долгорукова съ какимъ-то молодымъ офицеромъ на татарскихъ лошадяхъ, которыя доставлены были въ Ливадію туземцами за установленную мѣсячную плату. Вслѣдъ за ними подъѣхалъ прославленный инженеръ-генералъ Э. И. Тотлебенъ, прибывшій одновременно съ Царскою Фамиліею, но за неимѣніемъ помѣщенія въ Ливадіи, остановившійся въ Оріандѣ. Тотлебенъ въ это время страдалъ послѣдствіемъ раны, полученной имъ въ Севастополѣ, и узнавъ, что здѣсь живетъ докторъ Поспишиль, прибывшій изъ Пруссіи по вызову нашего правительства въ Крымскую кампанію, пожелалъ взять его въ свои медики.

По приходѣ Поспишиля нѣмцы заговорили на своемъ нарѣчіи. Оказалось, что Тотлебенъ зналъ доктора въ Севастополѣ и желалъ ему предоставить маленькое покровительство. Вотъ какъ заботятся нѣмцы въ Россіи о единоплеменникахъ своихъ! И дѣйствительно, впослѣдствіи малоизвѣстный Егоръ Ивановичъ не разъ встрѣчался у Тотлебена съ Государемъ Императоромъ, не разъ говорилъ съ Его Величествомъ и въ заключеніе, кромѣ хорошаго денежнаго вознагражденія, получилъ Анну 3-й степени.

27-го августа въ день Севастопольской годовщины у Государя Императора былъ обѣдній столъ, къ которому приглашены были всѣ состоящіе на лицо сановники и офицера. Солдатамъ, стоящимъ въ Ливадіи и матросамъ также приказано было устроить такое же угощеніе. За обѣдомъ Его Величество былъ въ отличномъ расположеніи духа и до-

вольно много говорилъ съ Императрицею и присутствующими за столомъ. Бѣдные и малоразвитые пѣхотинскіе офицера, получивъ приказаніе наканунѣ явиться къ Царскому столу въ вицъ-мундирахъ, пришли въ изумленіе отъ такой неожиданной чести и, собравшись къ ротному командиру въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ дѣлами репетиціи какъ войти во дворецъ, какъ поклониться, какъ сѣсть за столъ, какъ держать ложку, ножъ и вилку, какъ отвѣчать на случай обращенія Государя и т. п. За обѣдомъ этимъ нѣкоторые изъ важнѣйшихъ оставшихся въ живыхъ защитниковъ несчастнаго Севастополя пожалованы были орденами, а участвовавшему на немъ представителю инженернаго вѣдомства Тотлебену дарованъ Владиміръ 2-ой степени со звѣздою. Ялтинскому городничему капитанъ-лейтенанту Кондогури данъ былъ орденъ Св. Станислава 2-ой степени. Награда эта передана была послѣднему чрезъ посредство бывшаго въ то время въ Новороссійскомъ краѣ генералъ-губернатора графа Строганова, человѣка довольно грубаго, разочарованнаго и не придающаго никакого значенія самолюбія ближняго. Такія качества въ этомъ хорошо образованномъ артиллерійскомъ генералѣ говорятъ зародились съ того времени, когда онъ потерялъ одновременно любимую жену и нѣсколькихъ дѣтей. Чтобъ очертить его считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о его выходкахъ въ Ялтѣ въ теченіе этого сезона. Такъ напримѣръ, онъ изъявилъ желаніе занять карантинный домъ, потому что въ Ялтѣ не было болѣе приличнаго помѣщенія для генералъ-губернатора и пожелалъ осмотрѣть комнаты. Строгоновъ, осмотрѣвъ ихъ, молча вышелъ не сказавъ ни одного слова и помѣстился въ плохомъ зданіи, принадлежащемъ Ливадіи. Въ тотъ-же день къ нему явились по обязанности службы городничій Кондогури и исправникъ Зофиропуло. Съ первымъ онъ не сказалъ ни слова, а къ послѣднему, не смотря на то, что онъ былъ въ полицейскомъ мундирѣ, обратился со слѣдующими отрывочными вопросами:

— Вы музыкантъ?

Илья Ивановичъ, привыкшій пользоваться особеннымъ вниманіемъ князя Воронцова и важнѣйшихъ сановниковъ Россіи, посѣщавшихъ Алупку, ужасно сконфузился и не зналъ что отвѣчать.

— Я васъ спрашиваю—повторилъ графъ обыкновеннымъ тономъ—вы не музыкантъ?

— Никакъ нѣтъ ваше сіятельство—проговорилъ изумленный исправникъ.

— Странно, что вы не музыкантъ — продолжалъ онъ, какъ-бы припоминая что-то. Затѣмъ, пройдясь по комнатѣ, онъ снова остановился предъ толстымъ исправникомъ съ выразительными свѣтло - сѣрыми глазами и большими генеральскими полусѣдыми усами и сказалъ:

— Вы не играете на ваготѣ?

— Никакъ нѣтъ в. с—ство.

— А на скрипкѣ? а на вильеншели? а на гитарѣ?

Послѣ этого онъ безцеремонно повернулся и ушелъ въ свой кабинетъ.

Во время этихъ допросовъ у Зофиропуло потъ лился ручьями и навѣрно, еслибъ эти насмѣшки продолжались еще нѣсколько минутъ, онъ упалъ-бы разбитымъ параличемъ. Къ счастію подоспѣли къ нему молодой адъютантъ графа князь Черкасскій и старшій чиновникъ особенныхъ порученій Танскій, которые вывели его на дворъ и увѣрили, что Строгановъ вѣроятно нашелъ въ немъ наружное сходство съ какимъ нибудь когда-либо извѣстнымъ ему музыкантомъ и утѣшили исправника, что графъ все это говорилъ безъ всякой цѣли и вѣроятно сейчасъ-же забылъ. Зофиропуло успокоился, но Строгановъ съ этого времени непріязненно относился къ Ильѣ Ивановичу и не забылъ этой непріязни даже чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда губернаторъ Жуковскій представилъ его къ первому ордену Станислава 3-й степени. Генералъ-губернаторъ, имѣвшій привычку лично распечатывать конверты и прочитывать всѣ адресованныя на имя его бумаги, при прочтеніи рапорта о Зофиропулѣ оставилъ его безъ резолюціи, что означало „оставить безъ вниманія“. Дзабановскій секретарь Строгонова съумѣлъ дать ходъ этому представленію, увѣнчавшемуся успѣхомъ. Такимъ образомъ Зофиропуло, нынѣ имѣвшій массу орденовъ и Владиміра на шеѣ въ чинѣ подпоручика получилъ первый съ моей легкой руки. Но не съ однимъ только исправникомъ Строгановъ такъ странно обошелся: мнѣ разсказывали, что одна барыня, также пострадавшая и обиженная начальствомъ послѣ Крымской войны, знавшая могущество Строганова и то, что сынъ его женатъ на в. княжнѣ Маріи Николаевнѣ, обратилась къ нему съ жалобою по этому поводу и такъ краснорѣчиво описала свое бѣдственное состояніе, что графъ, увлеченный ея дикціею и

даромъ слова, вынулъ изъ бумажника 25 рублевый кредитный билетъ и отдалъ его просительницѣ.

Но всего замѣчательнѣе было то, что Строганова боялись всѣ почти придворные и въ присутствіи его соблюдали чрезвычайное почтеніе къ старшимъ. Говорили, что однажды шелъ въ присутствіи Государыни и Царскихъдѣтей веселый разговоръ съ играми, какъ вдругъ камеръ-фрау явилась съ докладомъ о пріѣздѣ Строганова.

— Довольно, довольно, господа—сказала Императрица—Строгановъ терпѣть не можетъ шалостей, уйдите какъ можно подальше.

Въ день празднованія Севастопольской годовщины въ числѣ другихъ пожалованъ въ флигель-адъютанты и Шмидтъ, командиръ Императорской яхты „Тигръ", впослѣдствіи долго состоявшій подъ судомъ (въ Кронштадтѣ). Удивительно какъ такой недальновидный человѣкъ достигъ подобнаго лестнаго званія только за то, что числился въ числѣ защитниковъ Севастополя.

Тѣмъ временемъ въ Ялту и на многія окрестныя дачи начали появляться пріѣзжіе, одни съ цѣлью исходатайствовать повышенія, другіе получить мѣста и покупаться, но всего больше явилось за пособіемъ, разсчитывая на личныя встрѣчи съ Августѣйшею Фамиліею и великія и богатыя милости. Въ числѣ послѣднихъ преобладали севастопольскія жены матросовъ, имѣвшія по нѣсколько медалей и называвшія себя кавалерами. Несмотря на то, что прошло около 6-ти лѣтъ со времени разрушенія злополучнаго Севастополя, въ которомъ онѣ предавались пьянству, распутству и другимъ гнуснѣйшимъ порокамъ, эти отважныя женщины не разстались съ своими кое-какъ возобновленными гнѣздами и продолжали хранить свои наклонности и привычки, стараясь заразить своимъ наслѣдіемъ новыхъ поселенцевъ. Въ ожиданіи милостей со стороны правительства за то, что онѣ ради личныхъ выгодъ не разставались съ Севастополемъ чуть-ли не до послѣднихъ дней, обирая солдатъ и офицеровъ и присваивая имущество убитыхъ на бастіонахъ, онѣ и послѣ мира нашли въ Севастополѣ довольно выгодные источники къ существованію, собирая тысячами чугунные и свинцовые снаряды, которые сбывали выгодно правительству и массѣ посѣтителей, нарочно

пріѣзжавшихъ изъ цѣлой Европы посмотрѣть на городъ, который такъ долго и такъ геройски сопротивлялся насильственному натиску и непрестанному огню сильнѣйшихъ государствъ Европы, имѣвшихъ удобныя сообщенія съ его окрестностями. Естественно, что ни одна изъ этихъ женщинъ не выѣхала изъ Ялты до того времени, пока не получили minimum 25 руб. отъ Миллера, завѣдывающаго казначейскою частію при походной канцеляріи. Ни одна голодающая съ кучею дѣтей вдова солдатка или жена убитаго офицера изъ Балаклавы и другихъ военныхъ греческихъ поселеній не позволила себѣ безпокоить Государя какою-либо просьбою, считая это безчестнымъ, неприличнымъ и дерзкимъ.

29-го августа прибылъ въ Ялту для представленія Его Величеству генералъ-лейтенантъ Ж., этотъ бичъ порядочныхъ людей и тайный другъ инженеровъ и подрядчиковъ, дѣлившихся съ нимъ заработками на счетъ казны. Ж., привыкшій къ раболѣпству предъ старшими, молчаливо перенесъ всѣ замѣчанія генералъ-губернатора Строганова и съ стѣсненнымъ сердцемъ долженъ былъ приготовиться самому ѣхать въ Ливадію и лично представиться. Для людей честныхъ и нечувствовавшихъ на совѣсти черныхъ пятенъ представляться монарху составляетъ радость и гордость каждаго офицера, но Ж. не особенно пріятно показалось, когда Строгановъ отказался ѣхать съ нимъ. Представленіе это было обязательное, такъ какъ на другой день, т. е. 30-го августа Россія праздновала тезоименитство Государя Императора и очень многіе представители власти обязаны были пріѣхать въ Ливадію.

Въ этотъ торжественный день маленькая Ялта кое-какъ украсилась флагами, и народъ, одѣвшись въ праздничные наряды, началъ поджидать Его Величество, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что Августѣйшая семья пріѣдетъ слушать обѣдню въ Ялтинскую церковь.

На этотъ разъ войска и музыка прибыли изъ лагеря немногимъ раньше, вслѣдствіе чего и благовѣстъ начался въ 8 часовъ. Ровно въ 9-ть прибылъ Государь съ семействомъ, по-прежнему сопровождаемый личнымъ конвоемъ казаковъ съ Мустафою впереди. Его Величество былъ въ Кирасирскомъ мундирѣ при любимыхъ орденахъ: голубомъ на шеѣ и георгіевскомъ въ петлицѣ. Какъ и прежде, послѣ марша и гимна Онъ поздоровался съ солдатами, принялъ почетный рапортъ и послѣдовалъ въ храмъ, гдѣ народъ,

придворные и многіе начальники отдѣльныхъ частей, пріѣхавшіе изъ ближайшихъ губерній съ поздравленіями, стояли во фронтѣ, оставя въ центрѣ проходъ, затянутый краснымъ сукномъ. От. Василій живо отслужилъ обѣдню и молебенъ. Лишь только раздался трезвонъ, послышались пушечные выстрѣлы съ пароходовъ, стоявшихъ на рейдѣ и расцвѣтившихся разноцвѣтными флагами. При этихъ выстрѣлахъ Государь, принявъ подъ руку Императрицу и откланиваясь на обѣ стороны, на этотъ разъ вышелъ никѣмъ не встревоженный и сейчасъ же отъѣхалъ. Солдаты двинулись за нимъ подъ звуки музыки, которая при безпрестанныхъ выстрѣлахъ напоминала какую-то торжественную побѣду. У всѣхъ на лицѣ сіяло счастливое настроеніе и на каждомъ шагу слышалось, что сегодня въ Ливадіи имѣетъ быть роскошный фейерверкъ и свободное гуляніе около дворца.

Ровно въ полдень Государь Императоръ вышелъ изъ дворца для пріема поздравленій отъ различныхъ генераловъ и депутацій, въ числѣ которыхъ находился и нашъ сѣдой, какъ лунь, кирпаносый Ж. Подошедъ къ каждому изъ этихъ заискивающихъ благоволенія, Государь выражалъ благодарность. Всѣмъ повидимому отлично удалось выполнить свою роль, за исключеніемъ Ж., которому захотѣлось поклониться ниже другихъ, но какъ на бѣду у него слетѣла каска, которую добрый Государь, вѣроятно изъ уваженія къ сѣдинамъ, собственноручно поднялъ и подалъ ему. Покончивъ съ пріемомъ, Государь что-то сказалъ Мустафѣ, который находился около подъѣзда точно въ качествѣ тѣлохранителя, и вошелъ во дворецъ. Во все это время Царскія дѣти находились на балконѣ бель-этажа подъ наблюденіемъ княжны Долгоруковой и Тютчевой и съ особеннымъ вниманіемъ слѣдили за тѣмъ, что дѣлалось у ногъ ихъ.

Въ этотъ день матросы на судахъ и солдаты въ лагеряхъ вторично получили обѣдъ съ чаркою водки.

Вечеромъ Ялта и военныя суда снова иллюминовались; но на этотъ разъ въ городѣ никого почти не оставалось; всѣ, начиная съ 5-ти лѣтнихъ дѣтей, направились въ Ливадію посмотрѣть на небывалый никогда на южномъ берегу фейерверкъ.

Царская семья находилась на балконѣ, откуда Императоръ собственноручно пустилъ по проволокѣ искусственнаго голубя,

подавшаго сигналъ къ началу фейерверка. При первой взвившейся съ шумомъ ракетѣ народъ съ дикимъ крикомъ и визгами дѣтей такъ рванулся къ стѣнамъ и подъѣзду дворца, что часовые и жандармскій офицеръ заревѣли не своимъ голосомъ и старались отодвинуть его дальше. Съ балкона послышался хохотъ. Дальнѣйшія огненныя картины начали вызывать со стороны простонародія изумленіе и громкія похвалы.

Всѣ почти придворные, окружавшіе этого милостиваго Царя,—люди испорченные, не испытавшіе нужды и не чувствовавшіе ничего ко всѣмъ тѣмъ, которые стояли ниже ихъ по средствамъ и происхожденію. Графъ Адлербергъ корчилъ изъ себя китайскаго мандарина перваго ранга; онъ терпѣть не могъ говорить даже съ равными себѣ по чину, но не пользовавшимися особеннымъ благоволеніемъ Императора, съ которымъ онъ росъ, учился, игралъ и служилъ вмѣстѣ; этотъ неуклюжій и лѣнивый нѣмецъ считалъ себя незамѣнимымъ другомъ и министромъ двора, безпредѣльно пользовался милостями повелителя своего и кромѣ этого дѣлалъ все по личному произволу въ особенности, когда имѣлъ надобность въ деньгахъ, что случалось постоянно благодаря его нежеланія цѣнить большими вознагражденіями за сидячую службу. Изъ остальныхъ состоящихъ при Государѣ выдается честностію и усердіемъ графъ Шуваловъ, Остроградскій, Кузнецовъ, Енохинъ, Сколковъ и Тотлебенъ.

Въ теченіе этого времени прибылъ въ Ялту, чтобы представиться Его Величеству, Де-Вильневъ, завѣдующій Ѳеодосійскимъ музеемъ древностей, который остановилъ вниманіе Государя своимъ наружнымъ видомъ. Его Величеству хотѣлось узнать, какимъ образомъ онъ попалъ въ Россію и поступилъ на службу, но Де-Вильневу что-то помѣшало отвѣчать, а такъ какъ онъ пользовался расположеніемъ нѣсколькихъ германскихъ принцевъ и состоялъ съ ними въ перепискѣ, то собравъ всѣ эти письма прибылъ съ ними, чтобы просить не оставить его за штатомъ при предстоящей реформѣ въ карантинномъ вѣдомствѣ. Императоръ, выслушавъ его, благосклонно приказалъ сдѣлать надлежащее распоряженіе, чтобы этого ученаго писателя не оставить безъ должности.

Послѣ него представлялся только что переведенный въ Одессу изъ Петербурга греческій архимандритъ, которому давно хотѣлось создать въ Россіи отдѣльную греческую

епархію и самому стать во главѣ ея. Его Величество, выслушавъ его, отвѣтилъ, что желаніе его ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть принято, потому что у грековъ и русскихъ одна и та же вѣра и что это повело бы къ распрѣ и могло бы заставить простонародіе предполагать о различіи религій.

Послѣ 30-го августа Государь Императоръ ежедневно совершалъ прогулки по окрестностямъ Ливадіи съ семействомъ. Онъ посѣщалъ татарскія свадьбы по приглашенію кузнеца Мустафы, гдѣ пилъ вино и завтракалъ, не оставивъ новобрачныхъ безъ щедрыхъ наградъ; онъ нерѣдко освѣдомлялся о бытѣ простого татарина и узнавъ, въ чемъ онъ нуждается, приказывалъ оказать ему пособіе, приглашалъ къ себѣ во дворецъ молодыхъ татаръ для пляски и вообще дѣлалъ все то, что могло вселить довѣріе и расположенность недовѣрчиваго, полудикаго народа, который награждалъ подарками не за заслуги, а изъ цѣли убѣдить въ одинаковой расположенности. Понятно, что такое вниманіе возбудило въ мусульманскомъ народонаселеніи Крыма убѣжденіе, что русскій Государь дѣйствительно не отличаетъ національностей и ко всѣмъ подданнымъ одинаково добръ, снисходителенъ и милостивъ. Такое начало безъ сомнѣнія было поводомъ, что крымскіе татары при всякомъ пріѣздѣ въ Ливадію Государя высылали депутацію для привѣтствованія Его Величества съ пріѣздомъ и многіе изъ нихъ считали за особенное счастіе доставлять въ Ливадію все лучшее, что могли имѣть.

4-го сентября Государь Императоръ въ сопровожденіи одного казака, чрезъ горы, спустился верхомъ въ греческое селеніе Аутка и пожелалъ проѣхать отсюда въ дер. Дерекой. Казакъ не зналъ дороги. Государь подъѣхалъ къ первой хатѣ и началъ спрашивать дорогу. Вышедшая гречанка не знала ни одного слова по-русски; во второй хатѣ также не оказалось мущины по случаю рабочаго времени. Въ эту минуту шелъ на службу канцелярскій чиновникъ Иванъ Ланара, служившій въ казначействѣ. Замѣтивъ на немъ чиновничій вицъ-мундиръ, Императоръ обратился къ нему съ тѣмъ же вопросомъ.

Ланара снялъ фуражку и предложилъ Его Величеству слѣдовать за нимъ.

— Надѣнь шапку—сказалъ Государь, поровнявшись съ нимъ, и началъ разспрашивать, кто онъ, гдѣ служитъ, сколько

получаетъ жалованья и можетъ ли существовать на эти деньги.

Ланара, какъ бѣдный человѣкъ, счастливый и тѣмъ, что получалъ какихъ-нибудь 12 руб. въ мѣсяцъ, нашелъ болѣе выгоднымъ высказать полное довольство.

— А надѣешься ли ты на повышеніе должности и жалованье? спросилъ Государь.

— Надѣюсь—отвѣчалъ бывшій юнкеръ—при чемъ добавилъ, что онъ состоялъ въ военной службѣ и послѣ смерти отца вынужденъ былъ оставить ее, чтобы присмотрѣть за маленькимъ наслѣдствомъ.

— Ну, теперь мы сами найдемъ дорогу—сказалъ Императоръ, когда Ланара вывелъ ихъ на дерекойскую тропинку и объяснилъ, что она есть единственная къ селенію.

— Однако ты завтра явись въ мою канцелярію—прибавилъ Государь, потому что я не хочу такъ воспользоваться твоими услугами. Я прикажу пожаловать тебя золотыми часами, которые навѣрно тебѣ пригодятся для опредѣленія служебнаго времени. Сказавъ это, Государь пришпорилъ коня и ускакалъ впередъ.

Ланара предполагалъ, что Царское слово останется простымъ словомъ и не ходилъ въ Ливадію до того времени, пока его не потребовали и вручили Царское обѣщаніе.

Съ этого времени Его Величество ежедневно совершалъ небольшія прогулки въ ближайшія окрестности Ливадіи или верхомъ въ сопровожденіи одного казака или въ коляскѣ съ Императрицею и дѣтьми. Всего чаще они посѣщали Тотлебена въ Ореандѣ, доѣзжали до Алупки и катались по масандровскому парку. Купались обыкновенно одинъ разъ на Ливадскомъ берегу, завтракали въ полдень, а обѣдали въ 6 часовъ.

За обѣдомъ и вообще дома Государь всегда былъ въ отличномъ расположеніи духа и нерѣдко игралъ и забавлялся съ своими дѣтьми. Всего болѣе Августѣйшіе родители выказывали нѣжное участіе къ дочери своей, великой княжнѣ Маріи Александровнѣ, отъ которой не отходили почти княжна Долгорукова и Тютчева, а придворные считали за особенное счастіе чѣмъ-либо прислужить этой прелестной дѣвочкѣ.

Со дня пріѣзда Государя въ Ливадію мѣстная административная власть, зная, что Его Величество любитъ лѣсную охоту, начала подготовляться къ этому проложеніемъ или ремонтированіемъ горныхъ тропинокъ въ Массандрскомъ и Аутинско-Мискорскомъ лѣсахъ, но не знала, кого избрать въ распорядители или руководители охоты. Бывшій въ то время Ялтинскимъ лѣсничимъ кондукторъ Фромъ былъ постоянно пьянъ и не имѣлъ понятія объ этомъ дѣлѣ, другихъ способныхъ и главное знающихъ хорошо мѣстность полиція не могла открыть.

Поселянинъ дер. Дерекой Аметъ Мустафа Оглу, издавна занимающійся звѣроловствомъ, зналъ въ нашихъ лѣсахъ каждое логовище и каждую чащу, гдѣ скрывается дичь. Исправникъ Зофиропуло охотно взялся за этого человѣка, но такъ какъ Аметъ не пользовался расположенностію волостного головы и въ особенности Фрома, старавшихся заставить его дѣлиться съ ними тѣми выгодами, которыя онъ пріобрѣталъ изъ казенныхъ и общественныхъ лѣсовъ, то имъ удалось оттѣснить его. Кондукторъ Фромъ заявилъ, что при надобности онъ самъ съ своими полѣсовщиками поведетъ Государя. Зофиропуло не хотѣлъ спорить, но тайнымъ образомъ переговорилъ съ Аметомъ, узналъ, куда лучше направить Государя, и пригласилъ его въ качествѣ руководителя загонщиковъ.

Въ крупныхъ каменистыхъ лѣсахъ яйлынскихъ отклоновъ невозможно охотиться съ собаками, которыя скоро выбиваются изъ силъ и ранятъ себѣ ноги. Вслѣдствіе чего принято туземцами устраивать загоны людьми, идущими цѣпью съ криками по направленію къ линіи расположенія охотниковъ. Въ загонщики обыкновенно берутъ ловкихъ татаръ, которые прикрѣпляютъ къ чарыкамъ или кожаннымъ сандаліямъ своимъ иглистыя подковы и мастерски проходятъ по скользкимъ сосновымъ игламъ, глубокимъ скатамъ и осыпавшимся склонамъ. Такой способъ охоты повидимому издревле практиковался въ Крыму въ угоду ханамъ, не любившимъ большого движенія, и принятъ былъ, кажется, для истребленія волковъ, которыхъ по преданіямъ было чрезвычайно много въ горахъ Крыма.

5-го сентября дѣйствительно Его Величеству захотѣлось поохотиться на ближайшемъ къ Ливадіи яйлынскомъ отклонѣ. Желаніе это въ тотъ же часъ передано было

исправнику, который немедленно потребовалъ отъ волостного головы способныхъ загонщиковъ и поручилъ Фому и Амету явиться завтра къ 7-ми часамъ утра въ Ливадію, гдѣ будетъ находиться и онъ самъ.

На слѣдующій день въ назначенный часъ все было готово двинуться въ лѣсъ. Цѣлый рядъ лошадей, навьюченныхъ завтракомъ и другими необходимостями Царскаго стола и комфорта, въ сопровожденіи придворныхъ лакеевъ, потянулись впередъ, чтобы раньше занять свою позицію и подготовиться къ исполненію своихъ обязанностей; вслѣдъ за ними совершенно другимъ путемъ направились загонщики, чтобы начать свое нашествіе съ высшей точки и направить его къ центру или точкѣ засады охотниковъ.

Около 9-ти часовъ вышелъ изъ дворца Императоръ и немногіе изъ состоящихъ въ свитѣ. Всѣ они сѣли на подведенныя имъ лошади, изъ которыхъ только царская была изъ императорской конюшни, а всѣ остальныя выставлены были туземцами и Коккоскимъ мирзою Али-беемъ Булгаковымъ, бывшимъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ уѣзднымъ предводителемъ въ Ялтинскомъ уѣздѣ. Исправникъ и казенный лѣсничій выѣхали впередъ. Государь, пославъ воздушный поцѣлуй супругѣ и дѣтямъ, вышедшимъ на балконъ, тронулъ коня, и блестящая кавалькада, сопровождаемая нѣсколькими казаками и празднично одѣтыми проводниками татарами, весело и граціозно тронулись въ путь, сначала по почтовой дорогѣ, а потомъ повернули налѣво къ тропинкѣ, которая въ настоящее время превращена въ шоссе, ведущее на водопадъ „Учанъ-су". Всѣ, кто бывалъ на южномъ берегу и проѣзжалъ этою мѣстностью, безспорно согласятся, что видъ отсюда на море и горы, затянутыя какъ бы зеленымъ пушистымъ ковромъ и мѣстами испещренныя гигантскими сѣрыми выступами, изрѣзанными точно складками или морщинами, до того восхитителенъ, что Императоръ безпрестанно обращалъ вниманіе слѣдовавшихъ за нимъ на эти предметы. Когда же онъ очутился въ группѣ первыхъ величественныхъ корявыхъ приморскихъ сосенъ (pinus taurica), подобныхъ исполинскимъ зонтикамъ и обвитыхъ чуть ли не до кроны вѣчно зеленымъ плющемъ, и въ то же время у подножія его вытянулась во всю длину свою Аутинская долина, пересѣченная бѣлѣющимъ русломъ рѣки съ садовыми окраинами и миніатюрными домиками грековъ и татаръ, Его Величество остановился и послѣ минутнаго созерцанія сказалъ:

„здѣсь такъ хорошо, что не хочется разставаться съ такимъ зрѣлищемъ“. Въ половинѣ 12-го часа Государь достигъ избраннаго для него мѣста охоты и расположился за удобнымъ камнемъ. Ровно въ 11 часовъ долженъ былъ начаться загонъ. Благодаря распорядительности и безошибочному расчету Амета все началось во время и обѣщало успѣхъ. До линіи охотниковъ порою долетали крики загонщиковъ и свидѣтельствовали, что Государю не долго придется ожидать дичи. Но вотъ наконецъ Государь заслышалъ какой-то шелестъ и взвелъ курки ружья. Вдали мелькнула лисица и точно провалилась сквозь землю, но вслѣдъ за нею летѣлъ стройный дикій козелъ прямо на Царя. Его Величество пригнулся и прежде, чѣмъ быстрое животное по инстинкту хотѣло броситься въ заросшій деревьями оврагъ, раздался выстрѣлъ и оно, пригнувъ голову къ землѣ, точно по инерціи полетѣло въ неглубокій оврагъ и, упавъ на переднія колѣна, силилось подняться. Стоявшій за Государемъ ловчій поспѣшилъ прекратить его мученія. Тѣмъ временемъ раздалось внизу еще нѣсколько выстрѣловъ, а полчаса спустя появились загонщики во главѣ Амета Мустафа оглу, который смѣло приблизился къ Императору и, отдавъ ему по своему (т.-е. по принятому и у нашихъ войскъ) честь, поздравилъ Его Величество ломаннымъ выговоромъ съ успѣхомъ. Послѣ чего здоровый Аметъ взвалилъ убитаго козла къ себѣ на плечи и поднесъ его къ монарху. Такое естественное, безцеремонное поведеніе съ разъясненіями, куда попала картечь, какого достоинства дичь, гдѣ и въ какихъ мѣстахъ Крыма попадаются такіе экземпляры и т. п., какъ-то невольно обратило вниманіе Государя на словоохотливаго татарина съ добрымъ и наивнымъ лицомъ, постоянно прикрашивавшаго разсказы свои титломъ „ваше императорство“.

Затѣмъ, усѣвшись преспокойно на землю, Аметъ началъ дѣлать замѣчанія остальнымъ стрѣлявшимъ, находя ихъ недостаточно опытными въ искусствѣ стрѣльбы. Все это говорилось ломаннымъ языкомъ, безъ малѣйшаго стѣсненія, точно между равными, братьями и друзьями своими, тономъ полнаго сознанія правды. Государь поминутно улыбался.

Тѣмъ временемъ доложили Государю, что завтракъ готовъ.

— Идемте завтракать,—сказалъ Императоръ, обращаясь къ свитѣ своей.—Иди и ты, Аметъ,—прибавилъ онъ,—я хочу угостить тебя моей водкой. Ты пьешь водку?

— Можно, ваше императорство.

Завтракъ устроенъ былъ подъ тѣнью великолѣпныхъ деревъ на разосланныхъ коврахъ. Императоръ расположился на складномъ стулѣ, а за нимъ Аметъ, поджавши подъ себя ноги. Свита заняла мѣста по окраинамъ ковровъ. Лакеи подали водку. Опорожнивъ свою чару, Государь приказалъ налить ее вторично и собственноручно подалъ ее Амету, который не замедлилъ вскочить на ноги, поднять руку ко лбу и, пожелавъ здравія, осушилъ ее залпомъ, при чемъ не преминулъ сдѣлать гримасу, свойственную большинству татаръ послѣ чарки крѣпкой водки.

— Закуси, Аметъ, — предложилъ Императоръ, подавая ему свою тарелку съ сыромъ, икрою и хлѣбомъ.

Татаринъ принялъ тарелку и, отошедъ на нѣсколько шаговъ дальше, снялъ съ плечъ кожаный мѣшокъ свой и, выложивъ изъ него половину темнаго пшеничнаго хлѣба, нѣсколько огурцовъ и соленаго перцу, завернутаго въ полотенце, началъ съ наслажденіемъ кушать свое.

— Что же это ты, Аметъ, не попробуешь Царскаго, а принялся за свое? спросилъ у него одинъ изъ свиты.

— Это послѣ; прежде свое надо покушать—отвѣтилъ онъ. Царское не всегда можно имѣть.

— Il est charmant—замѣтилъ съ улыбкою Государь и приказалъ поднести ему вторую чарку водки.

Покончивъ съ завтракомъ, въ продолженіе котораго несчастный кондукторъ-лѣсничій Фромъ напился такимъ пьянымъ, что придворные лакеи должны были доложить объ этомъ наблюдавшему за порядкомъ полковнику Кутузову, а этотъ приказалъ ему немедленно возвратиться домой.

— Ужасная свинья этотъ Фромъ,—сказалъ Аметъ, когда узналъ эту безобразную выходку отъ одного изъ камеръ-лакеевъ, при чемъ началъ описывать ему всѣ служебныя его выходки, безъ сомнѣнія въ предположеніи, что лакей этотъ пользуется какими-нибудь важными правами или въ такихъ близкихъ отношеніяхъ съ Государемъ, что не скроетъ отъ него слышаннаго.

— Я думаю, пора домой,—сказалъ Государь, взглянувъ на часы,—надо возвратиться къ обѣду.

Въ ту же минуту приказано было подать лошадей, и Государь, бросивъ взоръ на Амета, сказалъ, что надѣется еще разъ видѣть его на своей охотѣ. Татаринъ молча поднялъ руку подъ козырекъ и, считая миссію оконченною,

скомандовалъ загонщикамъ своимъ и, весело болтая съ ними, направился прямою линіею, лѣсомъ и оврагами въ Дерекой. Долго и долго слышалась ихъ заунывная пѣснь въ отдаленной глубинѣ заросшаго вѣковыми соснами мисхорскаго богаза.

Съ этого времени Аметъ считалъ себя необходимымъ слугою царской фамиліи, возилъ въ Ливадію постоянно дичь, плоды изъ своихъ садовъ и настолько сблизился со всѣми придворными, что даже нелюдимый графъ Адлербергъ и канцлеръ Горчаковъ принимали и шутили съ нимъ; что касается Государя, то онъ издали узнавалъ его, освѣдомлялся о здоровьи и разспрашивалъ объ успѣхахъ его охоты. Но при всемъ этомъ не трудно было замѣтить, что Его Величество несравненно болѣе расположенъ былъ къ Мустафѣ, кротко и спокойно исполнявшему обязанность проводника Царской Семьи безъ приглашенія кѣмъ-либо и безъ намека на надежду получить вознагражденіе за эти труды. На лицѣ этого человѣка, неспособнаго къ униженію и раболѣпству, никогда никто не замѣчалъ никакихъ желаній, никакихъ тревогъ, ни радостей, ни скорбей. Давали ли ему въ Ливадіи поѣсть или нѣтъ, это было для него безразлично. Онъ бродилъ, не искавши ничего и не нуждаясь ни въ комъ, вдоль дворца, отвѣчалъ каждому лакею и солдату, но лишь только Царская Семья садилась въ экипажъ, Мустафа былъ уже на своемъ иноходцѣ и несся впереди, приказывая встрѣчнымъ и поперечнымъ останавливаться или сторониться. Словомъ, онъ создалъ въ лицѣ своемъ эмблему царскаго поѣзда и каждый, замѣтивъ Мустафу, безошибочно вѣрилъ въ встрѣчу съ Государемъ или Августѣйшею супругою его.

На слѣдующій день, т. е. 7-го сентября, стало извѣстно, что Его Величество пожаловалъ полковника Кутузова въ генералъ-маіоры и собирается выѣхать на Кавказъ для осмотра войскъ.

8-го числа, въ день рожденія Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича, Государь Императоръ прибылъ въ Ялтинскую церковь съ семействомъ въ казацкомъ мундирѣ и папахѣ, которые чрезвычайно шли къ его величавой наружности и прекрасному лицу. Послѣ здорованія съ ротою солдатъ, стоявшихъ кругомъ церковной ограды, и нѣсколькихъ словъ съ командиромъ, Его Величество въ сопровожденіи министра Двора и небольшой, но блестящей свиты, вошелъ въ церковь и занялъ свое мѣсто около

Императрицы и Августѣйшихъ дѣтей своихъ. Августѣйшая чета во все время божественной литургіи и молебна какъ-то невольно обращала на себя вниманіе искреннею молитвою къ Творцу міровъ. Дѣти почти не подымались съ колѣнъ; что касается Императрицы Маріи Александровны, то казалось, что она переселилась душою къ подножію престола Предвѣчнаго и умоляла Его сохранить и наставить на путь истины, блага и счастья Россіи ея первенца.

Судя по необыкновенно-веселому взгляду и милостивымъ отвѣтамъ на привѣтствія присутствовавшихъ въ церкви Государь отлично былъ настроенъ. Это свидѣтельствовало, что въ Ливадіи вновь устроенъ будетъ праздникъ для свиты и войскъ. Ожиданіе народа сбылось и снова устроены были завтраки, обѣды и ужины при звукахъ музыки и великолѣпной иллюминаціи съ фейерверкомъ, доставляющимъ неописанное наслажденіе солдатамъ, дѣтямъ и массамъ простонародья. Въ одной изъ залъ дворца давалъ концертъ Раншере.

Слабосильная Императрица въ этотъ вечеръ такъ была весела и довольна, что даже во время игры артиста обратилась къ Тотлебену и сказала: „мнѣ кажется, что на частномъ концертѣ не воспрещается никому смѣяться“.

9-го сентября Государь Императоръ послѣ продолжительной прогулки въ Ореандѣ, гдѣ онъ высказывалъ сожалѣніе о томъ, что не пріѣхалъ раньше въ прекрасный Крымъ, а Государыня прямо сообщила, что заблаговременно приготовляется плакать при разлукѣ съ Ливадіею,— приказалъ объявить командиру яхты, чтобы онъ готовъ былъ къ отплытію съ нимъ къ Кавказскимъ берегамъ. Лишь только послѣднее сдѣлалось извѣстнымъ, какъ все начальство начало хлопотать около пристани, которую убрали краснымъ сукномъ, флагами, зеленью, цвѣтами, плошками и фонарями.

Послѣ 9-ти часовъ вечера на пристани этой находились уже всѣ состоящія на-лицо власти и нѣкоторые офицеры изъ свиты.

Его Величество прибылъ ровно въ 11 часовъ съ начальникомъ Черноморскаго флота Глазенапомъ, флагъ-маіоромъ Сколковымъ и нѣкоторыми другими приближенными лицами и сейчасъ же отплылъ на пароходъ, гдѣ для сокращенія времени предложилъ игру въ карты, продолжавшуюся около 2-хъ часовъ. По слухамъ, Императоръ возвратится не раньше 20 дней.

Съ отъѣздомъ монарха придворные медики начали хлопотать, чтобы Императрица, здоровье которой замѣтно поправилось, чаще находилась бы въ движеніи на чистомъ воздухѣ. Несмотря на то, что это не легко было въ жаркой странѣ для женщины слабосильной, Государыня изъ любви къ маленькимъ дѣтямъ, требующимъ нѣжной и незамѣнимой материнской заботы, безропотно подчинялась ихъ требованіямъ и ежедневно совершала значительныя прогулки пѣшкомъ и въ экипажѣ безъ всякихъ конвойныхъ и часто даже безъ усерднаго Мустафы, котораго народъ не иначе уже именовалъ, какъ княземъ.

Въ это время нашему геніальному маринисту Ив. К. Айвазовскому, постоянно посѣщавшему Ливадію, пришла фантазія нарисовать красками á vol d'oiseau Крымскій полуостровъ съ нѣсколькими пароходами на ходу на стѣнѣ царскаго балкона у входныхъ дверей. Картина эта съ горными цѣпями, отклонами, лѣсами, бухтами и населенными мѣстами до такой степени поражала перспективою и плескомъ игривыхъ волнъ Чернаго моря, что каждый останавливался предъ нею и цѣлые часы не отрывалъ глазъ.

Посѣтивъ всѣ ближайшія окрестности Ливадіи, Ея Величество съѣздила на пароходѣ „Турокъ" въ татарскую дер. Гурзуфъ и пробыла нѣсколько часовъ въ прекрасномъ имѣніи сенатора Фундуклея, гдѣ изволила обѣдать, гулять и разговаривать съ управляющимъ Дайбертомъ и его женою, получившими за усердіе свое довольно цѣнные подарки. Не ограничиваясь и этимъ и въ сознаніи благотворности чистаго морского воздуха, Императрица пожелала посѣтить на пароходѣ же Алуштинскую долину. Медики были очень рады такому желанію, и никому не приходило на мысль, что Государыня, прибывъ къ Алуштѣ, пожелаетъ сойти на берегъ и посѣтить тѣ мѣста, которыя чѣмъ-либо покажутся ей интересными. Всѣ думали, что Ея Величество ѣдетъ только для вдыханія морского воздуха и конечно не озаботились сдѣлать подготовленій. Къ общему удовольствію избранный день былъ вполнѣ соотвѣтственный прогулкѣ и обѣщалъ тихую поверхность морю.

На городской пристани всегда при прибытіи и отъѣздѣ членовъ Императорскаго Дома должны были находиться по крайней мѣрѣ два карантинныхъ солдата изъ гребцовъ, чтобы содѣйствовать и вообще прислуживаться при надобности. Люди эти при тогдашнемъ отсутствіи въ Ялтѣ полицейскихъ и другихъ вѣдомствъ нижнихъ чиновъ дѣйстви-

тельно работали чуть-ли не каждый Божій день до изнеможенія, перенося доставляемую изъ разныхъ городовъ провизію на подводы и т. п.

Лишь только подъѣхала къ пристани Императрица съ дѣтьми и фрейлинами и подошла къ лодкѣ, солдатики явились на помощь къ лакеямъ и снесли всѣ ручныя мелочи за ними. Нѣсколько минутъ спустя „Турокъ", стоявшій на парахъ, зашумѣлъ колесами и скрылся изъ глазъ. Въ числѣ сопровождавшихъ Ея Величество находился и Айвазовскій, который безъ сомнѣнія имѣлъ въ виду ознаменовать эту прогулку какимъ-нибудь произведеніемъ своей художнической кисти.

Отъ Ялты до Алушты сухимъ путемъ на почтовыхъ совершается переѣздъ въ 4 часа, но на пароходѣ, при благопріятныхъ условіяхъ, можно проѣхать въ три часа. Алушта въ то время, какъ и теперь, была небольшая татарская деревня, расположенная амфитеатромъ на возвышенномъ холмѣ, опоясанномъ съ двухъ сторонъ горными рѣками, берега которыхъ съ правой стороны покрыты виноградниками, а съ лѣвой фруктовыми садами. Дальше идутъ горы, сначала заросшія кустарниками, а затѣмъ по мѣрѣ отдаленія громадными темнозелеными лѣсами, упиравшимися на ребрахъ Чатырдага и въ сосѣдствѣ гигантской Демерджинской скалы, казавшейся издали точно прикрытою чешуею брони. Долина эта, богатая производительностью земли, мѣстами занята домиками русскихъ землевладѣльцевъ, посѣщающихъ ее въ лѣтній сезонъ, но, несмотря на богатство свое, не являетъ глазу ничего такого, которое воспроизводитъ отрадное впечатлѣніе. Но для жителей степи она можетъ показаться не только картинною, а даже величественною мѣстностью, окаймленною громадными горами. Какъ только пароходъ бросилъ якорь противъ Алушты, Государыня пришла въ неописанный восторгъ отъ этой долины и непремѣнно захотѣла сойти на берегъ. Естественно, что никто изъ сопровождающихъ Ея Величество не зналъ, что здѣсь не существуетъ никакой пристани для яликовъ и что невозможно найти экипажа на рессорахъ. При видѣ военнаго парохода, остановившагося невдали отъ берега, татары, солдаты пограничной стражи и русскіе чернорабочіе бросились къ морю поглазѣть на необыкновенное явленіе и конечно никому не могло прійти въ голову, что на пароходѣ находится русская Царица со своими дѣтьми. Тѣмъ временемъ къ берегу причалила лодка съ Августѣй-

шими никому неизвѣстными гостями и вперлась носомъ въ песокъ. Не представлялось никакой возможности сойти безъ смѣлаго прыжка съ значительной высоты, но все это не остановило русскую Государыню, бывшую въ веселомъ настроеніи, и она при содѣйствіи окружавшихъ ее мущинъ и матросовъ ловко перенесена была на берегъ. Въ эту только минуту состоявшіе въ свитѣ подумали объ экипажѣ, но таковаго не оказалось ни у кого въ Алуштѣ и ближайшихъ окрестностяхъ. Когда доложили объ этомъ Ея Величеству, она поинтересовалась узнать, какимъ же способомъ сообщаются алуштинскіе жители и служащіе съ другими городами? На отвѣтъ, что туземцы ѣздятъ верхомъ или на воловьяхъ арбахъ, а чиновники на почтовыхъ телѣжкахъ, Государыня сказала:

— Отчего же и намъ не попробовать проѣхать на почтовой телѣжкѣ. Попросите кого слѣдуетъ, чтобы намъ дали эти телѣжки. И въ ожиданіи ихъ она пошла по направленію къ почтовой дорогѣ, вдоль которой красовалось нѣсколько домиковъ съ дворами, усаженными орѣховыми деревьями, розами, экзотическими растеніями.

Въ это время всѣмъ находившимся на-лицо было уже извѣстно, кто пріѣхалъ, и изъ ближайшихъ домовъ начали выносить подъ тѣнь деревъ стулья и имѣвшіеся у хозяевъ подъ рукою фрукты, цвѣты и т. п. Государыня, одѣтая въ самое обыкновенное платье безъ всякихъ дорогихъ украшеній, съ замѣтнымъ удовольствіемъ расположилась на стулѣ и съ свойственнымъ ей добрымъ выраженіемъ глазъ и улыбкою начала разспрашивать и интересоваться бытомъ и занятіями поселянъ. Она не отказалась попробовать мѣстные плоды и угостила ими дѣтей и сопровождавшихъ ее лицъ. Похваливъ въ особенности груши, она не забыла поручить Тютчевой позаботиться наградить каждаго изъ оказавшихъ ей какую-либо услугу. Тѣмъ временемъ послышались звонки почтовыхъ колокольчиковъ и изъ поворота выскочили почтовыя телѣжки съ откормленными татарскими лошадками, которыми легко управляли великорусскіе мужички въ парадныхъ шляпахъ и форменныхъ армякахъ съ большими мѣдными бляхами. Объѣхавъ краемъ пыльной дороги, они ловко повернули подпрыгивавшіе, не окрашенные даже фургончики и остановились въ почтительномъ разстояніи отъ Матери русскаго народа. Государыня Императрица немедленно поднялась съ мѣста и, подозвавъ дѣтей, направилась къ всероссійскому народному

экипажу такимъ шагомъ и такъ увѣренно, какъ будто ей не впервые приходилось ѣздить на почтовыхъ перекладныхъ. При помощи Айвазовскаго и другихъ мущинъ, она очень удобно безъ малѣйшаго жеманства усѣлась на веревочномъ переплетѣ, прикрытомъ сѣномъ и ковромъ, и размѣстила около себя своихъ Августѣйшихъ дѣтей. Прочіе расположились на второй телѣжкѣ и верхами. Извощики тронули возжами.

Въ эту минуту всѣ уже алуштинскіе жители, которымъ никогда не приходилось видѣть Императрицы, высыпали на кровли домовъ и почтовую дорогу и не могли вѣрить глазамъ, чтобы Государыня рѣшилась сѣсть на обыкновенную повозку, отъ которой несетъ дегтемъ, которая трясетъ всю внутренность сѣдока и набиваетъ подошвы ногъ. Ихъ не менѣе изумляло, что на обладательницѣ отъ всѣхъ почти сокровищъ міра была обыкновенная шляпа и недорогой матеріи наряды безъ всякихъ сіяющихъ украшеній.

Проѣхавъ по почтовому тракту вдоль Алуштинской долины, Августѣйшая туристка возвратилась обратно къ морскому берегу и на виду всего населенія Алушты возвратилась на пароходъ, не выразивъ ничѣмъ ни усталости, ни неудовольствія. И напротивъ, судя по ея веселому разговору, заботливости никого не оставить безъ щедраго вознагражденія и хорошему аппетиту при обѣденномъ столѣ, на суднѣ всѣ были убѣждены, что прогулка эта очень понравилась Ея Величеству и дѣтямъ.

Нѣсколько дней спустя стало извѣстно, что путешествіе Императрицы на перекладной художнически изображено было масляными красками И. К. Айвазовскимъ на холстѣ и поднесено было Государынѣ на память. Картина эта до настоящаго времени служитъ лучшимъ украшеніемъ стѣнъ Ливадскаго дворца и безъ сомнѣнія каждому будетъ напоминать покойную неприхотливую и чистосердечную Императрицу Марію Александровну, такъ сильно полюбившую южный берегъ Крыма, который дѣйствительно благотворно вліялъ на ея разстроенное здоровье.

Въ Ливадіи сохраняется также и та почтовая телѣжка, на которой совершала свою прогулку Государыня Императрица. Естественно, что она теперь не составляетъ предмета удивленія, но настанетъ время, когда ее будутъ осматривать съ особеннымъ вниманіемъ и воспоминаніями о золотой порѣ царствованія и жизни въ естественной простотѣ славнаго любовью къ подданнымъ безъ различія

происхожденія и званій Царя—Освободителя народовъ отъ рабскихъ оковъ.

Въ половинѣ Сентября, какъ бываетъ обыкновенно въ Крыму въ дни равноденствія, что приписывается простонародіемъ еврейскому празднику кущей, испортилась погода и начало бушевать море. Государынѣ и придворнымъ показалось, что наступала сѣверная осень и они начали съ боязнью думать объ обратномъ путешествіи Государя съ кавказскихъ береговъ; но это пасмурное настроеніе миновало очень скоро. Сѣверовосточные вѣтры стихли, небо прояснилось и вмѣстѣ съ ними спалъ изнуряющій жаръ, проще наступило второе южнобережское лѣто, которымъ восхищаемся нерѣдко до послѣднихъ чиселъ Ноября. Вдобавокъ въ этотъ періодъ времени здѣсь созрѣваютъ окончательно всѣ почти фрукты въ фруктовыхъ и виноградныхъ садахъ и представляютъ отрадное зрѣлище для глазъ сѣвернаго жителя. Государыня снова начала выѣзжать въ установленные часы дня и веселое расположеніе ея по прежнему казалось несомнѣннымъ. По обыкновенію она никогда не пропускала божественной литургіи въ воскресные и годовые праздничные дни. 14-го Сентября въ день Воздвиженія Креста Ея Величество не смотря на вѣтренную погоду пріѣхала въ Ялтинскую церковь и простояла цѣлую архіерейскую службу, которая могла утомить даже здоровую даму.

28-го Сентября Государь Императоръ долженъ былъ возвратиться съ кавказскихъ береговъ къ часу пополудни. Въ то время ялтинская пристань была открыта и довольно неряшливо содержалась, такъ какъ была единственная для пассажировъ и грузовъ, но по распоряженію полиціи найдены средства для устилки ея краснымъ сукномъ и зеленью экзотическихъ растеній, которыми изобиловали всѣ почти окрестныя дачи. Часовъ въ 11-ть прибыла для встрѣчи Государыня Императрица съ августѣйшими дѣтьми и расположилась на креслѣ подъ зонтикомъ. Ея Величество окружали придворныя дамы и нѣсколько человѣкъ изъ свиты въ полныхъ мундирахъ. Тутъ же находился и угрюмый генералъ-губернаторъ графъ Строгановъ. Дальше на площадкѣ къ теперешнему агентству общества пароходства у впаденія рѣчки „Бала" расположены были: музыканты и личный конвой, состоящій изъ эскадрона казаковъ въ красныхъ мундирахъ, въ числѣ которыхъ находились и солдаты

крымско-татарскаго полуэскадрона съ офицерами изъ крымскихъ мурзъ.

Тѣмъ временемъ неожиданно вышелъ изъ-за ялтинскаго мыса „Тигръ“ во всей своей красѣ съ императорскимъ штандартомъ. Народъ не могъ удержаться, и тихій воздухъ огласился криками ура! Нѣсколько минутъ спустя къ подножью яхты спущены были по блокамъ бѣленькіе ялики съ парадно одѣтыми матросами, которые, ставъ въ линію подъ трапомъ, картинно подняли весла въ честь монарха. Большой царскій катеръ, окрашенный въ желтый цвѣтъ съ флагъ-маіоромъ Сколковымъ у руля, появился также у парохода и плотно присталъ къ трапу. Какъ вдругъ послышался съ парохода веселый маршъ, заставившій всѣхъ чуть не перекреститься отъ пріятнаго и такъ сказать восторженнаго состоянія. На яхтѣ поднялась суета, на трапѣ забѣгали матросики, и вслѣдъ затѣмъ музыка грянула „Боже, царя храни“. Императоръ при оглушительныхъ крикахъ пароходнаго экипажа, огласившагося и береговою массою, опустился на катеръ. Какъ только замолкли на „Тигрѣ“ радостные звуки и спалъ штандартъ, музыка грянула на берегу.

Гвардейцы вмигъ построились, публика разступилась, и императрица съ августѣйшими дѣтьми, сопровождаемая блестящею свитою, направилась на встрѣчу къ вѣнценосцу. Въ эту торжественную минуту слухъ всѣхъ былъ пораженъ слѣдующими словами изъ манифеста 19 февраля, громко сказанными стоящимъ мужикомъ въ суконной поддевкѣ:

„Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго“.

Слова эти произнесены были въ видѣ молитвы, и всѣ присутствующіе въ эту минуту постигли ихъ дѣйствительное значеніе для того, кто жаждалъ свободы не для разгула, но для труда независимаго и благодарнаго; кто изнемогалъ подъ ударами жестокаго владѣльца, у кого заливалось сердце кровью, когда онъ видѣлъ, какъ сластолюбивый, безбожный баринъ вырвалъ изъ семьи его только-что оперившуюся сестренку, игралъ съ нею какъ съ собачкою и проигрывалъ въ карты какъ собаку.

По мѣрѣ приближенія царскаго катера Государыня чаще махала бѣлымъ платкомъ и веселѣе улыбалась. Лишь только лодка подошла къ ступенямъ пристани, музыка

заиграла народный гимнъ, у всѣхъ обнажились головы и загремѣло ура!

Его Величество съ истиннымъ удовольствіемъ принялъ въ объятія супругу и своихъ красавцевъ дѣтокъ; многимъ дружественно пожалъ руки и многимъ дозволилъ поцѣловать себя въ плечо. Не лишенъ былъ вниманія и ялтинскій исправникъ Зофиропуло, котораго назвалъ государь по имени и отчеству, а также и кузнецъ Мустафа, стоявшій у царскаго экипажа. Махнувъ рукою музыкантамъ, Государь поздоровался съ гвардейцами и сейчасъ же отбылъ съ семействомъ въ Ливадію, по дорогѣ, установленной флагами и значками, сопровождаемый радостными криками народа и преданными иму казаками. Въ числѣ пріѣхавшихъ съ Государемъ былъ молодой разжалованный въ солдаты князь Долгорукій, родной братъ фрейлины, княжны Екатерины Михайловны, состоящей при Императрицѣ и, какъ замѣтно, пользующейся особымъ вниманіемъ Императора. Онъ былъ разжалованъ, какъ говорили и писали по газетамъ, за убійство на дуэли графа Канкрина. Какимъ образомъ онъ обратилъ на себя вниманіе Императора, пригласившаго его съ собою въ Ливадію для свиданія съ сестрою, конечно знали достовѣрно очень немногіе изъ приближенныхъ.

Съ пріѣздомъ Государя Ливадія вновь оживилась и вновь началось большое движеніе. Придворные и курьеры не переставали посѣщать городъ. Жандармы и совершенно не нужные агенты тайной полиціи, надъ которыми издѣвались даже уличные мальчишки, зашныряли по всѣмъ закоулкамъ, чтобы показаться усердными исполнителями своихъ обязанностей.

Послѣ смерти свѣтлѣйшаго князя, генералъ-губернатора Новороссійскаго края и намѣстника Кавказа, Воронцова, обожавшаго Алупку и другія дачи свои, Масандру и т. д. и употреблявшаго всѣ усилія населить этотъ край богатыми и интеллигентными представителями русской аристократіи, южный берегъ пересталъ заманивать посѣтителей на роскошныя виллы, не приносившія никакихъ доходовъ и отчасти пострадавшія отъ минувшей Крымской войны. Забвеніе о немъ дошло до такой степени, что отъ 1853 до 1860 года здѣсь не встрѣчали ни

одного дачевладѣльца и полагали, что край этотъ запустѣетъ и снова всецѣло перейдетъ въ руки туземцевъ. Предположеніе это казалось несомнѣннымъ въ виду того еще, что прекратилось пароходное сообщеніе съ черноморскими портами, а ѣхать въ этотъ отдаленный пунктъ по не шоссированнымъ глинистымъ дорогамъ было нелегко даже для богатыхъ туристовъ. Воронцовъ, которому хотѣлось ради своихъ удобствъ и выгодъ сдѣлать и Ялтинскій рейдъ безопаснымъ въ бурныя погоды постройкою дорогой въ то время моллы и висячей пристани, только напрасно истратилъ огромныя суммы казенныхъ денегъ. Такимъ образомъ оставленный на произволъ собственной судьбы не такъ давно высоко цѣнимый любителями природы прелестный край, попрежнему началъ питать вѣрныхъ ему аборигеновъ стадами козъ, медомъ, овощами, пшеничнымъ зерномъ и сушеными плодами. Послѣдніе ежегодно вывозились отсюда на судахъ мѣстной постройки въ Маріупольскій портъ для промѣна на хлѣбное зерно съ тѣми греками, которые были прежде жителями Крыма и не могли обходиться безъ Крымскаго табаку, вина и другихъ произведеній этой страны.

Сама Ялта въ это время состояла не болѣе какъ изъ 25—30 домовъ съ маленькими дворами, которые частью занимались подъ уѣздныя присутственныя мѣста и казенныя учрежденія въ родѣ карантина, таможни, кордона пограничной стражи, почтовой станціи и вѣчно пустой больницы, а всѣ остальные занимались или служащими и торговцами татарами, евреями и караимами, приходившими изъ ближайшихъ сосѣднихъ деревень, или харчевнями, шинками, погребами и заѣзжими дворами съ необходимыми кофейнями, въ которыхъ за пятачекъ находилъ проѣзжій чашку кофе и ночлегъ. Для проѣзжихъ съ болѣе утонченнымъ вкусомъ и требующихъ приличной обстановки содержалась въ Ялтѣ французомъ Собесъ гостинница, состоящая изъ пяти или шести отдѣльныхъ номеровъ съ рестораномъ, въ которомъ предпочиталось держать вино и сельди, любимые предметы содержателя.

Естественно, что при такой обстановкѣ здѣсь не могло быть ни подраздѣленій, ни партій, ни недовольныхъ какими либо правительственными распоряженіями. Всѣ занимались своимъ дѣломъ кое-какъ, мало интересуясь государственными и политическими событіями и еще меньше понимали значеніе крѣпостной реформы на томъ основаніи, что здѣсь

не было крѣпостныхъ и никому не были извѣстны тѣ истязанія, которымъ они подвергались въ Россіи. Пользуясь ненарушимымъ покоемъ и правительственною охраною ялтинцамъ только приходилось благодарить Бога, что они живутъ въ странѣ, гдѣ однимъ именемъ Государя и установленной имъ власти держится такая тишина, порядокъ и взаимная братская дружба. Понятно, что тѣ, которые были между ними попроще, предполагали, что цари не такъ созданы какъ остальные люди, что отъ нихъ исходятъ солнечные лучи, что въ глазахъ ихъ сіяетъ божественная сила, что они не доступны для подданныхъ и т. п. Но каково же было ихъ разочарованіе, когда величественный осанкою и взглядомъ Императоръ Александръ II самымъ благосклоннымъ образомъ отвѣчалъ на ихъ почтительные поклоны, самъ заговаривалъ съ ними и охотно принималъ отъ поселянъ выносимые ему на рукахъ плоды изъ своихъ садовъ, не стараясь придавать ни голосу, ни выраженію глазъ своихъ ничего такого, которое наводило бы страхъ на подданныхъ.

Въ привычкахъ Государя также не выражалось ничего выходящаго изъ ряда обыкновенныхъ явленій въ жизни отца семейства и обыкновеннаго человѣка. Живя въ верхнемъ этажѣ ничѣмъ неизмѣненнаго дома Потоцкаго онъ обыкновенно пробуждался часовъ 7, а пилъ кофе около 8-ми. Затѣмъ слушалъ доклады и отдавалъ приказы. Къ полудню выходилъ гулять преимущественно по направленію къ морю, которое повидимому болѣе всего останавливало его взоры. Тѣмъ временемъ выходила на воздухъ и Государыня Императрица и садилась на избранное ею мѣсто у фонтана за церковью. Около Ея Величества всегда находились одна или двѣ фрейлины съ работою и книгою и нерѣдко выбѣгали дѣти съ игрушками. Приходилось видѣть эту семейную картину въ группѣ прекрасныхъ магнолій, кипарисовъ и лавровыхъ деревъ, между цвѣтами и бархатною зеленью искусственно взрощенной травы. Къ 2-мъ часамъ, а иногда и гораздо раньше Государь возвращался къ дворцу и, принимая въ объятія дѣтей, часто слѣдилъ за ихъ играми, разговаривалъ съ Императрицею и затѣмъ всѣ отправлялись къ ожидавшему ихъ завтраку въ столовую нижняго этажа, куда немедленно являлись и всѣ остальныя лица, пользующіяся этимъ правомъ. Его Величество за завтракомъ всегда почти былъ разговорчивъ и въ хорошемъ расположеніи духа.

Очень часто случалось, что послѣ завтрака предпринималась поѣздка въ окрестности, но иногда садились играть въ карты, что продолжалось часа два или три. Около 7-ми часовъ подавался обѣдъ, въ продолженіе котораго, по однажды заведенному порядку, игралъ хоръ военной музыки.

Такъ тихо и однообразно-счастливо проходила семейная жизнь нашихъ вѣнценосцевъ, которую не дерзали тревожить оффиціальными представленіями и другими надобностями столичной жизни. Единственными чужими, но освоившимися уже людьми были Мустафа и охотникъ Аметъ, которые при каждомъ появленіи привозили какой-либо подарокъ или метръ-д'отелю для царскаго стола или царскимъ дѣтямъ, а иногда лицамъ, состоявшимъ въ свитѣ или просто лакеямъ, высказывающимъ имъ благосклонность. Не стѣсняя никого и пользуясь полнымъ довѣріемъ, они чаще другихъ обращали на себя вниманіе и удостаивались разспросовъ. Люди эти, если бъ имъ вздумалось мстить кому-либо или выражать то печальное состояніе безземельныхъ татаръ, которыхъ заѣдали такъ сказать массы чиновниковъ палаты государственныхъ имуществъ и другихъ вѣдомствъ, очень легко могли бы сдѣлать многое для блага своихъ соотечественниковъ, но они совершенно основательно считали себя безправными говорить за народъ, неуполномочившій ихъ отъ себя.

Выѣздъ Августѣйшаго семейства изъ Ливадіи назначенъ 12 октября, т. е. въ лучшее время года на южномъ берегу. Всѣмъ намъ желательно было, чтобы Государь пробылъ еще по крайней мѣрѣ одинъ мѣсяцъ для личнаго убѣжденія, насколько климатъ нашего края превосходитъ сѣверный, но такъ какъ въ то время не было желѣзной дороги на югъ, а ѣхать моремъ и затѣмъ въ экипажѣ до Москвы не такъ удобно было въ осеннее время, то конечно приходилось мириться съ необходимостью.

За два дня до отъѣзда начали возить изъ Ливадіи на татарскихъ воловьихъ подводахъ царскіе сундуки, чемоданы и т. п. и сдавать ихъ на военный пароходъ.

12-го октября Императорская яхта „Тигръ" съ двумя конвоирными паровыми судами приблизилась, насколько было возможно, къ пристани въ ожиданіи Высочайшихъ путешественниковъ, свиты и окружающихъ лицъ. Бѣдная Ялта понатужилась въ послѣдній разъ, чтобы выразить

предъ Вѣнценосцами тѣ искреннія вѣрноподданническія чувства, которыми переполнены были ихъ сердца. Убравъ флагами всю набережную улицу, а пристань краснымъ сукномъ, зеленью и букетами цвѣтовъ, всѣ жители города и 4-хъ ближайшихъ деревень съ ранняго утра появились около морского берега, чтобы удостоиться еще разъ взглянуть на Царскую семью, на благодѣтельнаго Царя, на добрую и милостивую Царицу. У всѣхъ на лицахъ замѣчалось грустное настроеніе и какъ бы ожиданіе какого-то чрезвычайнаго событія. Многіе не спускали глазъ съ Ливадской дороги, а нѣкоторые просили Бога, чтобы Онъ донесъ ихъ повелителя съ семействомъ здравыми и невредимыми до столицы.

Женщины безпрестанно произносили имя Царицы, находя, что Ея Величество недостаточно еще поправилась чтобы совершить такое утомительное путешествіе. По ихъ соображеніямъ было бы необходимо Государынѣ остаться на зиму.

Тѣмъ временемъ показался на своемъ ворономъ иноходцѣ Мустафа въ нарядной, обшитой золотыми позументами курткѣ и послышался возгласъ: „Ѣдутъ, ѣдутъ!"

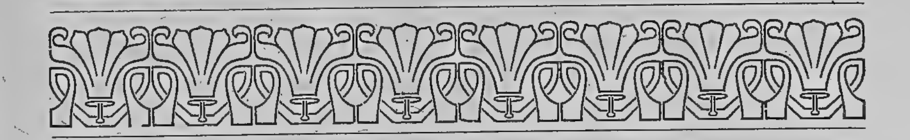
И дѣйствительно чрезъ минуту показалась коляска, съ всѣмъ извѣстными прелестными Царскими рысаками, сопровождаемая конными гвардейцами и множествомъ мѣстныхъ молодыхъ татаръ во главѣ волостного головы. Экипажъ еще находился въ 300-хъ приблизительно шагахъ, когда народъ обнажилъ голову и огласилъ воздухъ криками ура, которое не прерывалось до того времени, пока Царская семья не отплыла на далекое разстояніе отъ пристани Народъ продолжалъ стоять, не отводя глазъ отъ „Тигра" Точно на нихъ дѣйствовала какая-то магнитная сила, заставляющая забыть самихъ себя или точно отъ нихъ уходилъ тотъ, безъ кого они не могли существовать. Глубочайшая тишина не прерывалась ни единымъ словомъ. Но вотъ пароходъ остановилъ паръ и началъ ходъ. Многіе вторично сняли шапки и осѣнили себя крестомъ. Это была послѣдняя напутственная молитва о благополучномъ путешествіи; у другихъ показались слезы на глазахъ. Народъ разошелся только тогда, когда скрылась яхта за Ореандскимъ выступомъ. Онъ возвращался съ поникнутою головою, точно съ кладбища, похитившаго его отца, точно осиротѣвшимъ.

Съ этой минуты Ялтинскіе жители ни о комъ болѣе не вели разговоры какъ о Царской семьѣ, слѣдили за газетами и твердо надѣялись, что Ихъ Величества посѣтятъ Ливадію въ будущемъ году съ раннею весною; но ожиданіямъ этимъ не суждено было сбыться.

Сообщилъ **Е. Мелеха.**

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Записки В. Н. Виноградскаго.

Родился я въ Иркутскѣ 14 Іюля 1843 года. Отецъ мой Николай Ильичъ Виноградскій, а мать Агнія Васильевна, урожденная Павлинова. Отецъ, будучи чиновникомъ и получивши образованіе только въ Иркутской гимназіи, былъ очень образованнымъ и любознательнымъ человѣкомъ. Въ сохраняющейся у меня тетради его „Воспоминаній", въ его „сборникѣ стихотвореній" и въ его „дневникахъ" найдется немало матеріала, могущаго послужить для исторіи мѣстнаго края, для характеристики дѣйствующихъ тогда лицъ и показать, какое вліяніе имѣла литература на кружокъ развитыхъ людей, заброшенныхъ въ отдаленный Иркутскъ. Тетрадь рукописнаго журнала „Домашній собесѣдникъ" служитъ примѣромъ, какъ пріятно могли проводить время, съ какимъ увлеченіемъ слѣдили за развивающейся литературой Пушкинскаго періода. Отецъ прекрасно читалъ, и я помню, какъ увлекались собирающіеся къ намъ гости, когда отецъ читалъ Щедрина или Успенскаго.

Теперь, спустя лѣтъ пятьдесятъ, я уже не встрѣчаю такихъ увлекающихся литературой людей, а вижу только собирающихся поиграть въ карты или посудить о недостаткахъ ближняго. Я помню, какъ собирались знакомые въ нашемъ небольшомъ домѣ или въ домѣ дяди Иннокентія Ильича, какъ весело танцовали или играли въ фанты, какъ пѣли русскія пѣсни, какъ читали или разговаривали.

Матери я не помню, она умерла когда мнѣ было года $1^1/_2$, старшій братъ Николай, я и сестра Людмила остались на попеченіи бабушки, матери отца, Марьи Ливерьевны.

Старшій братъ Николай Николаевичъ былъ ея любимцемъ и все время жилъ у нея, даже тогда, когда отецъ, женившись во второй разъ на Анисьѣ Александровнѣ Заборовской, зажилъ опять семейной жизнью. Братъ оставался у бабушки и послѣ отъѣзда отца въ Томскъ.

Бабушка была замѣчательно трудолюбивая старушка. Оставшись въ очень молодыхъ годахъ вдовой съ 3 маленькими дѣтьми, она сумѣла воспитать ихъ трудами своихъ рукъ, занимаясь шитьемъ. Шить она была мастерица и до глубокой, старости занималась работой, часть ея обыкновенно продавала, чтобы имѣть возможность дать въ церкви свою трудовую копеечку. Вязала она чисто механически и во время вязанья любила читать. Послѣ смерти отца, когда я снова переѣхалъ изъ Томска въ Иркутскъ и жилъ у дяди, мнѣ приходилось постоянно быть съ бабушкой, и сколько прекрасныхъ разсказовъ ея помню до сихъ поръ, воспоминанія ея о трудовой ея жизни въ молодости крѣпко врѣзались въ мою память.

Въ своей старости, окруженная уваженіемъ и любовью своихъ дѣтей и внучатъ, бабушка могла спокойно сказать, что жизнь ея была прожита на пользу родныхъ.

Отъ брака отца съ Агніей Васильевной Павлиновой родились старшій мой братъ Николай, я и младшая моя сестра Людмила. По смерти матери, отецъ женился на Анисьѣ Заборовской, отъ которой были дѣти: Александръ, умершій младенцемъ, Иннокентій и дочь Александра.

Первоначальное дѣтство я провелъ въ Иркутскѣ и, говорятъ, былъ очень слабымъ ребенкомъ, мать чрезвычайно любила меня и, ухаживая за мной, сильно повредила свое здоровье. Знаю, что въ дѣтствѣ со мной была какая-то болѣзнь, отразившаяся на рукѣ, гдѣ въ локтѣ образовался нарывъ и попортилъ связки, такъ что рука сдѣлалась кривая и не могла поворачиваться ладонью вверхъ. Это осталось на всю жизнь, хотя я не ощущалъ въ рукѣ никакой боли.

Нѣсколько подросши, я сдѣлался очень бойкимъ ребенкомъ, былъ большой мастеръ бѣгать и устраивать змѣйки. Это было мое любимое занятіе. Когда я началъ учиться, не помню, знаю только, что еще въ самомъ дѣтствѣ я зналъ массу стиховъ Пушкина, любимаго писателя отца. Еще до поступленія въ гимназію я зналъ наизусть почти всего Евгенія Онѣгина, Полтаву, Графа Нулина, сказки; множество стиховъ Лермонтова и Кольцова. Зналъ большинство

басенъ Крылова и въ особенности Конька-Горбунка—Ершова. Многiе стихи отца также хорошо запомнилъ. Нужно думать, что память у меня была хорошая. Я помню, какъ еще въ студенчествѣ я брался на пари выучивать страницу стиховъ прочитавъ ихъ 5 разъ. Куда дѣвалась теперь эта память? Замѣчательно, что выученное въ дѣтствѣ я и до старости помню довольно хорошо, а между тѣмъ выученное въ болѣе позднее время—почти все улетучилось.

Систематическаго домашняго воспитанiя я не получилъ, такъ какъ отецъ, занятый службой, не могъ удѣлять время на насъ, и мы, предоставленные самимъ себѣ, бѣгали и играли безъ всякаго призора. Братъ Николай былъ вообще слабѣе меня физически, но болѣе скромный и тихiй, онъ чаще проводилъ время съ бабушкой и занимался основательнѣе. Его мало интересовало, какъ устроить какую-нибудь игрушку, какъ запустить повыше змѣя, какъ пустить въ лужѣ корабликъ.

Меня отдали въ гимназiю очень рано, едва ли не 7 лѣтъ. Въ Иркутской гимназiи директоромъ былъ Константинъ Петровичъ Бабановскiй, человѣкъ очень большого роста, красивый и до чрезвычайности толстый. Его ужасно боялись, и когда онъ появлялся въ коридорѣ, то все трепетало. Бабановскiй былъ очень хорошiй человѣкъ и велъ гимназiю прекрасно. По обычаю тогдашняго времени воспитанниковъ сѣкли порядочно, но такая мѣра взысканiй нисколько не поднимала успѣховъ слабыхъ или лѣнивыхъ учениковъ, шалуны также мало смущались поркой и даже считалось, что кричать подъ розгами не слѣдуетъ и крикъ выражалъ малодушество. Были просто артисты—выдерживающiе 30—40 ударовъ безъ всякаго крика. Перiодическое сѣченiе повторялось обыкновенно по субботамъ. Въ классъ являлся надзиратель Н. В. Новоселовъ и по журналу вызывалъ всѣхъ получившихъ въ эту недѣлю единицы и двойки. Такая группа учениковъ обыкновенно отводилась въ пансiонную спальню, и въ присутствiи директора или инспектора производилась торжественная порка. За каждую единицу давалось 10 ударовъ, а за двойку 2. Все это исполнялось очень точно, такъ что заранѣе ученики знали сколько кому достанется. Впечатлѣнiя особаго порка не производила.

Уже тогда начиналось новое вѣянiе, и молодые учителя сильно возставали противъ розогъ. Учитель математи Геснъ, преподаватель естественной исторiи Маакъ и другiе были

противниками принятаго порядка и не дозволяли Новоселову уводить воспитанниковъ съ ихъ уроковъ на экзекуцію. Конечно эти учителя пользовались особымъ расположеніемъ всѣхъ учениковъ. Директора ученики уважали и какъ то не ставили ему въ вину его строгое исполненіе распоряженія начальства относительно порки, но инспектора Сементовскаго ученики не любили ужасно и дѣйствительно, это былъ какой-то сухой человѣкъ—кажется совершенно безсердечный. До сихъ поръ у меня въ памяти такой случай изъ дѣтской гимназической жизни. Когда я былъ въ 1-мъ классѣ, то однажды разнесли слухъ, что пріѣдетъ губернаторъ и, по жалобѣ Сементовскаго (директора почему, то не было), будетъ наказывать воспитанника пансіона—Лукьянчикова. Мы слышали какъ начали собирать въ залъ гимназіи всѣхъ учениковъ, но по счастію у насъ былъ урокъ Геска и когда надзиратель пришелъ за нами, то Гескъ поблѣднѣлъ и сказалъ, что не пустить учениковъ изъ класса. Нашъ классъ находился рядомъ съ залой и мы слышали какъ начали пороть несчастнаго Лукьянчикова, слышали какъ онъ отчаянно кричалъ, какъ крики становились все тише и тише и наконецъ замолкли, послѣ мы узнали что Лукьянчикова унесли въ больницу безъ сознанія. Не помню сколько времени спустя послѣ порки Лукьянчикова, наказаннаго за своевольный уходъ изъ пансіона, подобный же случай ухода произошелъ вновь и когда инспекторъ пригрозилъ сообщить объ этомъ губернатору, то виновный,—пансіонеръ Кривошапкинъ, убѣжалъ изъ пансіона и со страха застрѣлился. Это сильно подѣйствовало на начальство гимназіи и почти вывело изъ употребленія розги.

Изъ преподавателей того времени въ памяти у меня сохранились немногіе. Учителемъ естественной исторіи былъ молодой Маакъ (впослѣдствіи главный инспекторъ училищъ Восточной Сибири), преподавалъ онъ прекрасно и мы, мальчики 2-го класса, съ величайшимъ удовольствіемъ учились зоологіи. По указанію Маака мы дѣлали безъ учебника описаніе приносимыхъ имъ костей череповъ и тому подобное. Почти каждый изъ насъ долженъ былъ сдѣлать часть скелета, то есть кто приготовитъ ногу, кто черепъ какого-либо домашняго животнаго, больше всего, конечно, появлялись скелеты пѣтуховъ, поросятъ и кошекъ Маакъ былъ прекрасный педагогъ. Говорятъ, что впослѣдствіи, сдѣлавшись главнымъ инспекторомъ онъ сдѣлался

и большимъ чиновникомъ, даже нажилъ деньги и будто бы не совсѣмъ честнымъ путемъ.

Учителемъ географіи былъ Паргачевскій, впослѣдствіи занявшійся торговыми дѣлами на Амурѣ. Паргачевскій любилъ задавать ученикамъ вопросы, какъ проѣхать изъ одного мѣста въ другое, причемъ ученикъ долженъ былъ перечислять всѣ промежуточныя мѣста. Помню, что сначала дѣлалось это по картѣ, а потомъ на память. Множество географическихъ названій заучивалось довольно твердо.

Учителемъ чистописанія былъ Николай Васильевичъ Новоселовъ, онъ же и надзирателемъ, онъ же и письмоводитель канцеляріи, самъ онъ писалъ очень красиво, но по-старинному училъ насъ писать съ прописей и, конечно, гусинымъ перомъ. Употребленіе стальныхъ перьевъ, тогда только появившихся, было строго запрещено и если кто-либо контрабандой приносилъ стальное перо въ классъ, а тѣмъ паче писалъ имъ, то такого не только оставляли безъ обѣда, но угрожали поркой. Необходимо было научиться самому очинить гусиное перо и отъ этого искусства много зависила отмѣтка по чистописанію. Время на очинку перьевъ тратилось масса. Иногда рѣжешь, рѣжешь перо, а оно все либо мажетъ, либо задѣваетъ за бумагу и брызжетъ чернилами, тутъ какъ разъ получишь единицу или двойку и слѣдовательно субботнюю порку.

Зданіе Иркутской гимназіи одно изъ лучшихъ въ городѣ, въ нижнемъ этажѣ помѣщался пансіонъ, были квартиры директора, инспектора и пр., а въ верхнемъ классы и громаднѣйшее зало, входъ въ которое былъ всегда запертъ и я только впослѣдствіи видѣлъ его. Противъ гимназіи былъ домъ Главнаго управленія Восточной Сибири—очень невзрачный деревянный—одноэтажный и на видъ очень грязный. Наискось гимназіи находилось училище канцелярскихъ служителей съ маленькимъ флигелемъ, выходящимъ на поперечную улицу. Этотъ флигелекъ мнѣ очень памятенъ, такъ какъ приходилось ходить мимо него ежедневно и почти всегда кланяться знакомому смотрителю училища Петру Ивановичу Шляпникову. Судьба этого Шляпникова, всегда удивляла меня. Онъ былъ очень образованный человѣкъ, кончилъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ по факультету восточныхъ языковъ, прекрасно зналъ латинскій, французскій и нѣмецкій языки и былъ секретаремъ консульства въ Ургѣ. Поступивъ на службу по министерству

иностранныхъ дѣлъ, онъ могъ бы, кажется, проложить себѣ дорогу, но вышло не такъ. Ему не понравилось почти полное отсутствіе дѣлъ въ консульствѣ, и онъ перебрался въ Иркутскъ, гдѣ и былъ назначенъ, благодаря знанію языковъ, столоначальникомъ политическаго стола и долженъ былъ просматривать всю переписку политическихъ преступниковъ-декабристовь, изъ которыхъ многіе жили въ Иркутскѣ. Ему невольно пришлось имѣть дѣло съ такими тузами какъ Волконскіе и Трубецкой.

Черезъ его руки шли всѣ письма какъ отъ нихъ, такъ и къ нимъ. Говорятъ, что безъ всякаго послабленія, онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Волконскими, а черезъ нихъ могъ имѣть громадную протекцію въ Питерѣ. Тѣмъ болѣе что тогда декабристы уже не содержались въ прежней строгости. Однако, Шляпникову не понравилась такая, по его словамъ, шпіонническая должность, и онъ вышелъ въ отставку, а затѣмъ попалъ смотрителемъ канцелярскаго училища. Послѣ закрытія этихъ училищъ, Шляпниковъ уѣхалъ въ Казань и попалъ куда-то въ уѣздъ въ становые, началъ покучивать, лишился и этого мѣста, сильно бѣдствовалъ вмѣстѣ съ женой и нѣсколькими дочерьми и когда уже я служилъ въ Казанскомъ университетѣ, то чрезъ проф. Ѳирсова удалось пристроить дряхлаго Шляпникова въ библіотекари профессорской комнаты, гдѣ главное его дѣло было прибирать на столѣ разбросанныя газеты. Мизерное жалованье кое какъ спасло старика отъ голодной смерти. Впослѣдствіи онъ, кажется, перешелъ на болѣе спокойное мѣсто архиваріуса университета и умеръ въ крайней бѣдности. Такова судьба этого образованнаго человѣка. Я всегда смотрѣлъ на него съ сожалѣніемъ.

Шляпниковъ былъ хорошимъ знакомымъ моего отца и дяди Иннокентія Ильича и часто бывалъ у насъ въ домѣ. Изъ лицъ, посѣщающихъ отца, мнѣ хорошо помнится бурятъ Доржи-Банзаровичъ Банзаровъ, также получившій хорошее образованіе, сначала въ Казанской 1-й гимназіи, гдѣ его фамилія записана на мраморную доску, а затѣмъ въ Казанскомъ университетѣ. Банзаровъ былъ, кажется, чиновникомъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ и извѣстно, что онъ очень помогалъ преосвященному Нилу въ его переводахъ священныхъ книгъ на монгольскій языкъ и въ составленіи имъ книги „о буддизмѣ". Банзаровъ былъ ламаитъ и несмотря на всѣ убѣжденія не принялъ христіанства. Про него разсказывали, что когда, однажды, онъ былъ

посланъ къ бурятамъ для производства какого то слѣдствія, то онъ остался въ улусѣ, поселился въ кибиткѣ и не хотѣлъ возвращаться въ Иркутскъ, такъ что его едва ли не силой выручили изъ втянувшей его родной среды. Онъ умеръ довольно молодымъ и его похороны по ламайскому обряду долго были предметомъ разговоровъ въ Иркутскѣ.

При мнѣ въ гимназіи училось нѣсколько бурятъ, однако большая часть изъ нихъ, если и доходила до университета, то почти всегда рисковала здоровьемъ и по совѣту врачей возвращалась въ родныя мѣста.

Здѣсь мнѣ припоминается распоряженіе начальства, существовавшее до 60-хъ годовъ, посылать учениковъ якутовъ Якутскаго уѣзднаго училища въ Казань для обученія въ земледѣльческой фермѣ. Не знаю, какъ бы эти агрономы примѣняли свои знанія при Якутскомъ климатѣ, гдѣ и ячмень не всегда созрѣваетъ, но я слышалъ отъ завѣдывающаго Казанской фермой, что присланые якуты большею частію умирали отъ непривычнаго казанскаго климата или должны были возвращаться на родину, получивъ большею частью чахотку. Странное распоряженіе начальства.

Вслѣдствіе непріятностей по службѣ отецъ перешелъ въ *Томскъ*, куда перевели и меня въ гимназію. Служебное положеніе отца въ Томскѣ было очень хорошее. Онъ состоялъ совѣтникомъ акцизнаго или питейнаго отдѣленія казенной палаты и пользовался общимъ уваженіемъ, какъ между своими сотоварищами по службѣ, такъ и въ обществѣ. Жизнь отца сложилась такъ, что онъ былъ постоянно занятъ: утро на службѣ, вечеръ дома за бумагами или любимой его работой—чтеніемъ и письмомъ.

Въ Томскѣ отецъ началъ писать „воспоминанія" о своей жизни, и въ этой большой тетради, особенно въ началѣ существуетъ масса разнообразныхъ свѣдѣній, какъ о личностяхъ, такъ и о событіяхъ того времени. Много есть также историческихъ данныхъ. Какъ большой любитель литературы, отецъ собиралъ автографы своихъ любимыхъ писателей и еще въ молодыхъ лѣтахъ во время своей *поѣздки въ Петербургъ* познакомился съ нѣкоторыми тогдашними литературными знаменитостями. Онъ всегда съ величайшимъ удовольствіемъ вспоминалъ время своей поѣздки и тотъ *вечеръ*, который былъ устроенъ для него, кажется, у *Одоевскаго*, гдѣ петербургскія знаменитости почтили его какъ молодого провинціальнаго писателя. Памятникомъ

этого вечера сохранился у отца листъ бумаги, на которомъ присутствующіе написали на память Сибиряку по нѣскольку строкъ; тутъ есть и строки Карамзина и Полевого и много другихъ.

Несмотря на массу служебныхъ занятій и плохое здоровье, отецъ и въ Томскѣ пописывалъ статьи для Губернскихъ вѣдомостей и сочинялъ стихи, между которыми многіе можно назвать хорошими.

Будучи религіознымъ человѣкомъ, отецъ любилъ религіозное чтеніе и между его стихами есть нѣсколько хорошихъ, прочувственныхъ образцовъ духовнаго содержанія. Не знаю къ какому времени относится составленіе имъ „жизни и чудесъ свят. Иннокентія, нашего Иркутскаго Чудотворца“.

Всѣ рукописи отца послѣ его смерти были отправлены къ моему старшему брату Николаю Николаевичу, но затѣмъ перешли ко мнѣ и хранятся у меня. Слѣдовало бы заняться разборомъ ихъ и составленіемъ сборника, имѣющаго можетъ быть общественное значеніе какъ запись свидѣтеля провинціальной жизни Сибири въ 30—50 годахъ. Въ Томскѣ отецъ писалъ подъ псевдонимомъ *„за Ангарскій Сибирякъ“*.

Въ Томскъ отецъ переѣхалъ вмѣстѣ съ мачихой и сестрой Люмашей, а вскорѣ туда же перевезли и меня. Въ Томскѣ родился братъ Кеша и сестра Саша. Прибыль семьи, общественная жизнь и занятія по службѣ отнимали у отца время для наблюденія за нашимъ ученьемъ и я съ сестрой Люмой былъ предоставленъ надзору няни — привезенной отцомъ изъ Иркутска. Средства отца были достаточны только для поддержки общественнаго положенія и не могли дать намъ порядочнаго наставника, притомъ и мачиха, вообще очень хорошая хозяйка, по своему невысокому развитію, не понимала настоятельной потребности въ хорошемъ обученіи и развитіи дѣтей. По правдѣ сказать, наше счастье, что она мало обращала вниманія на насъ. Ея взглядъ на цѣль воспитанія сильно отозвался на Сашѣ, для которой мать требовала только знаніе французскаго языка и танцевъ, все же остальное не признавала за нужное и даже никакъ не согласилась отдать ее въ гимназію, а отдала въ пансіонъ и воспитала барышню, которой очень трудно пришлось жить на свѣтѣ.

Меня помѣстили въ *Томскую Гимназію* въ 1-й классъ. Гимназія находилась кажется въ плохомъ положеніи, директоромъ былъ старичекъ Мещериновъ, учителя въ млад-

шихъ классахъ были плохи, и у меня осталось только воспоминаніе объ *учителѣ рисованія Кокшаровѣ.* — Это былъ дѣйствительно хорошій учитель. Никакихъ пособій по рисованію въ гимназіи не было, однако Кошкаревъ съумѣлъ заставить ребятишекъ полюбить этотъ предметъ. Преподаваніе онъ начиналъ прямо съ натуры, указывалъ на вліяніе перспективы, и ребята сразу рисовали съ большимъ увлеченіемъ.

Построивши на столѣ что-нибудь изъ книгъ, положивъ на верхъ перо или что попадетъ подъ руку, онъ требовалъ нарисовать это въ одинъ урокъ и, постоянно слѣдя за учениками, поправляя и указывая имъ на особенности перспективныхъ линій, добивался прекрасныхъ результатовъ. Мы рисовали не чисто, но ясно представляли рисунокъ. Рисовали мы и классныя окна и двери, рисовали стулъ, поставленный на столъ, наконецъ, рисовали задачи наизусть, или фантазіи: шкафъ съ открытой дверцей, бутылка, покрытая стаканомъ и пр. и пр.

Жаль, что Кокшаровъ скоро выбылъ изъ гимназіи, и мы остались только съ тѣмъ, что онъ намъ далъ. Мы плохо усвоили отдѣлку рисунка, но зато хорошо понимали нарисованное.

Въ общемъ учились очень плохо. Порки были въ ходу и въ Томской гимназіи, но только въ младшихъ классахъ и не еженедѣльно, а разъ въ мѣсяцъ, когда директоръ обходилъ классы „съ отмѣтками". Прежде табеля выдавались ежемѣсячно, и вотъ, когда такіе табеля были готовы, являлся въ классъ директоръ съ инспекторомъ и сторожами, похваливъ хорошихъ учениковъ, онъ дѣлалъ замѣчаніе слабымъ, а затѣмъ, плохихъ учениковъ или большихъ шалуновъ тутъ же въ классѣ пороли. Часто, впрочемъ, дѣлалось снисхожденіе и порку замѣняли карцеромъ. Хожденіе „съ отмѣтками" занимало цѣлый день и то въ томъ, то въ другомъ классѣ были слышны крики.

Туго шло мое ученіе, но я ни разу въ Томскѣ не попалъ подъ порку и, оставшись въ 1-мъ классѣ еще на годъ, началъ учиться получше, хотя вообще далеко неуспѣшно.

Сестра Людмила училась дома — для нея нанятъ былъ старичекъ *учитель француз. языка*, да какой-то *французикъ* — для *обученія танцевъ.* Я могъ бы тутъ тоже поучиться француз. языку, но увы никто меня къ этому не принуждалъ, а у самого не хватало умишка понять пользу знанія фр. языка. Танцовать навострился порядочно и

частенько плясалъ съ барышнями на дѣтскихъ вечерахъ, устраиваемыхъ въ домѣ богачей Соколовыхъ. Былъ большой любитель ѣздить верхомъ и частенько участвовалъ въ кавалькадахъ, устраиваемыхъ большимъ пріятелемъ отца—полицеймейстеромъ Вас. Мих. Любимовымъ. Отецъ, по совѣту врачей, почти каждый день ѣздилъ верхомъ на своей маленькой лошадкѣ „Чернышѣ“ и за городомъ нѣсколько проходилъ пѣшкомъ. Это у отца было великое удовольствіе послѣ сидѣнія въ канцеляріи и дома за бумагами. Вечера онъ тоже обыкновенно сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ и, какъ бы предчувствуя свою не долгую жизнь, приводилъ въ порядокъ свои „Воспоминанія“. Часто во время прогулокъ отца и я сопровождалъ его верхомъ же на очень хорошей лошадкѣ. Изъ этихъ частыхъ поѣздокъ мнѣ остались памятны наши путешествія верстъ за 9-ть, *на дачу* Поповыхъ—*Басандайсу*. Это—чудная мѣстность и прекрасная дорога. Нерѣдко ѣздили на *дачу Степановку* въ 4—5 вер. отъ города, принадлежавшую Сосулину, гдѣ вечеромъ передъ праздниками въ маленькой церкви, отдѣланной превосходно. Дача эта представляла какой-то рай. Прекрасный домъ, роскошный садъ и прелестное мѣсто. Недоѣзжая съ полверсты до Степановки былъ хорошій хуторъ, принадлежащій также къ этой дачѣ, и здѣсь жилъ сосланный въ Сибирь *декабристъ* старикъ *Батенковъ*.

Отецъ иногда заѣзжалъ къ Батенкову и бесѣдовалъ съ нимъ. Это былъ человѣкъ очень образованный, кругомъ него была масса книгъ и онъ постоянно читалъ. Я, будучи мальчишкой, нѣсколько боялся этого, на мой взглядъ, суроваго старика, мнѣ помнится, онъ не только никогда не смѣялся, но и не улыбался. Впрочемъ это и не мудрено послѣ страшныхъ испытаній въ жизни. Говорятъ, его забыли сослать въ каторгу вмѣстѣ съ другими декабристами и онъ просидѣлъ въ Петропавловской крѣпости 20 лѣтъ.

Только тогда объ немъ вспомнили и уже отправили на житье въ Томскъ, гдѣ онъ и познакомился съ хорошей семьей Сосулиныхъ, предложившей ему жить у нихъ на хуторѣ. Батенковъ въ мое время никуда не выходилъ изъ дома. Впослѣдствіи онъ былъ возвращенъ и умеръ, кажется, въ Ярославской г. въ имѣніи своихъ родственниковъ.

Изъ замѣчательныхъ лицъ вспоминаю еще *Бакунина*, онъ жилъ нѣкоторое время въ Томскѣ, былъ принятъ въ

обществѣ, какъ очень образованный человѣкъ и его въ Томскѣ называли, конечно, въ шутку, Саксонскимъ Королемъ. Нѣсколько разъ онъ бывалъ и у отца. Насколько помню, всѣхъ поразила вѣсть о *свадьбѣ Бакунина на полькѣ Квятковской.* Во время одного изъ проѣздовъ генерала г. Муравьева изъ Питера въ Иркутскъ, Муравьевъ, какъ я послѣ узналъ, родственникъ Бакунина, ѣздилъ на дачу Квятковскихъ и былъ сватомъ Бакунина. Это было въ 1858 году. Я это хорошо знаю потому, что два брата барышни Квятковской были моими товарищами по гимназіи и мы почти всегда вмѣстѣ возвращались домой изъ гимназіи, такъ какъ Квятковскіе жили по дорогѣ, на Большой улицѣ подъ Юртичной горой, занимая нижній этажъ довольно большого дома. Вскорѣ послѣ свадьбы, Бакунинъ былъ переведенъ въ Иркутскъ, куда уѣхали и Квятковскіе, старшій изъ братьевъ Квятковскихъ, кажется, поступилъ куда-то на военную службу, а младшій былъ вмѣстѣ со мной въ 6 и 7 кл. Иркутской гимназіи, куда я перешелъ послѣ смерти отца въ 1859 г. Въ 1861—62 учебномъ году, когда мы были въ 7 классѣ, разнеслось извѣстіе, что *Бакунинъ бѣжалъ* изъ Сибири; я помню, какъ мы, гимназисты, начали подтрунивать надъ Квятковскимъ, упрекая его въ пособничествѣ бѣгству, въ которомъ конечно онъ совершенно не виноватъ. Мы, гимназисты, бранили Бакунина, обманувшаго новаго генералъ-губернатора Корсакова и бросившаго жену. Однако, впослѣдствіи, Квятковскій сообщилъ намъ, что Бакунинъ уже въ Парижѣ и что жена туда ѣдетъ, что въ его судьбѣ принималъ участіе бывшій генералъ-губернаторъ Муравьевъ-Амурскій, который былъ ктиторомъ Парижской православной церкви.

Въ числѣ учителей старшихъ классовъ вспоминаю еще *учителя исторіи Игнатьева,* онъ умѣлъ заставить насъ полюбить свой предметъ, и мы съ удовольствіемъ занимались чтеніемъ историческихъ христоматій. Память у меня была хорошая и я отлично помнилъ массу именъ. Зналъ греческую миѳологію и хвалился знаніемъ древней исторіи, которую изучали по *учебнику Смарагдова.* Исторія Смарагдова заключалась въ 3 большихъ томахъ, и можно удивляться, какъ мы успѣвали ихъ выучивать. Краткое, но ясное объясненіе Игнатьева давало намъ только общій смыслъ какого нибудь историческаго событія, а всѣ подробности мы должны были найти въ книгѣ и зазубрить.

Многіе читали, кромѣ Смарагдова, еще исторію Бенера. Почти для всѣхъ насъ это былъ любимый предметъ.

Томскъ въ пятидесятыхъ годахъ былъ уже довольно большимъ городомъ, но грязнымъ и малоустроенъ. Большая улица шла почти чрезъ весь городъ и пересѣкалась грязной рѣченкой Ушайкой, чрезъ которую былъ устроенъ деревянный, неказистый мостъ, съ этого мѣста Ушайка шла параллельно улицѣ, такъ что Большая улица тутъ была застроена только съ одной стороны. Здѣсь были хорошіе дома: вблизи моста былъ домъ Зах. Мих. Цибульскаго, знаменитаго богача жертвователя на Томскій университетъ. *Зах. Мих. Цибульскій* вышелъ изъ простыхъ кабацкихъ подносчиковъ-мальчишекъ и, благодаря энергіи, добился самостоятельности. Работая лично самъ, безъ всякихъ управляющихъ, онъ нажилъ на своихъ золотыхъ промыслахъ большое состояніе. Онъ выстроилъ себѣ небольшой, но роскошный домъ и на диво всѣмъ вставилъ въ окна цѣльныя стекла, что тогда было величайшей рѣдкостью. Въ домѣ все было отдѣлано мраморомъ. Въ верхнемъ этажѣ жилъ самъ Зах. Мих. съ женой (дѣтей у нихъ не было), а внизу помѣщалась старушка - мать Цибульскаго, которая занималась шитьемъ для пожертвованій въ церкви и держала около себя нѣсколько дѣвушекъ, помогавшихъ ей въ работахъ. Говорятъ, она хвалилась тѣмъ, что много лѣтъ шьетъ одной и той же иголкой и потеря иголки составляла несчастіе, всѣ дѣвушки должны быть искать иголку и мучились, пока не находили.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ Цибульскій съ женой предпринялъ путешествіе въ Россію и заѣзжалъ ко мнѣ въ Казань. Масса перинъ и подушекъ, набранныхъ на дорогу, была оставлена у меня въ Казани, такъ какъ только тутъ они смекнули, что путешествовать съ такимъ багажомъ неудобно.

Одинъ изъ моихъ знакомыхъ разсказывалъ мнѣ, что онъ встрѣтилъ стариковъ Цибульскихъ гдѣ-то въ Малороссіи, ѣдущихъ въ тарантасѣ и забавлявшихся заводной игрушкой—соловьемъ. Посѣтивъ святыя мѣста, Цибульскіе возвратились въ Томскъ и занялись дѣлами благотворительности. Цибульскій *пожертвовалъ очень много на устройство Томскаго университета.*

Въ одномъ кварталѣ съ домомъ Цибульскаго находился и домъ богачей Шумигиныхъ, далѣе дѣлая небольшой изгибъ улица шла къ Юрточной горѣ и тутъ направо на самомъ краю горы былъ домъ Сосулина, а налѣво домъ почтовой конторы и домъ Губернатора, затѣмъ

направо выдѣлялся домъ совсѣмъ разорившагося богача Горохова. Гороховъ нажилъ состояніе на золотыхъ промыслахъ и страшно роскошничалъ; его садъ около дома представлялъ нѣчто волшебное: спускаясь подъ гору террасами, въ которыхъ вырыты были фантастическіе гроты, садъ пересѣкался громаднымъ искусственнымъ проточнымъ прудомъ, чрезъ который были перекинуты мостики и даже цѣлое зало, отдѣланное сплошь по стѣнамъ зеркалами. Масса насыпныхъ горокъ, бесѣдокъ и т. п., все было убрано цвѣтами. Въ этомъ паркѣ и саду были олени, дикія козы и пр. Здѣсь давались знаменитые пиры. Я, пріѣхавъ въ Томскъ мальчишкой, уже не видалъ всего этого, а только частенько бѣгалъ смотрѣть на разрушенный садъ, на провалившіеся мосты, разбитыя зеркала, обвалившіеся гроты и пещеры. Все было запущено, домъ занимали квартиранты (кажется, откупщикъ Исаевъ), а самъ Гороховъ жилъ больнымъ старикомъ въ небольшомъ флигелькѣ около своего когда-то роскошнаго сада.

Подвигаясь по Большой улицѣ еще дальше, всякій дивовался на дворецъ золотопромышленника Асташева, на дворцѣ красовались золоченыя звѣзды громоотвода и вообще онъ выдѣлялся своей величиной и отдѣлкой; здѣсь жилъ старикъ Асташевъ—жилъ очень скромно, не задавалъ ни банкетовъ, ни пировъ. Онъ, кажется, постоянно хворалъ. Семьи у него не было, единственный сынъ служилъ въ Петербургѣ.

Невдалекѣ отъ дома Асташева находился громаднѣйшій недостроенный соборъ, въ которомъ во время постройки провалился куполъ. Соборъ уже много лѣтъ стоялъ въ разрушенномъ видѣ и по его полусгнившимъ лѣсамъ лазали козы, да мы, гимназисты, въ компаніи съ другими ребятами. Считалось за удальство постоять на самомъ верху на стѣнѣ и даже походить на ней.

Напротивъ этого собора было громадное зданіе присутственныхъ мѣстъ, а наискосокъ начиналась городская березовая роща—паркъ. Это было любимое мѣсто гулянья для насъ, ребятъ, тутъ было много бѣлокъ и мы ихъ ловили съ шумомъ и гвалтомъ. Въ этой рощѣ былъ выстроенъ небольшой домъ для помѣщенія клуба, а теперь здѣсь построено громадное зданіе Томскаго университета. Тутъ собственно кончается городъ, дорога дальше шла къ перевозу черезъ рѣку Томь на Московскій трактъ. Невдалекѣ находились солдатскіе лагери, занимающіе высокій берегъ Томи. Сюда

часто ѣздили горожане послушать музыку и погулять въ окрестныхъ лѣсочкахъ лагеря.

Противъ лучшей части города, около моста черезъ Ушайку была громадная грязная площадь, на которой помѣщался базаръ, а отъ него шла улица, называемая, кажется, Милліонною, сплошь застроенная каменными домами мѣстныхъ богатыхъ купцовъ. На этой улицѣ въ 2-хъ сосѣднихъ домахъ находилась наша гимназія.

Около моста черезъ Ушайку находился весьма крутой подъемъ на Воскресенскую гору, на верху которой былъ выстроенъ католическій костелъ и довольно большая часть города, которая тянулась до кладбища, находящагося на Сибирскомъ трактѣ. За Воскресенской горой расположена была громадная часть города, населенная большею частью раскольниками (много было скопцовъ), и здѣсь же выстроенъ единовѣрческій храмъ. Съ Большой улицы почти противъ губернаторскаго дома шелъ спускъ въ другую низменную часть города—Татарская слобода, гдѣ высился татарскій минаретъ. Грязь здѣсь была непролазная. Въ противоположной сторонѣ окраину города занимала такъ называемая Солдатская слобода, тоже не менѣе грязная. Садовъ въ городѣ не было, если не считать городской березовой рощи на окраинѣ и монастырской рощи, представляющей скорѣе заброшенный пустырь съ нѣсколькими деревьями. Монастырь мужской помѣщался среди города и былъ окруженъ каменной стѣной. Тамъ было нѣсколько церквей, и около главной изъ нихъ похороненъ мой отецъ. Чтобы найти его могилу, приложу здѣсь небольшой планъ, авось внучата когда-нибудь попадутъ въ Томскъ и вспомнятъ своего дѣдушку или прадѣдушку, авось подправятъ и могильный памятникъ, вѣроятно, попортившійся отъ времени. Памятникъ отца представляетъ цѣльный камень длиною до 2-хъ аршинъ, а вышиною около 1 аршина; онъ окруженъ желѣзной рѣшеткой.

Изъ томской жизни сильно врѣзалось въ моей памяти мое пребываніе во время ваката на казенномъ Кирилевскомъ винокуренномъ заводѣ, гдѣ завѣдывалъ знакомый отца Наполеонъ Ивановичъ Саковичъ, обрусѣлый полякъ. У него была большая семья. Саковичъ поступилъ на заводъ уже послѣ того, какъ заводъ сгорѣлъ, и я видѣлъ только громаднѣйшій прудъ и хорошо устроенное селеніе съ деревянною церковью. Заводъ находился верстахъ въ 60-ти отъ города вблизи Оби (около версты). Рабочими на заводѣ

были ссыльно-каторжные, однако они жили совершенно свободно и почти всѣ имѣли свои домишки и свое хозяйство. Нельзя было думать, что это каторга. Рабочіе свободно ѣздили въ лѣсъ, рубили дрова, занимались посѣвомъ, косили траву, были между ними портные, сапожники и др. мастера. Военнаго караула почти не было, и все обстояло благополучно. Даже отпускали въ городъ, конечно, секретно, для продажи издѣлій. Разобранныя части сгорѣвшаго завода были сложены въ груды и, кажется, послѣ растасканы. Мнѣ памятно, какъ послѣ распоряженія объ окончательномъ прекращеніи работъ на заводѣ, пришлось отправлять всѣхъ каторжниковъ на какой-то другой заводъ. Всѣхъ ихъ раздѣлили на нѣсколько группъ, и вотъ однажды представилась такая картина. Около дома смотрителя завода собрались отправляемые, большею частіею люди семейные, у большинства своя лошадь и телѣга, куда посажены ребятишки и сложенъ домашній скарбъ. Кругомъ масса провожающихъ, которымъ предстоитъ такое же переселеніе. Плачъ и вопль страшные. Домишки и огороды бросались задаромъ, потому что некому было покупать. На каждаго каторжнаго выданы были кандалы, которые и положены на воза, и строго приказано надѣть ихъ около городского перевоза, когда встрѣтятъ городское начальство. Смотритель вышелъ проститься, служили молебенъ, угостили всѣхъ чаркой водки. Плачъ усилился, и наконецъ караванъ тронулся подъ конвоемъ 3 или 4 старыхъ солдатъ. Жаль было видѣть, какъ народъ разставался съ мѣстами, гдѣ видимо имъ жилось хорошо. Та же участь переселенія постигла всѣхъ остальныхъ. Впослѣдствіи прорвало заводскую плотину и масса воды изъ громаднѣйшаго пруда надѣлала много бѣдъ: снесла почти всѣ домишки, построенные ниже пруда, и, кажется, при этомъ погибло много народа. Что это за происшествіе—не понятно, неужели нельзя было спустить воду изъ ненужнаго уже пруда.

Въ 1858 году проѣхалъ чрезъ Томскъ *старшій братъ*, онъ кончилъ курсъ въ Иркутской гимназіи и, какъ хорошій ученикъ, былъ *отправленъ въ Казанскій университетъ*. Отецъ очень радовался встрѣчѣ съ своимъ первенцомъ и выходомъ его на университетскую дорогу. Учениковъ сопровождалъ учитель Яковлевъ, братъ пробылъ у насъ не болѣе дня и покатилъ въ Россію. Въ этотъ годъ я перешелъ уже въ 5-й классъ гимназіи и началъ заниматься порядочно. Здоровье отца становилось все хуже и хуже, у

него развивалась чахотка, и онъ страшно слабѣлъ. Занимаясь на службѣ, отецъ почти никуда уже не выѣзжалъ и вечерами усиленно переписывалъ и приводилъ въ порядокъ свои рукописи, стараясь кончить книгу „Воспоминаній". Въ концѣ года, въ декабрѣ, онъ рѣдко уже сидѣлъ и видимо постепенно угасалъ. Его еще поддерживала надежда на лѣтній отпускъ въ степь на кумысъ, что обѣщалъ ему выхлопотать губернаторъ, но надежда не оправдалась и *въ 1859 году 14 января* въ часовъ 7 утра, *онъ* тихо *умеръ*, исполнивши весь христіанскій долгъ. Соборовали ночью, потомъ онъ благословилъ всѣхъ насъ и тихо умеръ. Въ послѣднія минуты его жизни у его постели были я и В. М. Любимовъ, другъ отца. Мачиху и маленькихъ Кету и Сашу увели изъ комнаты. Что-то такое оборвалось во мнѣ, когда я понялъ, что теперь начинается для меня новая жизнь, что уже нѣтъ отца, который сильно любилъ насъ и могъ насъ поддержать. Панихиды и самыя похороны отца я помню какъ-то смутно. У меня все перемѣшалось тогда въ головѣ. Передъ смертью отецъ позаботился объ устройствѣ семьи. Еще за годъ до этого выхлопоталъ принять сестру Люмашу въ Иркутскій институтъ, затѣмъ высказалъ желаніе, чтобы и меня перевести въ Иркутскую гимназію на казенный счетъ, и тутъ ему удалось такъ подѣйствовать на генералъ-губернатора Муравьева, что *меня приняли въ Иркутскій пансіонъ въ неочередь.* Отецъ убѣдилъ пріѣхать въ Томскъ отца мачихи Забаровскаго, который жилъ въ Иркутскѣ на пенсіи и, пристроивъ всѣхъ дѣтей, былъ теперь одинокимъ, такъ какъ жена уже умерла. Такимъ образомъ я долженъ былъ уѣхать въ Иркутскъ, а мачиха съ маленькими дѣтьми осталась въ Томскѣ со своимъ отцомъ. Средствъ у отца никакихъ не осталось, мачиха получила очень маленькую пенсію и только благодаря тому, что у ней были деньжонки отъ своего отца—Забаровскаго, да и его помощь, она могла жить безбѣдно. Черезъ нѣсколько лѣтъ она вышла замужъ за В. М. Любимова, имѣющаго порядочныя средства и большую дочку Полину. Онъ женился уже въ 3-й разъ. У нихъ родился сынъ Иванъ, который кончилъ курсъ въ Симбирскомъ кадетскомъ корпусѣ и, послуживъ немного въ военной службѣ, занимается теперь сельскимъ хозяйствомъ въ Симбирской губерніи.

Въ Иркутскую гимназію я поступилъ прямо въ 6-й кл. и долженъ былъ жить въ гимназическомъ пансіонѣ. Ди-

ректоромъ состоялъ все тотъ же Константинъ Петровичъ Бабановскій, живущій холостякомъ въ зданіи гимназіи.

Изъ учителей хорошо помню Петра Ивановича Полынцова—математика. Онъ на первомъ же урокѣ, желая узнать мои познанія по математикѣ, началъ меня спрашивать изъ курса 5 и 4-го класса, оказалось, что я ничего не знаю, это просто удивило его, и онъ махнулъ на меня рукой. Полынцовъ былъ очень умный и серьезный человѣкъ, его разсказъ перваго урока былъ для меня удивительно понятенъ, и я ясно представилъ себѣ всю суть урока, то же было и при дальнѣйшихъ разсказахъ Полынцова, и я отвѣчалъ ему всегда очень хорошо, однако зады я зналъ плохо, и потому Полынцовъ посовѣтовалъ мнѣ прочитать краткій курсъ алгебры Погорѣльскаго, и вотъ, прочитавши эту небольшую книжку, я съ величайшей любовью началъ заниматься математикой и сдѣлался первымъ ученикомъ въ классѣ по всѣмъ математическимъ предметамъ. Прочиталъ полный курсъ математики Бурдони (очень старое изданіе) и довольно хорошо рѣшалъ классныя задачи. Словомъ, прослылъ знающимъ математику. Это помогло мнѣ получить кое-какія льготы по другимъ предметамъ, въ особенности по языкамъ.

Учителемъ латинскаго языка былъ Мессъ (въ 70 годахъ онъ, кажется, получилъ мѣсто директора Красноярской гимназіи). Фигура этого нѣмца была удивительная: длинный, очень худой, онъ имѣлъ и лицо очень длинное, а пальцы его представляли какія-то тонкія, длинныя палки. Ходилъ онъ очень большими шагами, прикрывая лицо книгами. Входя въ классъ, онъ со второго шага былъ уже на каѳедрѣ и, держа растопыренными пальцами книгу, закрывался ею отъ учениковъ, изрѣдка выглядывалъ изъ-за нея то съ одной, то съ другой стороны. Мессъ былъ очень хорошій учитель, и его ученики хотя боялись, но уважали и прекрасно знали латинскій языкъ. Между моими товарищами 6-го класса я помню нѣсколькихъ, которые довольно свободно читали и даже говорили по-латыни, а вѣдь начинали учиться съ 3-го класса и число недѣльныхъ уроковъ было небольшое, далеко не то, какъ впослѣдствіи въ классическихъ гимназіяхъ, гдѣ морили учениковъ латинскимъ и греческимъ языками и приводили къ тому результату, что, по окончаніи курса, классики сжигали на первой пирушкѣ всѣ свои классическія книги,

а филологическіе факультеты опустѣли до того, что иногда на нихъ не было въ курсѣ ни одного студента.

Я не учился у Месса, товарищи же разсказывали, что способъ его былъ таковъ: въ 3-мъ классѣ, приходя въ первый разъ на урокъ, онъ прямо заставлялъ учениковъ читать латинскую книгу и сейчасъ же переводить. Объясняя правила чтенія, онъ такъ умѣлъ заинтересовать учениковъ, что они очень скоро читали вполнѣ бойко и, безъ всякаго труда и зазубриванія, знали много словъ. Изученіе латинскаго языка шло такъ легко, что всѣ ученики не считали его за трудный предметъ.

Поступивъ въ 6-й классъ, я рѣшительно ничего не зналъ изъ латинскаго языка и на первомъ же урокѣ Мессъ заявилъ, что онъ не считаетъ меня ученикомъ и дѣйствительно никогда не спрашивалъ и не ставилъ никакихъ отмѣтокъ. При переходѣ въ 7-й классъ мнѣ разрѣшили сдать экзаменъ изъ латинскаго языка при окончаніи курса. Однако на мое счастье Месса уже не было, когда я кончалъ курсъ, а былъ другой учитель—Стратаницкій, человѣкъ очень слабый здоровьемъ и не пользующійся уваженіемъ со стороны учениковъ.

Къ окончательному экзамену въ 7-мъ классѣ я выучилъ кое-какіе переводы, но совершенно не зналъ грамматики и на экзаменѣ получилъ единицу. Благодаря хорошимъ отмѣткамъ по другимъ предметамъ мнѣ назначили черезъ недѣлю переэкзаменовку, но я, придя къ Стратаницкому, заявилъ опять о своемъ незнаніи и указывалъ на желаніе свое поступить на математическій факультетъ, гдѣ дескать не нужно латинскаго языка, и Стратаницкій согласился поставить мнѣ тройку.

Спасибо ему. При теперешнихъ порядкахъ я былъ бы выброшенъ за бортъ и конечно влачилъ бы свое существованіе гдѣ-нибудь въ глуши Сибири мелкимъ чиновникомъ, а можетъ быть и совсѣмъ погибъ бы. Только одинъ разъ на своемъ вѣку мнѣ понадобился латинскій языкъ, это было тогда, когда я готовился къ министерскому экзамену по астрономіи и профессоръ Ковальскій указалъ мнѣ на необходимость познакомиться съ сочиненіемъ Бесселя „Fundamenta Astronomiae“. Пришлось обратиться къ знакомому студенту Порфирію Петровичу Гвоздеву, прекрасно знающему латинскій языкъ, и онъ, ничего не понимая въ математикѣ, переводилъ мнѣ текстъ, перевирая конечно математическіе термины. Этотъ переводъ, почти подстроч-

ный, сохранился у меня до сихъ поръ и если бы книга Бесселя не устарѣла, то можно бы издать ее на русскомъ языкѣ, конечно обдѣлавши переводъ Гвоздева какъ слѣдуетъ.

Изъ сочиненія Бесселя я вынесъ мало знаній, и знакомство съ нимъ было для меня не болѣе какъ знакомство съ историческимъ памятникомъ, написаннымъ великимъ астрономомъ - математикомъ и великимъ наблюдателемъ. Мое незнаніе латинскаго языка и тутъ мнѣ не помѣшало.

Учителемъ нѣмецкаго языка былъ пасторъ Косманъ, плохо знающій русскій языкъ, и ученики худо занимались этимъ предметомъ и часто вышучивали Космана, пользуясь его незнаніемъ русскаго языка.

Учитель естественной исторіи Кибальчичъ — хохолъ, былъ надзирателемъ пансіона и состоялъ въ большой дружбѣ съ директоромъ, его ученики не особенно любили, но онъ, кажется, былъ порядочный человѣкъ, хотя далеко не изъ умныхъ и знающихъ. Онъ почти каждую фразу начиналъ словами: „Да у скаже, у мой другъ, у тотъ, у этотъ", такъ что гимназисты между собой звали его „Утотъ". Въ 6-мъ классѣ онъ училъ насъ минералогіи, а въ 7-мъ физіологіи; эти предметы я зналъ довольно порядочно, но вотъ была бѣда, когда въ 7 классѣ пришлось сдавать экзаменъ не только по зоологіи, которую я еще мало-мало зналъ, минералогіи, физіологіи, но и ботаникѣ; этотъ послѣдній предметъ я совсѣмъ не проходилъ въ Томской гимназіи, и мы никакъ не ожидали, чтобы его назначили на экзаменъ, предполагая, что дѣло ограничится только одной физіологіей. Просмотрѣвъ двѣ довольно толстыя книги по ботаникѣ (имя автора сейчасъ забылъ), я всталъ втупикъ, какъ тутъ вывернуться. И вотъ одинъ изъ товарищей взялся научить меня отвѣчать на экзаменѣ у Кибальчича Нужно было бойко перечислять разные ботаническіе термины, характеризующіе семейства растеній, хотя эти термины и не относились бы къ тому семейству растеній, о которомъ спрашиваютъ. Весь фокусъ основывался на томъ, что Кибальчичъ, собираясь останавливать вранье ученика, начиналъ свою фразу: да у скаже, у мой другъ..., а тутъ можно было наврать три короба, остальные же депутаты, не зная конечно ботаники, предполагали, что ученикъ отвѣчаетъ хорошо, и послушавъ немного, заявляли, что такого знающаго ученика нечего долго спрашивать. Кибальчичъ соглашался, и отмѣтка являлась хорошею, только

послѣ Кибальчичъ успѣвалъ доказать ученику его незнаніе, но это было домашнее дѣло.

Такъ случилось и со мной—я хорошо сдалъ экзаменъ по батаникѣ.

Законоучитель—свящ. Карташовъ былъ довольно строгъ и требовалъ отчетливыхъ знаній. У него учились хорошо. Онъ почти всегда ходилъ по классу, такъ что про него сложено было стихотвореніе, начинающееся такъ:

Ходитъ попъ по классу,
Съ длинной бородой,
Расправляя рясу
Жилистой рукой.

Учитель исторіи Иванъ Онисифоровичъ... (забылъ фамилію) увлекалъ насъ разсказами и чтеніемъ историч. книгъ. Хорошій былъ учитель.

Русскій яз. намъ почти не преподавали, и мы сами зубрили учебники: теорія прозы, теорія поэзіи, исторія общей литературы, ист. рус. литерат. Зубрили ужасно. Учителемъ считался Никоновъ. Это былъ замѣчательный человѣкъ. Будучи мальчикомъ-сиротой, онъ былъ воспитанъ нашимъ директоромъ Бабановскимъ и по окончаніи курса въ гимназіи, на счетъ же Бабановскаго, учился въ Казанскомъ университетѣ, гдѣ и получилъ кандидата филологическихъ наукъ, затѣмъ былъ опредѣленъ учителемъ русс. яз. въ Иркутскую гимназію. Какая-то причина вызвала у него нелады къ своимъ воспитателямъ, и онъ началъ покучивать, а главное совсѣмъ бросилъ занятія съ учениками. Если онъ приходилъ въ классъ, то только для того, чтобы почитать какую-либо книгу, а надо замѣтить, онъ читалъ превосходно. Его чтеніе Гоголя, Успенскаго, Щедрина и др. просто приводило въ восторгъ всѣхъ учениковъ и, обѣщаясь вызубрить всѣ учебники, ученики просили его только читать. Для учениковъ онъ былъ какимъ-то идеальнымъ человѣкомъ. Всѣмъ намъ было извѣстно, что Никоновъ, вмѣсто того чтобы идти въ гимназію, уходилъ версты за 3 отъ города на берегъ рѣчки Каи и тамъ цѣлые дни лежалъ на травѣ и читалъ, кормилъ его мельникъ-толчеистъ, у котораго онъ училъ читать ребенка лѣтъ 7—8. Рѣдко, очень рѣдко заходилъ Никоновъ къ знакомому чиновнику Ивану Флегонтовичу Голдобину, который на Каѣ нанималъ дачу у какихъ-то захудалыхъ однодворцевъ. Теперь вѣроятно будутъ понятны стихи, написанные Никоновымъ

при отъѣздѣ его изъ Иркутска въ Казань, куда онъ былъ приглашенъ приватъ-доцентомъ по рекомендаціи Вик. Ив. Григоровича, знаменитаго профессора славянскихъ нарѣчій.

Стихи Никонова ученики выучивали наизусть, и я знаю ихъ до сихъ поръ. Вотъ эти прощальные стихи.

Кая моя, Кая, рѣчка дорогая!
Рѣчка дорогая—струйка золотая!
Если бы ты знала, какъ тебя люблю я,
Ты бы исхудала, обо мнѣ горюя.
Скоро ты, родная, меня не увидишь,
Пѣсенъ моихъ грустныхъ больше не услышишь;
Скоро я разстанусь съ мачихой Сибирью
И завѣю слѣдъ свой непроглядной пылью.
Но въ краю далекомъ, въ городѣ Казани,
По жарамъ купаясь въ озерѣ Кобанѣ,
Горько вспоминая о немиломъ краѣ
Объ одной вздохну я,—о родимой Каѣ.
Вспомню о зеленомъ, мягкомъ косогорѣ,
Гдѣ лежалъ на солнцѣ, нѣжась на просторѣ
И, пригрѣтый зноемъ, сномъ я забывался,
Иль, подъ тѣнью сидя, видомъ любовался.
Какъ ты вся закрылась пышными кустами,
Какъ пестрѣетъ поле яркими цвѣтами,
Или подъ березой, тѣнью и прохладой
Скромно наслаждаясь, прячутся коровы.
Путами стреноженъ, скачетъ конь тоскливо,
Прядая ногами, потрясая гривой,
Или на свободѣ мчится вольной птицей
За своей любимой статной кобылицей.
Прямо какъ спуститься—въ бѣдненькой лачугѣ
Самъ Иванъ Иванычъ, въ обществѣ супруги
Съ четырьмя дочками скромно проживаетъ
И свои доходы въ праздникъ проживаетъ.
Вправо, внизъ по рѣчкѣ, мельница-толчейка,
Ключъ его доходовъ; легкую копѣйку
Мельница приноситъ; не трудна работа,
А на счетъ поправки нѣтъ ему заботы:
Плотину частенько, правда, прорываетъ
Но Зиминъ—хозяинъ, самъ и поправляетъ
А сейчасъ за рѣчкой, на высокомъ мѣстѣ,

На крутомъ пригоркѣ, лѣпится помѣстье
Бывшихъ сынъ боярскихъ,—однодворцевъ даже,
Въ казаки попавшихъ въ силу воли вражей.
Сами землю пашутъ, но и все жъ дворяне,
Грамоту имѣютъ, „копія въ чуланѣ".
Тутъ четыре дома, вотъ и вся деревня.
Двѣ избушки новыхъ, двѣ постройки древнихъ
Три семьи родныя въ трехъ семьяхъ витаютъ,
А четвертый домикъ лѣтомъ нанимаютъ
Какъ бы видѣ дачи,—городскіе люди
Ради поправленья исхудалой груди,
Или, въ общемъ смыслѣ, для возстановленья
Силъ изнеможенныхъ въ жизни треволненьяхъ.
Вотъ и нынче тоже тутъ живетъ съ
супругой
Съ замарашкомъ сыномъ, съ лошадью, прислугой,
Рыболовъ извѣстный, старый мой знакомый,
За глаза Флегонтычъ попросту зовомый,
И охотникъ тоже онъ не изъ послѣднихъ,
Говорятъ, бекасовъ настрѣлялъ намедни
Столько, что ужъ больше и стрѣлять не хочетъ
И ружье повѣсилъ, лучше не промочитъ
Ногъ, какъ вотъ Косыгинъ [1]) промочилъ въ
ту осень,
Отчего недавно нездоровъ былъ очень.
Дальше, за помѣстьемъ, разлеглись поляны,
Десятины пашенъ, тучныя саванны
Съ яркими цвѣтами, березнякъ, малина
И тѣнистыхъ кущей мягкая картина.
Въ ихъ роскошной сѣни спряталось стыдливо
Озеро большое, изогнувшись криво.
Озеру Синюшкинъ далъ свое прозванье,
Атаманъ разбойникъ (говоритъ преданье).
Все это пространство, прямо предо мною
Замкнуто, какъ цѣпью, горною грядою;
Тянется синѣя горная громада...
Люди не напрасно порожденьемъ ада
Назвали ту гору—Чертовой Горою,
Озеромъ нечистымъ—озеро кривое.

На экзаменъ Апол. Ал. Никоновъ не явился, и директоръ, знатокъ русскаго яз. и словесности, сильно насъ нарѣзалъ

*) Косыгинъ—былъ молодой уч. гимназіи, преподав. законовѣдѣнія

и отложилъ экзаменъ на недѣлю. Конечно, желая выручить Никонова, какъ любимаго человѣка, мы сильно зубрили и умоляли его прійти на экзаменъ, однако онъ снова не явился, а прислалъ намъ письмо, которое, я помню, начиналось такъ:

„Питомцы мои милые, дѣти мои Богоданные"... въ этомъ письмѣ онъ высказывалъ соболѣзнованія, что сложивщіяся обстоятельства невольно заставили его поставить насъ въ скверное положеніе. Мы плакали, читая это письмо. Директоръ, какъ добрый и хорошій человѣкъ, самъ выручилъ насъ, и экзаменъ прошелъ благополучно.

Къ письму Никоновъ приложилъ стихи на букву ѣ. Конечно, ихъ сейчасъ-же выучили, жаль, что нѣкоторыя строфы улетучились у меня изъ памяти. Вотъ та часть, которую я еще помню.

Б. = Бѣлый, блѣдный, бѣдный бѣсъ
Убѣжалъ голодный въ лѣсъ,
Долго по лѣсу онъ бѣгалъ
И орѣхомъ пообѣдалъ,
Но за этотъ за обѣдъ
Далъ обѣтъ не дѣлать бѣдъ.

В. = Вѣди вѣдать цѣлый вѣкъ
Долженъ каждый человѣкъ.
Вотъ возьмемъ хоть для примѣра
Съ вѣди пишутъ вѣсъ и вѣра.
Вѣна—Австріи вѣнокъ
Онъ столичный городокъ.
Вѣтеръ вѣетъ, вѣтки гнетъ,
Вѣникъ комнату мететъ,
А какъ вспомнимъ о медвѣдѣ
Такъ поймемъ, что значитъ вѣди.

Г. = Гнѣвъ гнѣдка легко смирить,
Гнѣзда птичьи грѣхъ зорить,
Говоритъ нашъ кучеръ Глѣбъ,
Разрѣзая черный хлѣбъ.

Д. = Изъ большой рѣки Днѣпра
Дѣти тащутъ осетра.
Съ ними дѣдушка хлопочетъ,
Внучка дѣвушка хохочетъ,
Рыбу въ избу принесли,
Раздѣлили на куски,
Мать имъ сдѣлала пирогъ,

Всякій кушалъ, сколько могъ.
А въ другой рѣкѣ Днѣстрѣ,
Отъ Днѣпра невдалекѣ,
Мальчикъ маленькій купался
И Богъ вѣсть куда дѣвался:
Утащилъ ли царь лѣсной,
Утопилъ ли водяной.
Сколько люди ни искали
Только время потеряли.
Ж.=Желѣза, желѣзо съ ять
Такъ ужъ принято писать.
З. =
Л. =Лѣтомъ лекарь въ лѣсъ пошелъ
И нелѣпый грибъ нашелъ,
Онъ хотѣлъ залѣзть на пень
Да взбираться было лѣнь.
Глядь, налѣво тутъ въ лѣсу
Мальчикъ вьетъ себѣ лесу.
М. = ...
. . . .
Мѣломъ цыфры выставляютъ,
Мѣркой мѣряетъ портной,
Мѣстомъ хвалится иной,
Наконецъ мѣсить, мѣшать
Нужно также съ ять писать.
Р. = Рѣшето не то что сито,—
Нѣтъ, рѣшительно не то.
Мелкой рѣшетью покрыто,
А не частой,—рѣшето.
Х.— Буква хѣръ стоитъ крестомъ
И Андреевскимъ притомъ.
Хлѣбъ—для пищи намъ дается,
Хлѣвъ—жилище для скота,
Хрѣнъ—съ холоднымъ подается
И съ горячимъ иногда.
Подпись. Подписалъ Сергѣй Фадѣевъ,
А Матвѣй слышъ Алексѣевъ,
За него черкнулъ злодѣй
Алексѣевъ сынъ, Матвѣй.
Ужъ у дяди у Сергѣя
Пожурили мы Матвѣя.

Жаль, что эти стихи улетучились у меня изъ памяти. Авось кто-нибудь и имѣетъ списокъ ихъ, и тогда можно

бы дополнить. Ученики быстро заучиваютъ ихъ и скоро знакомятся съ массой словъ, пишущихся черезъ ять. Вѣдь это камень преткновенія для учащихся.

Нельзя не пожалѣть, что Петръ Великій, переламывая русскую грамоту, не вычеркнулъ буквы ять и не измѣнилъ кое-что другое. Видимо, онъ самъ не зналъ русской грамматики и не предвидѣлъ трудности ея изученія, не ожидалъ, что родится на свѣтъ Божій Гротъ, который своимъ обязательнымъ „русскимъ правописаніемъ" въ 80-хъ годахъ окончательно спутаетъ юношество, которое будетъ знать, что по-школьному надо писать такъ, а въ жизни придется писать иначе. Знаменитаго правописанія Грота не придерживается ни литература, ни публика, даже учебники пишутъ, не руководствуясь Гротомъ.

Я не понимаю, чѣмъ руководствовался Гротъ; онъ иногда говоритъ, что писать нужно такъ, потому что это вѣрно по происхожденію слова, въ другомъ мѣстѣ, отбрасывая происхожденіе—основываетъ правильность письма на принятомъ обычаѣ. Такъ же странны его поясненія, напримѣръ, слово куралесить (можетъ быть куролесить) онъ производитъ отъ греч. киріелейсонъ,—поясняя, что это значитъ „Господи помилуй". Удивительная связь!!

Слова Владиміръ (по Гроту—Владимиръ), идти (по Гроту итти) и масса другихъ словъ такъ и остались съ своимъ правописаніемъ, и только несчастные школьники, благодаря Гроту, получаютъ единицы. Я знаю случай, когда нѣсколько учениковъ, кончающихъ курсъ въ гимназіи, получили въ маѣ неудовлетворительныя отмѣтки по рус. языку и должны были выйти изъ гимназіи, а между тѣмъ въ августѣ ввели правописаніе Грота, по которому оказалось, что исключенные ученики писали по Гроту. Ихъ правописаніе, конечно случайно, совпало съ правилами Грота.

Очень интересна брошюра, приложенная къ отчету Московской жен. гимназіи Перепелькиной, составленная въ 80-хъ годахъ учителемъ русскаго языка В. Шереметьевскимъ, гдѣ онъ разбираетъ методы и правила Грота. Совѣтую всякому почитать. Курьезнѣе всего—само Мин. Нар. Просвѣщенія пишетъ бумаги и даже печатаетъ свой журналъ, не вполнѣ руководствуясь Гротомъ.

Чтобы окончательно покончить съ этимъ преобразователемъ русскаго правописанія, приведу еще курьезъ. Ученики могутъ пользоваться книгами только изъ учениче-

скихъ библіотекъ, и вотъ Мин. Нар. Пр. издаетъ въ началѣ 90-хъ годовъ каталогъ книгъ, которыя можно имѣть въ ученическихъ библіотекахъ.

Требуется мнѣніе Пед. Совѣта, какія книги добавить въ этотъ обязательный каталогъ, какъ ихъ распредѣлить и пр. и пр. Годика черезъ два издается новый, якобы дополненный и исправленный каталогъ книгъ. Конечно, Гротъ „Правописаніе“ стоитъ на своемъ мѣстѣ, и ученики берутъ его для руководства и справокъ. Проходитъ еще годика два, и изъ Министерства присылается второе изданіе каталога ученич. библіотекъ, исправленное и дополненное, но къ удивленію „Правописанія“ Грота нѣтъ. Конечно, это опечатка, грубая ошибка, однако нѣтъ, совсѣмъ не то: въ числѣ книгъ, изъятыхъ изъ ученическихъ библіотекъ и обозначенныхъ номерами стараго каталога, значится номеръ, подъ которымъ было въ каталогѣ „Правописаніе Грота“; значитъ, тутъ не ошибка, а прямо Гротъ изъятъ изъ ученическихъ библіотекъ. Спрашивается, какъ тутъ быть. Будучи директоромъ, я хотѣлъ написать запросъ, да махнулъ рукой. Авось, думаю, когда-нибудь найдется умный человѣкъ и выяснитъ русское правописаніе безъ всякихъ мудрствованій, а главное упроститъ его.

Мнѣ кажется, что правописаніе Грота будетъ впослѣдствіи разбираться какъ желаніе запутать русскую грамоту, затруднить обученіе, ну, словомъ, система „Катковъ и Толстой“.

Однако возвратимся къ Никонову. Этотъ очень способный человѣкъ долженъ былъ читать пробную лекцію въ Казанскомъ университетѣ и хотя ему назначали время два раза, однако онъ не явился на лекціи, пьянствуя. Конечно, выяснилась его непригодность къ ученому дѣлу, и онъ больше не могъ разсчитывать на университетскую карьеру. Говорятъ, Никоновъ очень бѣдствовалъ и наконецъ былъ назначенъ учителемъ на Кавказъ, но вскорѣ тамъ умеръ. Жаль, что не нашлись добрые люди и не поддержали Никонова.

Изъ другихъ учителей припоминаю учителя французскаго языка Яковлева (впослѣдствіи директоръ Иркутской гимназіи). Это былъ лѣнивый человѣкъ, и мы у него учили какіе-то французскіе стихи и больше ничего. Прекраснымъ учителемъ физики былъ Гессъ, онъ преподавалъ шикарно, разсказывалъ ясно и требовалъ отчетливыхъ знаній. Физику учили по Ленцу, всѣ теоріи были старыя, и теплоту счи-

тали за жидкость, магнитизмъ тоже. Ученики, услыхавшіе новыя теоріи колебаній, совсѣмъ становились въ тупикъ и не признавали ихъ.

Гескъ открылъ въ Иркутскѣ пансіонъ. Пансіонъ этотъ помѣщался въ очень большой квартирѣ, въ которой, кажется, ранѣе былъ клубъ. Помѣщеніе было прекрасное, въ нижнемъ этажѣ была квартира Геска, гдѣ онъ жилъ со своей семьей, кромѣ того внизу помѣщались холостые учителя гимназіи: Полынцевъ, учитель математики, и Косыгинъ, учитель законовѣдѣнія. Самъ Гескъ занимался съ учениками языками и физикой, Полынцевъ—математикой, а Косыгинъ—исторіей и вообще словесными науками. Классныя комнаты находились тоже въ нижнемъ этажѣ. Въ большомъ мезонинѣ были спальни пансіонеровъ. Хозяйствомъ завѣдывала жена Геска, все обставлено было очень шикарно, конечно, и цѣна въ этомъ пансіонѣ была очень дорогая—кажется, отъ 400 до 600 руб.

Пансіонеровъ было человѣкъ 15, и почти всѣ они учились въ гимназіи. Надзоръ прекрасный и какъ самъ Гескъ, такъ и его товарищи строго соблюдали свои дежурства и никогда не оставляли пансіонъ безъ надзора. Вообще пансіонъ Геска славился.

Пробывъ въ 7 классѣ годъ, я не могъ попасть на Сибирскую стипендію въ университетъ и потому долженъ былъ остаться на 2-й годъ.

Лѣтомъ 1861 года, живя у дяди, я началъ сильно заниматься, многое прочиталъ, беря книги изъ городской библіотеки. Между прочимъ мнѣ попалось хорошее изданіе астрономіи Хотинскаго, и я съ увлеченіемъ не только прочиталъ эти 4 томика, но сдѣлалъ массу выписокъ и даже сравнивалъ приводимыя тамъ цифры съ цифрами Гумбольда, въ его Космосѣ, который я считалъ самой замѣчательной книгой на свѣтѣ. Увлекаясь популярной астрономіей, я выпросилъ себѣ изъ гимназіи небольшую трубу и цѣлыя ночи смотрѣлъ на звѣзды. Я былъ чрезвычайно радъ, что мнѣ удалось по сравненію неба съ картой отыскать планеты Венеру, Юпитера и Сатурна. Бывшую тогда комету я наблюдалъ, записывая примѣрно положеніе ядра относительно звѣздъ и отмѣчая направленіе хвоста. Цѣлые вечера просиживалъ, стараясь, хотя приблизительно, найти математическую связь между цифрами и дѣйствительно хорошо изучилъ космографію. Уже послѣ

начала уроковъ, директоръ Бабановскій, встрѣтивъ меня въ коридорѣ пансіона, вдругъ сказалъ: „я слышалъ, что вы звѣзды считаете“. Мнѣ показалось это намекомъ на мое ничего-недѣланіе, и я объяснилъ ему все простымъ любопытствомъ, не мѣшающимъ моимъ занятіямъ другими предметами. Такъ какъ это былъ день роспуска на какой-то праздникъ, то я еще болѣе смутился, когда директоръ сказалъ: зайдите ко мнѣ послѣ классовъ на квартиру, я еще съ вами поговорю. Ну, думаю себѣ, задастъ онъ мнѣ гонку, а пожалуй не пуститъ домой на праздникъ.

Скрѣпя сердце отправился я къ нему, и онъ очень любезно похвалилъ мои занятія и далъ только-что полученныя имъ для библіотеки 4 тома общепонятной астрономіи Араго. Это было для меня большой наградой. Я просто не отрываясь прочиталъ это сочиненіе и удивлялся массѣ фактовъ, приводимыхъ въ немъ. Я чувствовалъ, однако, недостатокъ своей математической подготовки къ изученію части математическихъ сочиненій по астрономіи, но, не имѣя подъ руками какого-либо руководителя, я не представлялъ себѣ, сколько нужно было знать, чтобы имѣть возможность познакомиться съ теоретической астрономіей.

Добывъ какую-то старинную химію Гессе, я дѣлалъ кое-какіе простенькіе опыты, но мало пріобрѣлъ знаній по химіи.

Старуха бабушка Марья Ливерьевна частенько ворчала на меня за мои, по ея мнѣнію, не только безполезныя занятія, но даже противорелигіозныя, т. к., говорила она, грѣхъ узнавать будущее, а ты толкуешь, что можно предсказать впередъ даже затменіе солнца. Часто, съ двоюродной сестрой Анютой Щукиной (замуж. за Думанскимъ) мы сердили старуху, увѣряя ее, что умѣемъ предсказывать небесное явленіе, напримѣръ, можемъ предсказать, что завтра будетъ день, а если ночью не будетъ облаковъ, то видны будутъ звѣзды. Старуха добродушно смѣялась и называла насъ глупыми ребятами, мы тоже были довольны своими выдумками и весело проводили время въ праздничные дни, когда меня отпускали изъ пансіона.

Въ концѣ 1861 года случилось въ Иркутскѣ сильное землетрясеніе. Я его хорошо помню. Хотя въ Иркутскѣ землетрясенія не составляютъ особенно рѣдкаго явленія, но обыкновенно бываютъ слабыя и многими совершенно не замѣчаются. Землетрясеніе 30 и 31 декабря 61 года было очень сильное. Послѣ обѣда 30 декабря, я отправился смо-

трѣть какую-то панораму, устроенную въ домѣ бывшаго канцелярскаго училища, наискосокъ гимназіи. Это было около 4-хъ часовъ вечера. Я и нѣсколько человѣкъ какой-то публики спокойно смотрѣли картинки, какъ вдругъ, установленныя въ комнатахъ перегородки начали шевелиться и трещать. Я сначала думалъ, что это просто перестановка картинъ, но задвигались стѣны, и кто-то крикнулъ: землетрясеніе! Всѣ бросились къ выходу и только тогда опомнились, когда очутились во дворѣ. Морозъ былъ сильный (градусовъ 25), и чувствовалось какое-то угнетенное состояніе. Раздавшійся звонъ колокола къ вечерни звучалъ какъ-то уныло. Было уже не до осмотра панорамы, и я скорѣе побѣжалъ домой, т. е. къ дядѣ. Тамъ, конечно, всѣ чувствовали бывшее землетрясеніе, но особаго значенія ему не придавали. Часовъ въ 7 я, переходя изъ одной комнаты въ другую, отворилъ дверь, и въ это время какъ будто что-то толкнуло меня, оказалось, это былъ новый ударъ землетрясенія, слабѣе перваго.

31 декабря многіе наши родные собрались на обѣдъ къ моей теткѣ Ал. Ильин. Щукиной въ ея домѣ, почти противъ церкви Благовѣщенія. Около $2^1/_2$ ч. всѣ гости направились въ зало, гдѣ накрытъ былъ большой обѣденный столъ. Какъ только вошли въ зало, то раздалось дребезжаніе посуды, закачались старинныя зеркала и лампадки,—всѣ бросились бѣжать. Выскочивъ на дворъ безъ всякаго теплаго платья, несмотря на страшный холодъ, всѣ были поражены, увидѣвъ, что свалился крестъ съ церкви и что сама церковь качается. Двоюродная сестра моя Маша Красильникова вспомнила, что въ домѣ остался ея ребенокъ Саша, я бросился за нимъ и когда вбѣжалъ въ домъ, то нашелъ его сидящимъ на полу; я видѣлъ, какъ качались лампадки, сыпалась штукатурка, и, схвативъ Сашу, бросился бѣжать съ нимъ во дворъ, захвативъ въ прихожей какую-то шубку. Долго стояли всѣ во дворѣ, пораженные грозными явленіями, и затѣмъ уже было не до обѣда. Всѣ скорѣе торопились по домамъ, чтобы узнать, не случилось ли тамъ несчастія.

Я тоже поѣхалъ домой, улицы были пусты. Впечатлѣніе тяжелое. По дорогѣ видѣлъ, какъ повернулся крестъ на Тихвинской церкви. Дома у дяди было все благополучно. Онъ самъ прихварывалъ и во время удара сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ. Его мало поразило землетрясеніе, и онъ началъ только спасать бутыль съ какой-то рѣдкостной наливкой, снявъ ее съ гардероба, гдѣ она стояла. Въ городѣ земле-

трясеніе надѣлало не мало бѣдъ. Куполъ Крестовской церкви упалъ, многія зданія дали трещины. Наша гимназія дала трещину вдоль всего верхняго корридора.

Во время землетрясенія 31 декабря осѣло довольно значительное пространство земли около Байкала, и на другой день, т. е. 1 января, воды Байкала залили такъ называемыя Кударинскую или Цыганскую степь. Погибло много скота, сѣна и пострадало бурятское населеніе. Кажется, никто изъ людей не погибъ.

Въ январѣ, февралѣ и далѣе удары землетрясенія повторялись почти ежедневно, хотя въ слабой степени. Населеніе начало трусить, и по ночамъ всѣ спали не раздѣваясь.

Припоминаю очень странное, скорѣе опасное распоряженіе архіерея, приказавшаго ежедневно служить какія-то молебствія во время вечерни. Народъ собирался въ церквахъ, т. е. въ самыхъ опасныхъ зданіяхъ во время землетрясенія.

Потомъ уже начали устраивать крестные ходы по городу, что конечно было благоразумно во всѣхъ отношеніяхъ, вызывая народъ изъ домовъ на улицу и площади.

Постепенно удары землетрясеній ослаблялись и въ мартѣ уже на нихъ не обращали вниманія.

Во время святокъ, благодаря землетрясеніямъ, отпустили институтокъ по домамъ, и сестра моя Люмаша пріѣхала къ дядѣ и бабушкѣ. Это былъ для всѣхъ насъ большой праздникъ. По заведенному порядку институтокъ не отпускали по домамъ во все время 6-ти лѣтняго курса и онѣ жили тамъ, совершенно не зная своей домашней жизни и выходя изъ института были какими-то странными барышнями, — такъ, что названіе институтки было синонимомъ не развитой, не практичной дѣвушки. Посѣщеніе институтокъ родными происходило подъ особымъ надзоромъ классныхъ дамъ и выходило какъ-то торжественно. Я ходилъ къ сестрѣ въ институтъ почти каждое воскресенье и носилъ отъ бабушки какія-нибудь булочки и конфекты. Институтъ помѣщался тогда въ большомъ деревянномъ домѣ, съ громадными дворомъ и садомъ около Ушаковки на самомъ краю города. Въ послѣдній годъ моего пребыванія въ Иркутскѣ институтъ перевели въ хорошій, выстроенный для него, домъ, на берегу Ангары, противъ дома генералъ-губернатора.

Послѣ святокъ занятія въ гимназіи начались позднѣе обычнаго и даже вскорѣ (на масляницѣ), насъ, т. е. 7-й классъ,

совсѣмъ отпустили готовиться къ экзамену. Классныхъ занятій окончательно не было и только были выданы программы. Въ другихъ же классахъ уроки шли по обыкновенному; что была за причина разрѣшить намъ самостоятельно готовиться, я не знаю, но во всякомъ случаѣ нельзя объяснить это тѣмъ, что зданіе пострадало отъ землетрясенія.

Опасаясь за верхній этажъ, давшій трещину, туда перенесли кабинеты и вывели классныя комнаты, которыя размѣстились въ нижнемъ этажѣ. Инспекторъ Михаилъ Ивановичъ Орловъ перешелъ въ сосѣдній домъ, принадлежащій гимназіи, директоръ и надзиратель Кибальчичъ тоже. Пансіонъ, т. е. спальная и комната для занятій были прежнія.

Обычная жизнь въ пансіонѣ начиналась съ $6^1/_2$ часовъ утра, когда раздавался звонокъ. Въ громадной спальнѣ, гдѣ помѣщалось до 70 человѣкъ пансіонеровъ, начиналось движеніе. Вставать было лѣнь, всякій старался улучить еще нѣсколько минутъ для сна, и часто выходили непріятности, когда надзиратель усиленно приказывалъ вставать. Порядокъ существовалъ только при дежурствѣ Кабальчича, у другихъ надзирателей обыкновенно вставаніе воспитанниковъ тянулось долго и иногда съ приключеніями. Я помню, какъ какой-то озорникъ ночью перемѣшалъ сапоги, и утромъ стоило не мало трудовъ разобрать ихъ. Отправляясь въ маленькую комнату, гдѣ были два небольшихъ умывальника, пансіонеры сначала чистили себѣ сапоги какой-то удивительно тусклой ваксой и умывались при помощи нерастворимаго мыла. Затѣмъ, натянули куртки съ красными воротниками и, сунувъ въ рукавъ пестрый платокъ, отправлялись на молитву, которую читалъ одинъ изъ учениковъ а затѣмъ въ столовую пить чай.

Чай заваривался въ самоварѣ и наливался въ небольшія кружки, къ чаю полагалась четверть небольшой пшеничной булки. Послѣ чая въ той же столовой, которая служила и комнатой для занятій, повторяли уроки и около 9 часовъ отправлялись въ классъ; послѣ двухъ уроковъ, продолжавшихся каждый по $1^1/_4$ часа съ промежутками въ $^1/_4$ часа, была большая перемѣна въ $^1/_2$ часа и снова 2 урока, т. ч. вообще уроки кончались въ 3 часа.

Въ большую перемѣну пансіонерамъ давали опять $^1/_4$ пшеничнаго хлѣба или круглые (въ $1^1/_2$ вер. въ діам.), очень твердые хлѣбцы, чаю не полагалось, а воды сколько хочешь.

Тотчасъ же послѣ классовъ обѣдали. Разнообразіе въ кушаньяхъ заключалось въ слѣдующемъ: щи съ кислой капустой или супъ съ разными крупами. Мяса въ этихъ кушаньяхъ не полагалось, а его вынимали, разрѣзывали на ломтики и подавали на второе блюдо, иногда съ капустой, иногда съ тертымъ картофелемъ. 3-е кушанье была каша: или просовая, или ячменная, или гречневая. На каждаго полагалась ложка масла. Вотъ постоянный обѣдъ пансіонеровъ, другого я не ѣдалъ, проживъ въ гимназическомъ пансіонѣ 3 года. Чернаго хлѣба было сколько угодно. Послѣ обѣда до $5^1/_2$ часовъ ученики гуляли въ небольшомъ залѣ, толкотня была порядочная и многіе изъ старшихъ воспитанниковъ ухитрялись подъ разными предлогами отпроситься якобы къ роднымъ или знакомымъ, либо, неотложнымъ дѣламъ. Читать было нечего. Лѣтомъ отпускали въ садъ—гимназ. садъ былъ порядочный.

Послѣ чая, съ 6 часовъ пансіонеры садились за приготовленіе уроковъ. За каждымъ изъ 3-хъ столовъ сидѣло по 20 человѣкъ, а на четвертомъ остальные. На каждыхъ 20 человѣкъ полагалось по 3 сальныхъ свѣчи и 3-е щипцовъ для снятія нагара. За четвертымъ столомъ сидѣлъ надзиратель, наблюдающій за порядкомъ, но не принимающій никакого участія въ занятіяхъ учениковъ.

Всякій занимался какъ ему угодно и взаимной помощи было мало. Старшіе совсѣмъ не помогали младшимъ. Можетъ быть, эта самостоятельность была полезна.

Инспекторъ посѣщалъ пансіонъ очень рѣдко, а директоръ едва-ли бывалъ въ немъ разъ—другой въ годъ.

Въ 8 ч. вечера кончались занятія, и воспитанники уходили погулять въ зало. Черезъ полчаса начинался ужинъ, и въ 9 часовъ всѣ отправлялись на молитву и спать. Ужинъ былъ такой же, какъ обѣдъ, но безъ каши. Было большое счастье захватить ломоть чернаго хлѣба и протащить его въ спальню, гдѣ, на сонъ грядущій, съѣсть.

Костюмъ состоялъ изъ синихъ брюкъ, безъ прорѣза впереди, затягивающихся сзади ремешкомъ, и черной однобортной куртки съ краснымъ стоячимъ воротникомъ. У своекоштныхъ, вмѣсто куртки, были двухбортные съ мѣдными пуговицами сюртуки,—форма была довольно красивая,—у своекоштныхъ и безобразная у пансіонеровъ.

Особенно она выглядывала неприлично у старшихъ неряшливыхъ воспитанниковъ. Верхнимъ костюмомъ служила шинель синяго сукна со стоячимъ синимъ же во-

ротникомъ, подкладка была фланелевая. Фуражка съ краснымъ околышемь, безъ всякихъ значковъ. Башлыковъ тогда совсѣмъ не знали, и воспитанники прыгали въ этой шинели и курткѣ безъ галошъ по морозу градусовъ въ 30, (что въ Иркутскѣ не рѣдкость). Частенько знобили носъ и уши, но на это никто не обращалъ вниманія. Для своекоштныхъ форменное верхнее платье было необязательно.

Почти всѣ воспитанники, имѣющіе родныхъ въ городѣ, имѣли и частное платье, на это не обращалось вниманіе начальства.

Бѣлье было довольно хорошаго холста и мѣнялось еженедѣльно.

Жилось въ пансіонѣ не худо, время проходило незамѣтно и недостатки не чувствовались. Всѣ къ нимъ привыкли и считали за невозможное какое-либо улучшеніе, да едва-ли оно и было возможно, когда на содержаніе воспитанниковъ отпускалось по 11 коп. въ день.

Занятія шли довольно успѣшно, шалостей было мало. Мы, считающіеся уже старшими воспитанниками, никогда не слыхали, чтобы ученики гимназіи что-либо напроказили въ городѣ, или можетъ быть это происходило оттого, что начальство не обращало вниманія на нихъ, но вѣдь ученики скорѣй начальства могли знать проступки своихъ товарищей, однако мы ничего не знали. Весьма вѣроятно, что въ тѣ времена жизнь семейная и общественная были иныя и не было повода къ соблазну юношества.

Никакихъ классныхъ наставниковъ, ни квартирныхъ надзирателей, ни обязательныхъ посѣщеній церковныхъ службъ, ни даже классныхъ дневниковъ не было, но я убѣжденъ, что ученики были религіознѣе, благовоспитаннѣе и вели себя несравненно лучше учениковъ конца столѣтія. Семья съ большимъ уваженіемъ относилась къ учебному заведенію, смотрѣла на учителей какъ на лицъ, стоящихъ выше окружающей среды, и я, будучи мальчишкой, никогда не слыхалъ, чтобы кто-либо изъ старшихъ бранилъ порядокъ гимназіи или учителей. На гимназію смотрѣли какъ на авторитетъ въ дѣлѣ ученія.

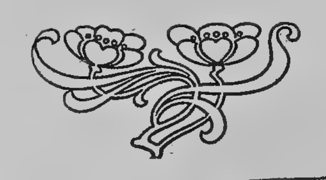
Въ тѣ времена воспитаніе не лежало на обязанности учебнаго заведенія, а предоставлялось семьѣ. Наваленная впослѣдствіи Толстымъ обуза воспитанія чрезвычайно усложнила дѣло учебныхъ заведеній и совершенно разстроила добрыя отношенія школы къ семьѣ.

Родители попадали въ какіе-то тиски, съ нихъ требо-

вали еженедѣльной подписи въ журналѣ, т. е. требовали, чтобы они слѣдили за своими дѣтьми, но такъ какъ не всякій родитель можетъ это дѣлать, то во избѣжаніе вызововъ къ классньмъ наставникамъ, точно къ судебному слѣдователю, родители поручали подписывать дневники кому-либо изъ домашнихъ. Какъ только ученикъ получалъ плохую отмѣтку, сейчасъ требованіе помощи родителей; не пришелъ мальчикъ въ классъ, и у семьи некого послать увѣдомить о причинѣ неявки—отправляется помощникъ класснаго наставника на квартиру съ запросомъ: что, какъ и почему. Назначено ходить въ церковь, гдѣ учебное начальство, а родители желаютъ, чтобы дѣти ходили въ свой приходъ — цѣлая исторія, сейчасъ нужно узнать, былъ ли ученикъ дѣйствительно въ церкви. Бѣжитъ мальчишка въ 7 часовъ вечера; а тутъ какъ на смѣхъ вывертывается изъ-за угла надзиратель — куда, зачѣмъ, какъ смѣлъ идти не въ показанное время. У ученика все запрещено. Родители не смѣютъ имѣть даже книгъ, не разрѣшенныхъ въ ученической библіотекѣ.

Сообщилъ **А. Робушъ**.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ рисунку „Русская подводная лодка“.

Тяжела служба родинѣ нашихъ подводныхъ лодокъ. Прилагаемая къ книгѣ фотографія нашей подводной лодки, вернувшейся изъ плаванія, наглядно показываетъ читателю тяжесть этого служенія.

В. П.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1916 года

ТОМЪ СТО ШЕСТЬДЕСЯТЪ СЕДЬМОЙ

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ.

Записки и воспоминанія.

СТРАН.

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка. — Разсказы. — Матеріалы и замѣтки.

СТРАН.

Приложенія:

I. Портретъ рядового Турубаева (при 8-й книгѣ).
II. Фотографія русской подводной лодки (при 9-й книгѣ).

Библіографическій листокъ.

1. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 16 по 31 декабря 1915 г. (на обложкѣ іюльской книги).

2. К. А. Военскій. Пріѣздъ Лористона къ Кутузову въ Тарутинскій лагерь 28 сентября 1812 г. Неизданное письмо очевидца. Пгр. 1915 г. (на обложкѣ августовской книги).

3. Вѣнокъ Врангелю отъ Общества защиты и сохраненія въ Россіи памятниковъ искусства и старины. Пгр. 1916 г. (тамъ же).

4. Великорусскія сказки Вятской губерніи съ приложеніемъ текста вотяцкихъ сказокъ. Сборникъ Д. К. Зеленчука. Пгр. 1916 г. (тамъ же).

5. С. Ф. Либровичъ. Загадочный фельдмаршалъ русской службы. Пгр. 1915 г. (тамъ же).

6. Записки Е. Метаксы. Съ предисловіемъ и примѣчаніями В. Ильинскаго. Пгр. 1915 г. (на обложкѣ сентябрьской книги).

7. Публицистъ-гражданинъ. Литературный сборникъ, посвященный памяти Г. К. Градовскаго. Изданіе кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. Пгр. 1916 г. (тамъ же).

8. Труды Тульской губернской ученой архивной комиссіи. Книга II. Тула. 1915 г. (тамъ же).

3

Этимъ сборникомъ достойна почтена память скончавшагося въ прошломъ году писателя (воспоминанія Градовскаго нѣсколько лѣтъ назадъ печатались въ „Русской Старинѣ"). Какое имя оставилъ по себѣ въ литературѣ Г. К. Градовскій, объ этомъ можно судить по однимъ заглавіямъ статей о немъ: „Ревнитель писательскихъ нуждъ" (Я. Н. Колубовскаго), „Борецъ за старые идеалы" (Ольги Шапиръ). „Добрый товарищъ" (Вас. Ив. Немировича-Данченко), „Принципистъ" (П. Д. Боборыкина)... О личности и литературной и общественной дѣятельности Градовскаго разсказываютъ также Р. И. Сементковскій („Ближе къ жизни"), В. А. Апушкинъ („Градовскій, гласность и война"), Е. П. Карповъ („Публицистъ-драматургъ"), Ип. Ф. Василевскій („На отдыхѣ"), В. К. Кузнецовъ („Градовскій и съѣзды русскихъ писателей"). Кромѣ того, въ сборникъ вошли отрывки изъ переписки Градовскаго съ Л. Н. и съ С. А. Толстыми, его автобіографія, его воспоминанія „О русской печати", его разсказъ о поѣздкѣ въ Ясную Поляну къ Толстому и обзоры: „45 лѣтъ литературной дѣятельности" и „Печать о Г. К. Градовскомъ".

Труды Тульской губернской ученой архивной комиссии. Книга II. Тула. 1915. Цѣна 2 р. 50 к.

В. Чернопятовъ публикуетъ рядъ кладбищенскихъ записей, относящихся къ составляемой имъ исторіи Тульскаго дворянства и вообще къ „Всероссійскому Некрополю", Ю. В. Арсеньевъ—„Дѣдиловскія отказныя книги XVII вѣка (1664—1702)", В. Базилевичъ—„Нѣсколько документовъ къ исторіи веневскихъ засѣкъ въ XVII вѣкѣ". Очень интересна статья Н. А. Шестакова „Археологическій очеркъ г. Бѣлева и его древностей". Мѣстность эта такъ богата памятниками прошлаго, что одному собирателю, свящ. Михаилу Бурцеву, удалось въ теченіе восьми лѣтъ собрать въ Бѣлевѣ и окрестностяхъ пять тысячъ предметовъ каменнаго вѣка. Историко-литературное значеніе имѣетъ письмо Державина къ С. П. Жихареву отъ 4 іюля 1811 г., котораго поэтъ благодаритъ за заботу „о снабженіи меня имянами аглинскихъ лирическихъ поэтовъ" и проситъ: „попекитесь о доставленіи мнѣ формъ тріолета, рондо и станса"... Историкамъ пригодятся матеріалы для исторіи родовъ Арсеньевыхъ, князей Назаровыхъ, Полѣновыхъ, Сониныхъ. Напечатанные г. Е. Скебаллановичъ документы „Къ біографіи М. Е. Салтыкова-Щедрина" (1867 г.) относятся къ его служебной дѣятельности, когда онъ управлялъ Тульской казенной палатой, и рисуютъ его настойчиво дѣловой и суровый характеръ.

Редакторъ-издатель **П. Н. Вороновъ**. Тип. Императ. уч. глухонѣмыхъ.